

Санкт-Петербургская православная духовная академия  
*Архив журнала «Христианское чтение»*

***М. Архангельский***

О Соборном Уложении царя Алексея  
Михайловича 1649 г. (7156) в отношении к  
Православной Русской Церкви

*Опубликовано:*  
*Христианское чтение. 1881. № 7-8. С. 42-134.*

© Сканирование и создание электронного варианта:  
Санкт-Петербургская православная духовная академия ([www.spbda.ru](http://www.spbda.ru)),  
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии  
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

*Издательство СПбДА*  
Санкт-Петербург  
2010

## О Соборномъ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича 1649 (7156) г. въ отношеніи къ православнои русской церкви

Вступленіе. Значеніе царствованія Алексѣя Михайловича въ законодательномъ отношеніи. Изданіе Кормчей и Уложенія. Церковныя статьи Уложенія, какъ предметъ настоящаго сочиненія. Разныя изданія Уложенія).

Царствованіе государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича (1645—1676) было славно въ исторіи русскаго народа законодательною дѣятельностью какъ въ церковномъ, такъ и въ государственномъ отношеніи.

До воцаренія Алексѣя Михайловича, русская церковь руководствовалась славянскими Кормчими книгами разныхъ редакцій и эти книги существовали только въ рукописныхъ спискахъ. При Алексѣѣ же Михайловичѣ, въ патриаршество Іосифа и Никона, и при личномъ участіи и трудахъ послѣдняго, окончательно составлена была новая редакція Кормчей, извѣстная подъ именемъ *Никоновской* редакціи. Кормчая этой редакціи въ 1653 году была, по соборному опредѣленію, напечатана (Филарета Ист. русск. ц. ч. III, стр. 164, 169 и 171; Ундольскаго—Каталогъ, стр. 112 и 113) въ количествѣ 1,200 экземпляровъ и разослана по епархіямъ. Съ того времени Кормчая книга, бывъ издаваема много разъ и сдѣлавшись доступною для всѣхъ, кто нуждался въ знаніи законовъ русской церкви, постоянно служила въ ней основаніемъ церковнаго управленія и суда, и даже нынѣ, по изданіи „Книги правилъ“, Устава духовныхъ консисторій и другихъ законодательныхъ актовъ, замѣнившихъ ее, не утратила вполне своего значенія (Уст. дух. консист. ст. 207).

Но еще ранѣе Кормчей, а именно въ 1649 году издано было

*Соборное Уложение* царя Алексѣя Михайловича, которое имѣетъ отношеніе собственно къ государственной и земской жизни русскаго народа. Какъ законодательный актъ, *Уложение* имѣло громадную важность для русскаго государства. Въ этомъ отношеніи юристы сравниваютъ его съ такъ называемой *Каролиной* или Уложеніемъ Карла V, 1532 г., которое составило эпоху въ уголовномъ законодательствѣ германскихъ народовъ (Учебн. уголовного права Бернера, изд. Н. Неклюдова, Спб. 1865 г., стр. 124, 125 и 201).

Наше русское Уложеніе, какъ мы сказали, есть собственно кодексъ государственныхъ и земскихъ законовъ. Но оно имѣло важное значеніе и для православной русской церкви. Въ немъ опредѣляются разныя права и обязанности русскихъ православныхъ христіанъ какъ членовъ своего государства, напримѣръ въ отношеніи духовенства къ земельнымъ владѣніямъ, и наоборотъ права и обязанности членовъ русскаго государства какъ сыновъ православной русской церкви, напр. относительно подсудности мірскихъ людей по нѣкоторымъ дѣламъ церковному суду. Даже въ Уложеніи намѣчены и отчасти опредѣлены отношенія между православными членами государства и тѣми, которые содержали другія религіи или другія христіанскія вѣроисповѣданія. Уложеніе не только ограждало въ русскомъ государствѣ цѣлость церкви и чистоту православія, не только регулировало церковныя учрежденія, которыя существовали до 1649 года, установивъ напр. особныя правила на счетъ суда на патріаршемъ дворѣ (Улож. гл. XII), но учредило и новые крупныя порядки относительно церкви, устроивъ напримѣръ такъ называемый монастырскій приказъ (Улож. гл. XIII). Не можемъ не замѣтить также, что законодательная дѣятельность царствованія Алексѣя Михайловича имѣетъ еще предъ законодательствами предшествовавшихъ вѣковъ ту неопѣненную заслугу, что при Алексѣѣ Михайловичѣ означенныя памятники церковнаго и гражданскаго законодательства впервые преданы были численію, чего не бывало прежде, сдѣлались доступными всякому, и положили въ Россіи основной камень обнародованію путемъ печати нашихъ отечественныхъ законовъ какъ въ отдѣльномъ видѣ, такъ и въ формѣ сводовъ, уставовъ, инструкцій и т. п. Кормчая была въ

Россіи первымъ печатнымъ сводомъ церковныхъ законовъ, а Уложеніе—первымъ печатнымъ кодексомъ государственнаго и земскаго права. Изъ этихъ двухъ современныхъ памятниковъ законодательства, обнародованныхъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, мы принимаемъ на себя трудъ заняться по возможности обстоятельнымъ обзоромъ соборнаго Уложенія исключительно въ его отношеніи и примѣненіи къ православной русской церкви. Сколько намъ извѣстно, Уложеніе съ этой стороны никогда не было предметомъ особаго изслѣдованія въ исторіи церковнаго права въ Россіи, а свѣтскіе ученые церковную стихію Уложенія всегда выдѣляли изъ области своихъ изслѣдованій, дѣлая о ней лишь немногія замѣчанія.

Въ печатныхъ изданіяхъ Уложеніе всегда озаглавливалось такъ: „Уложеніе, по которому судъ и расправа во всякихъ дѣлахъ въ Россійскомъ государствѣ производится, сочиненное и напечатанное при владѣніи его величества, государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея Россіи самодержца въ лѣто отъ сотворенія міра 7156“ (Спб. 1776, 1802 и другихъ годовъ). Въ первый разъ оно было напечатано съ подлинника въ Москвѣ славянскими буквами въ трехъ изданіяхъ съ означеніемъ на каждомъ изъ нихъ одного и того же 1649 года. Въ слѣдующемъ 1650 году, Уложенныя книги при грамотахъ отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Россіи разосланы были во всѣ приказны на Москвѣ и въ города къ областнымъ намѣстникамъ и воеводамъ и „велѣно всякія государевы и земскія дѣла дѣлати по тому Соборному Уложенію, какъ въ тѣхъ книгахъ напечатано“ (предисловіе къ Улож. сн. П. С. З. т. I, стр. VI, XXII и Грам. 19 янв. 1650 г. № 23, стр. 223—224). Такъ Уложеніе вошло въ законную силу и получило значеніе дѣйствующаго права въ Русекомъ государствѣ.

Хотя Уложеніе есть собственно памятникъ законодательства, изданный по государеву указу т. е. отъ лица верховной государственной власти, но оно несомнѣнно имѣло юридически обязательную силу и для православной русской церкви по предметамъ и правиламъ, къ ней относящимся. Обязательность эта естественнымъ путемъ вытекаетъ и объясняется изъ самаго процесса происхожде-

нія и обнародованія Соборнаго уложенія, въ общихъ чертахъ изложеннаго въ предисловіи къ нему. Государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Россіи самодержецъ, повелѣлъ составить Уложеніе. Въ основу этого законодательнаго акта приняты были евангельскія начала, напр. о богопочтеніи, о святости воскресныхъ и праздничныхъ дней и т. п., церковныя установленія, также правила святыхъ апостолъ, соборовъ, святыхъ отецъ и градскіе законы греческихъ императоровъ, принятыя русскою церковію въ Кормчей книгѣ, и наконецъ — узаконенія прежнихъ государей, судебники, дополнительные указы къ нимъ и боярскіе приговоры; служившіе еще источниками дѣйствовавшаго права для государства и церкви. Уложеніе составлено земскимъ соборомъ, на которомъ подъ предсѣдательствомъ Іосифа патріарха московскаго и всея Россіи присутствовали митрополиты, архіепископы, епископы, бояре, окольничіе, думные люди и выборные изъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ, дѣтей боярскихъ и прочихъ сословій земли русской. Въ окончательной редакціи статьи Уложенія были прочтены и утверждены земскимъ соборомъ подъ предсѣдательствомъ самаго государя, „чтобы то все Уложеніе впредь было прочно и неподвижно“. Наконецъ подлинный свитокъ Уложенія подписанъ былъ какъ боярами, окольничими, думными людьми и всѣми выборными людьми, такъ и, притомъ во главѣ ихъ, представителями церковной власти того времени, а именно московскимъ и всея Россіи патріархомъ Іосифомъ, знаменитымъ митрополитомъ новгородскимъ Никономъ и другими митрополитами, архіепископами, епископами, а также — архимандритами, игуменами и всѣмъ освященнымъ соборомъ или, иначе сказать, соборомъ всего русскаго духовенства въ союзѣ съ земствомъ. Отсюда-то Уложеніе и называется соборнымъ.

Въ заключеніе всего, законодательная власть, сосредоточенная въ лицѣ царя, обнародовала Уложеніе во всеобщее извѣстіе съ тѣмъ, „чтобы Московскаго государства всякихъ чиновъ людямъ (слѣдовательно и духовныхъ чиновъ) отъ большаго и до меньшаго чину, судъ и расправа была во всякихъ дѣлѣхъ (очевидно и церковныхъ) всѣмъ равна“. Такимъ образомъ Соборное уложеніе 1649 г. получило законодательную силу и значеніе какъ для го-

сударства, такъ и для православной русской церкви, состоявшей въ единомъ и неразрывномъ союзѣ съ государствомъ.

И дѣйствительно, вслѣдъ за своимъ обнародованіемъ, Уложеніе становится закономъ и для церковнаго правительства. Такъ въ 1650 г. 1-го мая подавъ былъ отъ государя на патріаршіи дворъ именной указъ, чтобы патріархъ Іосифъ не велѣлъ свидѣтельствовать и прилагать печати къ духовнымъ завѣщаніямъ, составленнымъ вопреки правилъ Уложенія (И. С. З. т. I, № 34, стр. 229).

Само собою разумѣется, что въ нашемъ изложеніи не будутъ имѣть мѣста тѣ главы и статьи Уложенія, которыя относятся къ чисто государственной и земской жизни, не касаясь ни съ которой стороны церкви, ея предметовъ, лицъ и учреждений. Таковы напр.: глава VII о службѣ всякихъ ратныхъ людей Московскаго государства, глава XXIII о стрѣльцахъ и т. п. Но мы не оставимъ безъ вниманія ни одной статьи, которая или по буквальному смыслу или по общегосударственному значенію имѣла отношеніе либо примѣненіе къ церкви и ея устройству. Такъ X глава Уложенія о судѣ состоитъ изъ 287 статей, — они, по буквальному смыслу, большею частію не касаются церкви, а между тѣмъ порядкомъ и основными начала судопроизводства, въ этой главѣ уложенныя, несомнѣнно практиковались, какъ увидимъ послѣ, въ административныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ русской церкви.

Были такія стороны церковной жизни, которыхъ Уложеніе, въ качествѣ гражданскаго свода законовъ, вовсе не касалось. Такъ напр. Уложеніе ничего не постановило касательно отпаденія отъ православной церкви въ другое какое либо христіанское вѣроисповѣданіе, оставляя эти дѣла въ исключительномъ вѣденіи церковной власти. Между тѣмъ съ теченіемъ времени открылась настоятельная потребность въ принятіи государственныхъ мѣръ и относительно этого рода дѣлъ. Такъ какъ эти мѣры были дополненіемъ къ Уложенію, то мы будемъ указывать ихъ происхожденіе и связь съ Уложеніемъ.

Уложеніе, даже въ качествѣ въ свое время дѣйствующаго права, не оставалось неизмѣнно въ томъ видѣ, въ какомъ яви-

лось въ 1649 году. По духу времени и по требованію обстоятельствъ и просто вслѣдствіе несовершенства присущаго всякой человѣческой работѣ, самъ законодатель Уложенія царь Алексѣй Михайловичъ и его преемники по временамъ сознавали настоящую необходимость въ пересмотрѣ разныхъ статей его и либо отмѣняли ихъ, либо разъясняли, либо давали болѣе обширное примѣненіе, либо излагали въ иной редакціи, либо дополняли новыми правилами. Вслѣдствіе этого послѣ Уложенія изданы были законодательнымъ порядкомъ разныя статьи, касающіяся между прочимъ и церкви, извѣстныя подъ именемъ статей *новоуказныхъ*. Статьи эти тоже самое, что въ византійскомъ законодательствѣ были, такъ называемыя, *новеллы*. Наши новоуказныя статьи можно назвать русскими новеллами. Такъ напримѣръ въ 1669 году государемъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ обнародованы были 22 января новоуказныя статьи числомъ 128 къ статьямъ 21 и 22 главы Уложенія *о тяжбныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ* (П. С. З. т. I, № 441, стр. 774—800). Того-же года и числа были изданы *новоуказныя* статьи, числомъ 14, *о слѣдствіи, судѣ и наказаніи людей духовнаго чина, которые объявятся въ церковныхъ или мірскихъ татѣбахъ, разбояхъ, въ дѣланіи фальшивой монеты и убійствахъ* (ibid., № 442, стр. 800—802). При преемникѣ Алексѣя Михайловича, государѣ царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ особенно часто и въ значительномъ количествѣ выходили новоуказныя статьи, напр. 10 марта 1676 г. *о помѣстьяхъ* 28 статей (ibid, т. II, № 633, стр. 16 — 26), 14 марта того-же года *о раздѣлѣ вотчинъ между родственниками* 16 статей (ibid., № 634, стр. 26 — 31), 24 мая того-же года *о вотчинныхъ и помѣстныхъ дѣлахъ* 8 статей (ibid., № 644, стр. 36—40), 10 августа 1677 г. *о помѣстьяхъ и вотчинахъ* 16 статей (ibid., № 700, стр. 110—138), 20 августа того-же года *о вотчинахъ* 7 статей (ibid., № 702, стр. 138—141) и другія. Новоуказныя статьи, учиненныя благо-разсмотрѣніемъ самодержавной власти, относительно духовныхъ лицъ и дѣлъ, обнародывались во всеобщее извѣстіе не иначе, какъ по совѣту съ патриархомъ московскимъ и всея Россіи и со всѣмъ освя-

ценнымъ соборомъ (П. С. З., т. I, № 442, стр. 800). Всѣ приведенныя названія статей никого не должны вводить въ недоумѣніе касательно пригодности частнаго содержанія ихъ для нашего предмета: ибо какъ въ церковныхъ новоуказныхъ статьяхъ встрѣчаются мѣропріятія, относящіяся до мірскихъ людей, такъ и въ статьяхъ государственнаго и земскаго права имѣются важныя постановленія для духовныхъ лицъ и предметовъ. Поэтому при обзорѣ церковныхъ статей Уложенія намъ необходимо брать въ разсмотрѣніе для правильнаго и полнаго пониманія дѣла, всѣ новоуказныя статьи того и другаго рода, какія только изданы были по 15 іюня 1714 года, такъ какъ въ это время состоялось распоряженіе объ отмѣнѣ новоуказныхъ статей (П. С. З., т. I, стр. 12).

Было-бы важною потерей для настоящаго труда, еслибы мы игнорировали въ немъ новыя дополнительные указы, изданныя законодателемъ послѣ Уложенія. Новыя указы—тѣже въ сущности русскія новеллы, что и новоуказныя статьи, и отличаются отъ послѣднихъ только съ формальной стороны, а именно: статьи касаются многихъ предметовъ Уложенной книги, а указы являлись по требованію единичныхъ случаевъ. Кромѣ законодательнаго содержанія, находящагося въ прямой связи съ статьями Уложенія или по крайней мѣрѣ съ духомъ его, новыя единичныя законы имѣютъ въ себѣ богатый родникъ историческаго матеріала, который весьма пригоденъ изслѣдователю для уясненія разныхъ статей Уложенной книги. Понятно, что мы не можемъ оставить безъ вниманія и новыя дополнительные законы къ Уложенію, представляющіе драгоцѣнный матеріалъ для нашего дѣла.

Наконецъ, въ Уложеніи не рѣдко встрѣчаются старинныя юридическія термины, нынѣ не употребляющіеся, напр. *недѣльщикъ*, *хоженое* (Улож. X, 144), *пожелъзное*, и цѣлыя выраженія напр. *взять за пристава*, *правити прости* (Улож. X, 18), нынѣ не всякому понятныя. Вообще статьи Уложенія изложены примѣнительно къ тому церковно-государственному строю, который въ настоящее время относится къ области исторіи. Таковы напр. существовавшія тогда учрежденія: патриаршій дворъ, архіерейскій приказъ, всегородная изба, съѣзжая изба, губная изба и другія.



Самый языкъ Уложенія, по своему времени ясный, правильный, точный и чистый, въ настоящее время по мѣстамъ является неудобопонятнымъ. Отсюда для насъ вытекаетъ необходимость изъяснять слова, выраженія и цѣлыя статьи Уложенія въ ихъ буквальному смыслѣ и въ примѣненіи къ тому порядку вещей, какой существовалъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича.

Въ Уложеніи нѣкоторыя статьи, касающіяся предметовъ вѣры и церкви, соединены вмѣстѣ подъ однимъ заглавіемъ, какъ напр. въ I главѣ, состоящей изъ 9 статей, *о богохульникахъ и церковныхъ мятежникахъ*, или въ главѣ XII, имѣющей 3 статьи, *о судѣ пстриаршихъ приказныхъ и дворовыхъ всякихъ людей и крестьянъ*, также въ главѣ XIV, состоящей изъ 10 статей, *о крестномъ цѣлованіи*. Вообще-же статьи касательно церкви разсѣяны въ разныхъ отдѣлахъ Уложенія между законами, опредѣляющими гражданскія стороны народнаго быта. Само Уложеніе, наконецъ, не отличается систематичностью, такъ что и гражданскія статьи одного и того-же рода въ немъ не рѣдко встрѣчаются разбросанными въ разныхъ главахъ подъ различными наименованіями. При такомъ положеніи дѣла невозможно разсматривать законы Уложенія относительно церкви въ порядкѣ самой Уложенной книги. Поэтому мы будемъ слѣдовать въ нашемъ изложеніи другому порядку, именно—сначала мы будемъ разсматривать статьи Уложенія, касающіяся отдѣльныхъ предметовъ, лицъ и дѣйствій церковныхъ, а потомъ тѣ, которыя касаются учреждений, напр. приказовъ и т. п. Подъ каждый отдѣльный предметъ о церкви, мы будемъ подводить и группировать статьи разныхъ отдѣловъ Уложенія, къ данному предмету относящіяся.

Въ заключеніе не лишне сгзать два - три слова объ изданіяхъ Уложенія. Уложеніе, какъ выше сказано, имѣло три изданія славянскаго печатанія въ 1649 году и 13 изданій гражданской печати послѣ этого года. Славянскія изданія 1649 года, сдѣланныя съ подлинника, въ настоящее время рѣдки, и имѣть ихъ подъ руками не было возможности. Изданія-же гражданской печати, вышедшія послѣ 1649 года, какъ доказано сличеніемъ ихъ съ славянскими, имѣютъ нѣкоторыя опечатки и даже отступленія

(И. С. З., т. I, стр. 22). Мы пользовались текстомъ Соборнаго уложенія, которое напечатано въ первомъ томѣ Полнаго собранія законовъ Россійской имперіи (стр. 1 — 161). Основаніемъ для этого текста служили первоначальныя славянскія изданія, признаваемые вѣрнѣйшими, а сверхъ того къ нему сдѣланы нѣкоторыя поясненія, не касающіяся впрочемъ церковныхъ статей (ibid., стр. 88 и др.).

## I.

### О предметахъ, дѣйствіяхъ и лицахъ по Уложенію.

#### 1.

#### Охраненіе Уложеніемъ предметовъ православной вѣры и церкви отъ поруганія.

(Поводъ къ охраненію этихъ предметовъ отъ поруганія. Текстъ уложенной статьи. Ея вліаніе на послѣдующее законодательство. Дополнительные къ Уложенію указы о почитаніи имени Божія и святыхъ таинъ).

Соборное уложеніе начинается статьями, въ числѣ 9-ти, излагающими наказанія противъ *богохульниковъ и церковныхъ мятежниковъ*, составляющими первую главу этого законодательнаго акта. За нею, во второй главѣ, слѣдуютъ статьи числомъ 22, о *государевой чести и какъ его государское здоровье оберегать* и т. д. Это внесеніе въ законъ статей о православной вѣрѣ и церкви свидѣтельствуетъ о значительномъ прогрессѣ Уложенія противъ законодательныхъ памятниковъ предшествующаго періода, на примѣръ противъ послѣдняго изъ нихъ—Судебника Іоанна Васильевича IV, въ которомъ не было постановлено никакихъ правилъ по сему предмету.

Если же статьи о богохульникахъ и церковныхъ мятежникахъ въ первый разъ нашли себѣ мѣсто въ Уложеніи 1649 года, то не потому лишь, что они, какъ думаютъ свѣтскіе законовѣды, взяты изъ иностранныхъ законодательствъ, но прежде всего потому конечно, что мѣры противъ богохульства и мятежа церков-

наго настоятельно вызывались потребностями тогдашней русской общественной жизни. Въ исторіи и памятникахъ того времени дѣйствительно встрѣчаются сказанія объ оскорбленіи даже православными русскими людьми предметовъ православной вѣры и церкви. Князь Иванъ Хворостининъ, впадши въ латинскую ересь, былъ изобличенъ въ царствованіе Михаила Феодоровича въ томъ, что про христіанскую православную вѣру и про святыхъ угодниковъ сказывалъ хульные слова (Ист. Соловьева, т. IX, стр. 458). Новгородскій посадскій человекъ Микфорка Хамовъ, около 1648 года, по донесенію стольника князя Семена Урусова, *даже стрѣлялъ въ Спасовъ образъ, чѣмъ, разумѣется, причинилъ уже не словами, но самымъ дѣйствіемъ богохульственное оскорбленіе святыхъ* (ibid. т. X, стр. 452). Послѣ этого нѣтъ ничего невѣроятнаго, если иновѣрцы, въ родѣ евреевъ и магометанъ, относились къ святымъ предметамъ православной церкви оскорбительно, такъ какъ въ самыхъ религіяхъ означенныхъ иновѣрцевъ существуютъ мотивы, неблагопріятные для христіанской вѣры и ея установленій, напр. для иконопочитаія.

Уложеніе строгими карами преслѣдуетъ поруганіе священныхъ предметовъ православной вѣры и церкви, подвергая одинаковому наказанію за сія преступленія какъ православныхъ, такъ и иновѣрцевъ, подъ которыми тогда разумѣлись и христіане инославныхъ исповѣданій. *„Будетъ кто иновѣрцы, говорится въ первой статьѣ первой главы Уложенія, какія ни буди вѣры, или и русскій человекъ возложитъ хулу на Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, или на рождшую Его Пречистую Владычицу нашу Богородицу и Приснодѣву Марію, или на честный крестъ, или на святыхъ Его угодниковъ: и про то сыскивати всякими сыски накрепко. Да будетъ сыщется про то допрама; и того богохульника обличивъ, казнити, сечь“.*

Дѣла сего рода, какъ видно изъ самой статьи, не подлежали церковному суду и производились въ сыскномъ приказѣ. Лица священническаго и иноческаго чина не составляли исключенія изъ этого закона, и если были обличены въ богохуленіи, то подвергались также суду и наказанію по статьѣ о богохульникахъ. Мы

не знаемъ историческаго факта, въ которомъ оправдывалось бы исполненіе этого закона на практикѣ. Самый законъ ограниченъ слишкомъ тѣсными предѣлами, такъ ято въ немъ не упоминается наиримѣрь о христіанской вѣрѣ вообще, о священномъ Писаніи, о таинствахъ святой церкви и недостаетъ важнаго различія между богохуленіемъ и кощунствомъ. Тѣмъ не менѣе этотъ законъ, начиная съ Уложенія, оставался постоянно дѣйствующимъ въ нашемъ законодательствѣ. Петръ Великій подчинилъ-было богохульные дѣла церковному суду, съ отнесеніемъ ихъ къ вѣдомству Святѣйшаго Синода (Духовный регламентъ, изд. 1818 г., стр. 243), но нововведеніе это не привилось къ церковному законодательству, въ которомъ для него нѣтъ надлежащей почвы и достаточно сильныхъ охранительныхъ мѣръ. Поэтому въ современномъ законодательствѣ дѣла этого рода снова подчинены уголовному суду свѣтской власти. При чемъ, замѣчательно, самый текстъ закона о богохуленіи выраженъ почти тѣми же словами, какія употреблены въ Уложеніи, съ замѣною лишь смертной казни, вообще не принятой нынѣшнимъ законодательствомъ, лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и ссылкой въ каторжную работу въ рудникахъ (Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, изд. 1866 г., ст. 176—183, стр. 44—46). Такимъ образомъ Уложеніе Алексѣя Михайловича первое изъ законодательныхъ памятниковъ русскаго народа приняло на себя священную обязанность православнаго государства охранять отъ хуленія предметы православной вѣры и церкви и въ отношеніи къ сему предмету подало добрый примѣръ и послужило основою для законодательствъ церковнаго и гражданскаго послѣдующаго времени, даже до нашихъ дней.

Дѣйствуя охранительно въ отношеніи къ предметамъ вѣры и церкви, Уложеніе тѣмъ самымъ требовало уже отъ всѣхъ почитанія и прославленія имени Божія и благоговѣйнаго отношенія къ священнымъ предметамъ православной вѣры и церкви. Эта мысль Уложенія положительнымъ образомъ выражена въ законодательныхъ актахъ и распоряженіяхъ, обнародованныхъ послѣ 1649 года.

Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи грамота 25 октября 1650 года, посланная во Владиміръ стольнику и воеводѣ Ивану

Плещееву, о почестяхъ, которыя должны быть оказываемы передъ святыми дарами, въ случаѣ перенесенія ихъ священниками изъ церкви въ дома прихожанъ для причащенія больныхъ. Въ грамотѣ сказано: „отъ которыя церкви священникъ пойдетъ къ кому въ больному человѣку въ домъ со святыми Божиими тайнами и передъ священникомъ бы шли церковные причетники со свѣчами, а для почести и для береженія святыхъ Божіихъ таинъ шли около священника изъ прихожанъ той церкви — человѣкъ по десяти и меньше, которые, боясь Бога и желая Его святыхъ милости, ити похотятъ, а мимохожіе-бъ и мимоѣзжіе люди въ то время на улицахъ и въ переулкахъ уступали и путь священнику давали пространнѣй, и съ лошадей ссадились и изъ саней и изъ телѣгъ выходя, поклонялись и почитали святыхъ Божіихъ тайнъ со страхомъ и съ трепетомъ... А которые, не имуще въ себѣ страха Божія, не будутъ воздавать таковой чести, и тѣхъ безстрашниковъ велѣно всякимъ людямъ имати и, по нашему указу, такимъ невѣжамъ и безстрашникомъ велѣно чинить жестокое наказаніе и ссылатъ ихъ въ монастыри въ смиреніе для исправленія въ ихъ безстрашіи, покажѣсть навикнуть имѣть страхъ Божій (П. С. З. т. I, № 48, стр. 246—247. См. тамъ же грамоту 20 февраля 1649 года № 2, стр. 161—163).

Въ то время въ прошеніяхъ на имя царскаго величества встрѣчались иногда выраженія, которыя, противъ желанія челобитчиковъ, оскорбляли достоинство и величіе Божіе, вытекая изъ господствовавшаго тогда взгляда на высокое значеніе царской власти на землѣ. Люди знающіе въ подобныхъ случаяхъ употребляли конечно осторожныя выраженія. Такъ, по поводу новгородскаго мятежа, бывшаго въ 1650 году, митрополитъ Никонъ писалъ къ царю Алексію Михайловичу челобитную о прощеніи бунтарей, употребляя такія слова: „уподобись милостивому и человеколюбивому Богу; какъ будутъ тебе о своихъ винахъ бить челомъ, прости ихъ“ (Ист. Соловьева, т. X, стр. 186). Простые же люди, желая умилостивить верховную власть, нерѣдко въ своихъ челобитныхъ выражались такъ: *умилосердись великій государь, какъ Богъ*. Такое выраженіе, съ давняго времени бывшее въ ходу, при-

звано было оскорбительнымъ для Бога и неуиѣстнымъ. Имяннымъ указомъ царя Феодора Алексѣевича 8 іюня 1680 года было запрещено писать государю, чтобы онъ *пожаловалъ, умилосердился какъ Богъ*, подѣ опасеніемъ быть за то отъ него великаго государя въ великой опалѣ, съ замѣною этой фразы слѣдующею формою, чтобы онъ государь „пожаловалъ, умилосердился для прилучившагося котораго наставшаго праздника и для его государскаго многолѣтнаго здравія“ (П. С. З. т. II, № 826, стран. 268—269).

Эти два и подобныя имъ указы, обнародованные верховною властію послѣ Уложенія и въ дополненіе къ нему, содержащія не только предписанія и запрещенія, но также и наказанія за неисполненіе ихъ, очевидно имѣли полную силу закона и въ свое время принадлежали въ дѣйствующему праву, ограждая имя Божіе и святыя тайны отъ невѣжественнаго къ нимъ отношенія, хотя, быть можетъ, и неумышленнаго.

## 2.

### О вѣрѣ или крестномъ цѣлованіи.

(Разные случаи присяги и употребленіе ея до Уложенія. Общій обзоръ дѣятельности Уложенія относительно присяги, различіе статей для духовныхъ и мірскихъ людей и о наказаніяхъ за лжеприсягу).

Смертному грѣху богохуленія противопоставляется христіанская добродѣтель благоговѣнія и прославленія имени Божія. Къ видамъ этой добродѣтели, по ученію православной церкви, относятся клятва или присяга. Въ дѣлахъ государственнаго характера присяга имѣетъ двойное значеніе: какъ обѣщаніе, съ призваніемъ Бога во свидѣтели, вѣрности службы государству при воцареніи государя и при вступленіи кого-либо въ должность (присяга обѣщательная) и какъ удостовѣреніе въ правдивости свидѣтельскихъ показаній по дѣламъ суднымъ, уголовнымъ и тяжбынымъ (присяга утвердительная). Эта форма призванія и прославленія имени Божія въ дѣлахъ государства постоянно употреблялась со времени

введенія христіанства въ Россіи, но въ законодательствѣ не была формулирована съ подробностями. Такъ, главныя и общія начала относительно присяги, напимѣръ способъ присяги—цѣлованіе креста, возрастъ, съ котораго она дозволяется, о присягѣ иновѣрцевъ и т. п., установлены были только 29 мая 1625 г. и исполнялись на дѣлѣ по указу царя Михаила Феодоровича и святѣйшаго патріарха Филарета Никитича московскаго и всея Россіи (А. И. III, № 92). Законодатель Уложенія сдѣлалъ большой прогрессъ въ развитіи присяги, какъ церковно-юридическаго установленія. Онъ отвелъ въ своемъ законодательствѣ крестному цѣлованію особую XIV главу, развивши въ ней общія положенія о присягѣ въ 10 отдѣльныхъ статьяхъ. Сверхъ того законодатель Уложенія расширилъ употребленіе присяги, ввелъ многія новыя формы ея, точнѣе опредѣлилъ случаи, въ которыхъ отъ кого она требуется, и постановилъ строгія гражданскія и церковныя наказанія за злоупотребленіе присягою.

Статьи о присягѣ по Уложенію были неодинаковы для людей духовнаго чина и мірскихъ.

Въ отношеніи еъ духовнымъ лицамъ, Уложеніе постановило слѣдующія правила касательно присяги:

а) Если духовное лицо приносило жалобу на другаго чловека духовнаго же сана, отъ архимандрита до діакона, въ безчестьи, побояхъ, грабительствѣ и какихъ-либо убыткахъ, то присяга между такими истцами и отвѣтчиками была воспрещена подъ опасеніемъ удаленія отъ священствованія, а вмѣсто присяги дѣла такого рода рѣшались посредствомъ жребія (Улож. XIII, 4). Отсюда видно, что Уложеніе предусмотрительно охраняло лица духовнаго чина отъ принесенія незаконной присяги. Уложеніе предполагаетъ возможнымъ допустить еъ присягѣ другое лицо вмѣсто того изъ духовныхъ, отъ котораго она требуется по закону (*ibidem*).

б) Въ искахъ между мірскими людьми и лицами священническаго и иноческаго чина допуссалась для послѣднихъ присяга. Но по взаимному согласію сторонъ присяга, подъ условіемъ окончанія суднаго дѣла, могла быть замѣнена также жребіемъ (*ibid.* ст. 5 и 6).

в) Лицами священническаго и иноческаго чина присяга, по Уложенію, въ исковыхъ дѣлахъ давалась при допросахъ предъ духовными чинами епископскаго сана (Улож. XIII, 6), а въ свѣдѣтельскихъ показаніяхъ, на примѣръ на повальныхъ обыскахъ, предъ гражданскими чиновниками, сыщиками, приказными и т. п. (Улож. X, 161). Впрочемъ новоуказными статьями 22 января 1669 года было отмѣнено постановленіе Уложенія — допрашивать на повальномъ обыскѣ чрезъ гражданскихъ чиновниковъ людей духовнаго чина: архимандритовъ, игуменовъ, старцевъ, протопоповъ, поповъ, діаконъ, и всякихъ церковныхъ причетниковъ. Взамѣнъ сего постановлено о допросахъ этихъ лицъ или о сыскѣ, про какія дѣла доведется ихъ допрашивать или ими смекивать, посылать памяти къ духовнымъ судьямъ, вторые установлены были при архіереяхъ вмѣсто прежнихъ гражданскихъ судей вслѣдствіе опредѣленій собора 1667 года (П. С. З. т. I, ст. 28, стр. 781 и 782).

г) Присягѣ подлежали духовные чины, начиная отъ архимандрита и протопопа до низшихъ чиновъ иноческаго и священнослужительскаго званія. Но въ Уложеніи нигдѣ не упоминается о требованіи присяги отъ духовныхъ властей: епископа, архіепископа, митрополита и патріарха. Чѣмъ объяснить такое умолчаніе, предположеніемъ ли ихъ неприкосновенности къ дѣламъ, въ которыхъ требуется присяга, или безусловною вѣрою въ слово ихъ, произнесенное безъ присяги, или привилегією — не подвергать ихъ спросамъ, мы не знаемъ. Однако извѣстно, что особы епископскаго сана въ Уложеніи не поименованы въ числѣ лицъ, подлежащихъ допросамъ при повальныхъ обыскахъ (Улож. X, 161).

Присяга лицъ духовнаго чина, въ Уложеніи и раньше его во времена Судебниковъ, была особенная, а именно: лицъ бѣлаго духовенства, не приводя къ крестному цѣлованію, допрашивали, какъ это означалось юридическимъ терминомъ, *по священству*, а лицъ монашескаго чина *по иноческому обѣщанію*. Эта форма присяги и въ наше время остается въ употребленіи.

Въ отношеніи къ мірскимъ людямъ формою присяги было *крестное цѣлованіе*. Въ Уложеніи, какъ выше сказано, имѣется



особая XIV глава, состоящая из десяти статей, въ которыхъ излагаются общія положенія о *крестномъ цѣлованіи*. Сущность ихъ заключается въ слѣдующемъ. Крестъ цѣловать дозволялось христіанамъ вообще только съ двадцатилѣтняго возраста (ст. 1), и лишь въ особыхъ и крайнихъ случаяхъ приводились ко кресту и юноши не ниже пятнадцати лѣтъ (ст. 5). Инославные христіане приводились къ вѣрѣ по ихъ исповѣданію (ст. 3). Одному человеку дозволялось крестъ цѣловать въ разныхъ искахъ только *трижды*, при четвертомъ искѣ дѣло производилось уже сыскнымъ порядкомъ и пыткой (ст. 2). Если цѣна иска не превышала одного рубля, то тяжущіеся вынимали жребій, кому изъ нихъ крестъ цѣловать, а въ суммахъ больше рубля обѣ стороны крестъ цѣловали безъ жребія (ст. 10, sub fine). Назначены были такіе часы дня, въ которые совершалось крестное цѣлованіе и для лицъ, приводимыхъ къ нему, допускались только три ставки (т. е. три срока) (ст. 6). По Уложенію, обрядъ крестнаго цѣлованія совершался иначе, чѣмъ нынѣшняя присяга. Евангеліе не ставилось и присутствіе священника не требовалось. Въ приказахъ обязательно имѣлась икона, на которой былъ изображенъ святой крестъ (ст. 3). Передъ приводомъ къ цѣлованію святаго креста, подъячій вычитывалъ вслухъ при многихъ свидѣтеляхъ бывшимъ на ставкѣ крестоцѣловальную выпись, употреблявшуюся во всѣхъ судныхъ дѣлахъ, со статьями изъ церковныхъ правилъ, приведенными въ Уложеніи (Гл. XIV, ст. 10). Послѣ этого лица, бывшія на ставкѣ, цѣловали святой крестъ, изображенный на иконѣ. Со стороны администраціи свидѣтелями крестнаго цѣлованія были дворянинъ и подъячій (*ibid.* 6). Кромѣ святаго креста можно было цѣловать другую какую-либо икону, напримѣръ Пресвятыя Богородицы или образъ кого либо изъ святыхъ, и это цѣлованіе также составляло присягу (*ibid.* ст. 10).

Отличительную черту Уложенія въ этомъ вопросѣ составляли два принципа, въ настоящее время неизвѣстные ни въ какомъ законодательствѣ, первый, что къ крестному цѣлованію допускались тяжущіеся стороны—истецъ и отвѣтчикъ, что требовалось и Судебникомъ Іоанна IV (ст. 69), и второй, что тяжущіеся лица, не

присягая сами по какой либо причинѣ, напримѣръ по малолѣтству (Улож. XIV, 5), могли поручить крестное цѣлованіе на судѣ за себя другому человѣку, напримѣръ родственнику, или кто за него будетъ стоять на судѣ, даже своему слугѣ и холопу (Улож. XX, 96). При этомъ сдѣлано было Уложеніемъ слѣдующее весьма важное исключеніе: „а наемнымъ людямъ и подставою креста не цѣловати и ко кресту не приводити ни которыми дѣлы (гл. XIV, ст. 5). Во избѣжаніе же найма подставы и другихъ неправостей, сторонніе люди допускались за истцовъ и отвѣтчиковъ въ вѣрѣ, особенно въ большихъ искахъ, напримѣръ рублей въ 300, не иначе, какъ по согласію сторонъ (ibid. ст. 8). Есть историческіе факты, доказывающіе, что форма присяги за другаго дѣйствительно употреблялась въ періодъ Уложенія. Въ 1648 году уже извѣстный намъ Микифорка Хамовъ, новгородскій посадскій человѣкъ, билъ челомъ на стольника князя Семена Урусова по слѣдующему дѣлу: Хамова обвиняли въ продажѣ вина сверхъ дозволеннаго количества. Урусовъ велѣлъ запечатать его дворъ со всѣми запасами. Въ обыскѣ однакоже никто изъ новгородцевъ не объявилъ, чтобы Хамовъ продавалъ вино въ недозволенномъ количествѣ. Тѣмъ не менѣе его отдали за пристава, сковали руки и ноги и держали подъ поломъ въ темнотѣ. Урусовъ просилъ съ него 200 рублей, Хамовъ обѣщалъ 100 и его отпустили на свободу; Урусовъ взялъ также изъ лавки Хамова солоду, укуса, а денегъ за товары не заплатилъ. Вслѣдствіе такихъ поступковъ, Хамовъ подалъ на стольника Урусова челобитную. Урусовъ отвѣчалъ, что Хамовъ курилъ вино въ недозволенномъ количествѣ, 100 рублей у него не бралъ, за солодъ и укусъ деньги посылалъ, да Хамовъ самъ отъазался ихъ взять. Тогда истецъ и отвѣтникъ имались за вѣру, за крестное цѣлованіе, но ни тотъ, ни другой не желали сами лично совершить присягу. Стольникъ Урусовъ цѣловать крестъ взялъ на душу человѣку своему Ивашкѣ Гнусу, а за Хамова крестъ цѣловалъ человѣкъ его Ротья Кузьминъ. Гнусъ показалъ, что онъ не бралъ съ Хамова 100 рублей на Урусова; тогда Хамовъ сослался на его кожу, чтобы его въ томъ пытать, Урусовъ съ своей стороны требовалъ, чтобы прежде пытать Ха-

мова, ибо онъ клеветъ (Ист. Соловьева, т. X, стр. 451—452). Чѣмъ дѣло кончилось, неизвѣстно, да для насъ исходъ его не имѣетъ и прямаго интереса.

Гораздо важнѣе для насъ тѣ измѣненія относительно крестнаго цѣлованія, которыя были обнаружены послѣ Уложенія. Такъ, неизвѣстно когда именно, было отмѣнено правило, чтобы крестное цѣлованіе совершать въ приказахъ, а взамѣнъ того постановлено приводить къ вѣрѣ въ перьвахъ чрезъ священниковъ въ присутствіи дьяковъ приказа. Имяннымъ указомъ 19 декабря 1678 года, духовнымъ лицамъ, приводящимъ къ вѣрѣ истцевъ и отвѣтчиковъ, вмѣнялось въ обязанность дѣлать имъ передъ присягою увѣщаніе съ великимъ запрещеніемъ, чтобы они „иски свои у вѣры сказывали вправду, что кому отъ кого впрямъ какихъ убытковъ учинилось, а лишняго, чтобы они къ тѣмъ своимъ искамъ приписали, отнюдь не имали и тѣмъ въ клятвопреступленіе не впадали“. Въ такомъ случаѣ закономъ постановлялось на тѣхъ людяхъ тотъ искъ брать безъ вѣры, что они передъ духовными лицами скажутъ и въ вину имъ того впредъ и въ укоризну не ставить, потому что они про то сказали христіански, бояся Бога, а въ достальномъ иску, въ чемъ учинится споръ, приводить къ вѣрѣ попрежнему (П. С. З. т. II, № 741, стр. 184). 15 іюня 1685 года было подтверждено указомъ истцевъ и отвѣтчиковъ приводить къ вѣрѣ попрежнему въ три дня, но крестное цѣлованіе они обязывались дѣлать уже не въ приказахъ, а въ соборахъ и церквахъ непремѣнно при свидѣтелѣ изъ приказныхъ дьяковъ, а протопопамъ и священникамъ поставлено въ обязанность приводить ихъ къ вѣрѣ безъ проволочки (П. С. З. т. II, № 1126, стр. 6751).

Къ присягѣ праводились, по Уложенію, истцы (Улож. IX, 2), отвѣтчики (X, 154), свидѣтели (X, 158—159) и обыскные люди, мужчины и женщины (Улож. X, 161 и 173).

Одно крестное цѣлованіе истца иногда по Уложенію рѣшало все дѣло въ его пользу съ очень тяжкими послѣдствіями для отвѣтчика. Такъ Уложеніемъ запрещено было брать *мытѣ, перевозѣ и мостовщину* съ служилыхъ людей, съ ихъ запасовъ и гонцовъ,

которые будут посланы для государевыхъ дѣлъ (гл. IX, ст. 1). Но если кто изъ такихъ служилыхъ людей подавалъ челобитную, что мытчики, перевозчики и мостовщики въ какой-нибудь вотчинѣ взяли съ него пошлины съ обозначеніемъ суммы ихъ и если челобитную свою оны подтверждалъ крестнымъ цѣлованіемъ: то безъ всякихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій, мыто, перевозъ и мостовщина взыскивались съ обвиняемыхъ втрое и возвращались челобитчику, и сверхъ того обвиняемые наказывались еще кнутомъ (гл. IX, ст. 2 и 3).

Крестное цѣлованіе весьма часто прекращало дѣло между истцами и отвѣтчиками, если тотъ и другой изъ нихъ изъявлялъ желаніе удовлетвориться одною присягой (Улож. гл. XIII, ст. 6 и друг.). Оно завершало дѣло и въ такомъ случаѣ, ежели не было никакихъ другихъ способовъ къ открытію правды: „а будетъ про то сыскати будетъ нѣчимъ, и имъ (истцамъ и отвѣтчикамъ) въ томъ съ суда дати вѣра, крестное цѣлованіе“ (гл. X, ст. 281). Отказъ на третьей ставкѣ или уклоненіе кого-либо отъ крестнаго цѣлованія и отказъ кого-либо отъ привода къ присягѣ своего соперника, завершая дѣло, служилъ причиною завиненія отказавшагося. „А которые люди истецъ или отвѣтчикъ у крестнаго цѣлованія на третьей ставкѣ не станутъ самовольствомъ безъ челобитья, или станутъ, да во указные часы креста не поцѣлуетъ, или кто кого въ тѣ часы ко кресту не приведетъ, и того тѣмъ обвинити“ (Улож. XIV, 6). Рѣшеніе дѣла посредствомъ одного крестнаго цѣлованія обозначалось въ то время юридическимъ терминомъ *отцѣловаться* (*ibid.* XI, 27), каковъ терминъ перешелъ въ Уложеніе изъ Судебниковъ (см. Судебн. Іоанна III, ст. о чужеземцѣхъ).

Въ основаніи Уложенія лежитъ принципъ о приводѣ ко кресту разныхъ должностныхъ лицъ, прежде отправленія ими своихъ обязанностей. Такъ напримѣръ губные старосты, выбиравшіеся по городамъ изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, добрыхъ и прожиточныхъ, ѣздили въ Москву и тамъ приводились ко кресту въ разбойномъ приказѣ. Губные цѣловальники, дьячки и сторожа приводились ко кресту въ своихъ городахъ воеводами въ присутствіи

старость (Улож. XXI, 4). Въ дополнительныхъ указахъ къ Уложенію принципъ этотъ получилъ болѣе широкое развитіе. Въ 1651 году обнародована общая форма присяги для чиновниковъ всякаго рода на вѣрность службы (П. С. З. т. I, № 69, стр. 355—356). Въ 1658 году постановлено приводить къ присягѣ въ церкви при разрядномъ дьякѣ лицъ, произведенныхъ въ чинъ стольника, стряпчаго и жильца въ день самаго производства (П. С. З. т. I, № 218, стр. 445), а въ 1667 году указомъ 10 апрѣля разъяснено, чтобы пожалованные въ новые чины безъ присяги на службу не являлись и никакихъ дѣлъ не дѣлали (*ibid.* № 406, стр. 675). Къ общей присягѣ для чиновниковъ изданы особыя *приписи*, по которымъ приводились ко кресту: а) бояре, окольничіе и думные люди, б) кравчіе, в) казначеи, г) постельничіе, д) дьяки думные, е) ясельничіе и конюшенные дьяки, ж) живущіе у государя въ комнатахъ, з) стольники, и) стряпчие, і) жильцы, к) дьяки, л) дьяки казенные, м) шатерничіе и н) стремянные конюхи (*ibid.* № 114, стр. 307—315). Отсюда становится яснымъ, что въ періодъ Уложенія присяга получила въ Россіи наибольшее развитіе и примѣненіе къ жизни какъ въ администраціи, такъ и на судѣ.

Въ спорахъ между сосѣдями о границахъ земельныхъ владѣній, ежели судъ не могъ разрѣшить дѣла на основаніи юридическихъ доказательствъ, на примѣръ писцовыхъ книгъ, крѣпостей и т. п., употреблялась, по Уложенію, особаго рода вѣра, которая называлась *образнымъ хоженіемъ*, т. е. обходомъ со святою иконою: „А будетъ въ спорныхъ земляхъ, говорить Уложеніе, зачѣмъ указу учинити будетъ немощно, и на такихъ спорныхъ земляхъ истцу съ отвѣтчикомъ учинити вѣрообразное хоженіе, а съ образомъ велѣти итти тому, кому въ судѣ дано будетъ на душу (гл. X, ст. 236). А будетъ на которыхъ спорныхъ земляхъ будутъ старожильцы съ обѣ стороны, и учинится у тѣхъ старожильцевъ промежь собою споръ, одни старожильцы станутъ правити истца, а другіе старожильцы станутъ правити отвѣтника, и на той спорной землѣ истцу съ отвѣтчикомъ дати жеребей, кому изъ нихъ и противъ которые старожильцевы скаски спорная земля съ

образомъ отвести, да кому вымется жеребей, и тому та спорная земля съ образомъ и отвести“ (ibid. ст. 237). Изъ сего видно, что образное хожденіе предоставлялось совѣсти или истца или отвѣтчика либо по опредѣленію суда, либо по жребію. Все то пространство спорной земли, которое обходилось съ образомъ, уже безъ всякаго возраженія приговаривалось судомъ и закрѣплялось за тѣмъ, кто совершалъ образное хоженіе. Эта церковно-юридическая форма для рѣшенія споровъ, взятая изъ обычнаго права, постоянно и довольно долго употреблялась послѣ Уложенія. Въ 1674 году законодатель Уложенія, царь Алексѣй Михайловичъ, указомъ отъ 7 іюня, по боярскому приговору постановилъ о градскихъ спорныхъ земляхъ, если нельзя будетъ рѣшить дѣла на основаніи показаній обыскныхъ людей и старожильцевъ, писать къ нему, великому государю, къ Москвѣ въ помѣстный приказъ (П. С. З. т. I, № 580, стр. 982—983). Съ этого времени сила образнаго хожденія стала ослабѣвать и ни въ законодательствѣ нашего времени, ни въ народныхъ обычаяхъ эта своеобразная церковно-юридическая форма для рѣшенія спорныхъ земельныхъ вопросовъ болѣе не существуетъ.

Если законодательство Уложенія придавало большую вѣру присягѣ, то и за неправильное показаніе подъ присягою дѣлало строгія взыскапія какъ съ лицъ мірскихъ, такъ и съ духовныхъ. Такъ напримѣръ для духовныхъ лицъ положены были разныя и весьма строгія взыскапія за ложныя показанія при безымянныхъ повальныхъ обыскахъ, которые, по Уложенію, производились гражданскими чиновниками и состояли въ опросѣ духовныхъ людей и въ записи ихъ рѣчей съ отобраніемъ къ нимъ рукоприкладства.

Наказанія эти были гражданскія и церковныя и состояли въ слѣдующемъ:

1) Бралась пеня на государя за лживые обыски съ архимандритовъ по 50 рублей съ челоуѣка, съ казначеевъ, строителей и соборныхъ старцевъ по 30 рублей съ челоуѣка, съ рядовой братіи по 5 рублей съ челоуѣка, со служекъ большихъ монастырей по 20 рублей съ челоуѣка, со служекъ меньшихъ монастырей и съ дѣтенышей всѣхъ вообще монастырей по 5 рублей съ челоуѣка,

съ протопоповъ по 40 рублей съ человѣка, съ протодіаконовъ по 30 рублей съ человѣка, съ поповъ по 20 рублей съ человѣка, съ діаконовъ и съ церковныхъ дьячковъ по 10 рублей съ человѣка.

2) Для лицъ духовнаго сана полагались еще церковныя наказанія, а именно: архимандритовъ, игуменовъ, поповъ и діаконовъ, которые при обыскѣ солгутъ, велѣно отсылать на смиреніе къ патріарху, къ митрополитамъ, къ архіепископамъ и епископамъ, кто въ чьей области будетъ состоять.

3) Кроме того, которому истцу или отвѣтчику отъ лживыхъ обысковъ учинятся убытки, проѣзды и волокиты, и то все доправлялось на тѣхъ людяхъ, кто при обыскѣ солгалъ и отдавалось тому, кто потерялъ убытки.

Наконецъ 4) Если какіе нибудь люди по лживымъ обыскамъ были подвержены пыткамъ, то эти пытаные люди на тѣхъ, которые въ обыскѣ солгали, имѣли право править безчестье и увѣче вчетверо, противъ назначеннаго имъ въ Уложеніи, *чтобы*, какъ говорить Уложеніе, *впредь не мам* (Улож. гл. X, ст. 161 и 162).

Какимъ наказаніямъ люди духовнаго чина подвергались въ другихъ случаяхъ за ложныя показанія подъ присягою—Уложеніе не говоритъ, и въ этомъ молчаніи обнаруживается его неполнота и недостаточность.

На обыскныхъ людей мірскихъ сословій Уложеніемъ не положено церковнаго наказанія, а только установлено брать съ нихъ пеню на государя, взмекивать убытки и править безчестье (Улож. X, 162—166). Тутъ опять обнаруживается непослѣдовательность Уложенія и несогласіе однихъ мѣръ его съ другими.

Вообще-же Уложеніе налагало строгія наказанія за нарушеніе клятвы и на людей всѣхъ земскихъ сословій. Эти наказанія были двоякаго рода: гражданскія и церковныя и имъ подвергались одинаково какъ тѣ, кто во лжу цѣловалъ святыи крестъ, такъ и тѣ, кто приводилъ ближняго своего ко кресту не на правдѣ.

Гражданское наказаніе за ложную клятву было весьма тяжкое: уличенныхъ въ ней положено „бити вкутомъ по торгомъ по три дни, чтобы про то было вѣдомо многимъ людямъ, за что такое

наказаніе указано учинити, и бивъ по торгомъ квутомъ по три дни, посадити еще въ тюрьму на годъ и впредь такимъ людямъ ни въ чемъ не вѣрити и ни въ какихъ дѣлахъ ни на кого суда не давати“ (Улож. гл. XIV, ст. 9. Снеси: гл. XI, ст. 27).

Церковное наказаніе за клятвопреступленіе Уложеніемъ было назначено двоякаго рода: иное для крестьянъ, и иное для вельможъ.

Для крестьянъ постановлено слѣдующее правило: „будетъ крестьянинъ крестьянина напрасно привести къ крестному цѣлованію и велитъ крестъ поцѣловати, и онъ крестъ поцѣлуеъ на томъ, что онъ правъ, и такового по нужди клевшагося Великій Василій на шесть лѣтъ запрещенію подлагаетъ, сирѣчь отъ церкви отлучаетъ по осьмдесятъ второму правилу своему“ (Улож. гл. XIV, ст. 10). Изъ сопоставленія этой статьи со статьями о гражданскихъ казняхъ слѣдуетъ заключить, что церковному запрещенію подвергались крестьяне, по принужденію давшіе лживую клятву, и вѣроятно такіе клятвопреступники уже не приговаривались къ гражданскому наказанію. Наоборотъ: клятвопреступники по злему умыслу несли только гражданскія казни, не подвергаясь церковному запрещенію.

Относительно церковнаго наказанія вельможъ за ложную клятву Уложеніемъ постановлено слѣдующее правило: „а будетъ вельможа крестъ поцѣлуеъ, или велитъ кому иному крестъ поцаловати на кривѣ, и таковыхъ священникомъ въ церковь Божию не пушати, и въ дома ихъ не приходити и божественнаго пѣнія въ домѣхъ у нихъ не пѣти; а будетъ пошъ учнетъ въ чемъ нибудь дому божественное пѣніе пѣти, а такіе ротники, которые учинили крестное цѣлованіе на кривѣ, тутъ же будутъ и ихъ изъ тоя храмина вонъ выслати. А кто крестъ поцѣлуеъ на кривѣ и тому Великій Василій въ шестьдесятъ четвертомъ своемъ правилѣ полагаетъ запрещеніе на десять лѣтъ; два лѣта да плачется, три лѣта да послушаетъ божественныхъ писаній, четыре лѣта да припадаетъ, и едино лѣто да стоитъ съ вѣрными, и потомъ божественнаго причащенія причастится“. О томъ же, продолжаетъ Уложеніе, царя Льва Премудраго новая заповѣдь 72-я повелѣваетъ, клеветнику во лжу языкъ урѣзати, аще послѣ обличенъ будетъ.



А кто покаяніа просить, и пощъ дасть ему заповѣдь на та лѣта въ понедѣльникъ, въ среду и въ пятокъ единою днемъ ясти хлѣбъ съ укропомъ, во вторникъ же и въ четвертокъ дважды съ варивомъ безъ масла. Далѣе слѣдуетъ внушеніе священникамъ, чтобы учили христіанъ страху Божію, любви къ ближнимъ и чтобы они „на кривѣ креста не цѣловали“ (Улож. XIV, 10). Изъ сего видно, что за клятвопреступленіе положена вельможамъ тяжкая церковная эпитимія: публичное отлученіе отъ церкви и отъ молитвъ церковныхъ на десять лѣтъ, съ прохожденіемъ ея на мѣстѣ жительства. Очевидно, подвергшійся церковной эпитиміи изъ вельможъ не приговаривался къ гражданскимъ казнямъ.

Подвергались ли какому наказанію люди, учинившіе недобросовѣстный обходъ межи со святою иконою, изъ Уложенія не видно. Но по всей вѣроятности такой поступокъ считался клятвопреступленіемъ и подлежалъ одному изъ указанныхъ наказаній. Вообще статьи Уложенія о наказаніяхъ за лжеприсягу страдаютъ неопредѣленностію, допускаютъ разныя предположенія, и сверхъ того изъ нихъ не видно, какимъ порядкомъ приводились въ исполненіе наказанія за лжеприсягу, особенно церковныя, налагаемыя на мірскихъ людей, такъ что можно сомнѣваться, дѣйствительно ли исполнялись такия наказанія, какъ на примѣръ отлученіе священниками бояръ отъ церкви и молитвъ общественныхъ и т. п.

### 3.

#### Огражденіе православныхъ отъ совращенія въ басурманство

(Поводы въ законодательствѣ о семъ предметѣ. Текстъ законодательной статьи. Изъясненіе текста).

Соборное Уложеніе, охраняя отъ поруганія предметы православной вѣры и церкви, строго оберегало сыновъ ея отъ совращенія въ басурманство.

Въ памятникахъ государственнаго законодательства, предшествовавшихъ Уложенію, охранительныхъ законовъ въ этомъ родѣ не было. Законодательная же статья Уложенія о несовращеніи православныхъ въ басурманство вызвана была жизненными явленіями,

неблагоприятными для церкви. Русскіе православные люди, стали-ваясь въ періодъ Уложенія на своей землѣ и въ предѣлахъ другихъ государствъ съ людьми разныхъ вѣрѣ, иногда по насилію или обману, а иногда изъ расчетовъ и добровольно измѣняли вѣрѣ своихъ отцевъ. Такъ извѣстный въ исторіи Россіи русскій воръ (самозванецъ) Тимошка Анкудиновъ, выдававшій себя за сына царя Василія Ивановича Шуйскаго, вовсе не имѣвшаго дѣтей, будучи въ Константинополь въ 1646 году, побусурманился (П. С. З. т. I, стр. 241) и даже былъ обрѣзанъ, хотя и противъ желанія, въ надеждѣ на то, что султаново величество взыщеть его и пожалуетъ по достоинству (Ист. Соловьева, т. X, стр. 132). Послѣ Уложенія, во время бывшихъ тогда войнъ, многіе изъ русскихъ, люди разныхъ чиновъ, какъ-то: священники, монахи, юноши, дѣвѣцы нерѣдко попадали къ туркамъ въ плѣнъ, ихъ отвозили на корабляхъ въ Константинополь и Египеть, ставили на рынкахъ и продавали въ неволю. Одни изъ этихъ плѣнниковъ по насилію, а нѣкоторые и добровольно отрекались отъ христіанства (Ист. Соловьева, т. XI, стр. 331).

Вслѣдствіе такого рода явленій, бывавшихъ конечно и въ Россіи, Уложеніемъ узаконена слѣдующая статья. „А будетъ кого бусурманъ какими нибудь мѣрами насильствомъ или обманомъ русскаго человѣка къ своей бусурманской вѣрѣ принудить и по своей бусурманской вѣрѣ обрѣжетъ, а сыщется про то допряма, и того бусурмана по сыску казнити, сжечь огнемъ безо всякаго милосердія. А кого онъ русскаго человѣка обусурманить; и того русскаго человѣка отослать къ патріарху или ко иной власти и велѣтъ ему учинити указъ по правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ“ (гл. XXII, ст. 24).

Подъ басурманствомъ законодатель разумѣлъ въ этой статьѣ не одну магометанскую религію, но и еврейскую, существеннымъ признакомъ которой было также обрѣзаніе. Въ новоуказныхъ статьяхъ царя Алексѣя Михайловича 1669 года означенная 24 статья XXII главы Уложенія изложена въ новой болѣе обширной редакціи и читается такъ: „Будетъ кого бусурманъ какими нибудь мѣрами, или насильствомъ, или обманомъ, русскаго человѣка къ

своей бусурманской вѣрѣ принудить и по своей бусурманской вѣрѣ обрѣжеть, а същется про то допряма, и того бусурмана по сыску казнить, сжечь огнемъ безо всякаго милосердія; а кого онъ русскаго человѣка обусурманить, и того русскаго человѣка для исправленія отослать къ патріарху или ко иной власти. А въ градскихъ законѣхъ написано: аще жидовинъ или агарянинъ дерзнетъ развратить отъ христіанской вѣры христіанина, повиненъ есть казни главнѣй; а аще жидовинъ христіанина раба имый и обрѣжеть его, да отсѣкутъ ему главу“ (П. С. З. т. I, № 441, ст. 109, стр. 797). Ясно такимъ образомъ, что подъ бусурманствомъ Уложеніе разумѣло и еврейскую религію. Пужно было и отъ ней оберегать православныхъ въ виду бывшей ереси жидовствующихъ, столкновенія православныхъ съ евреями и найма евреями православныхъ въ услуженіе къ себѣ.

Уложеніе принимаетъ двѣ мѣры на случай совращенія православнаго въ басурманство—жидовское или магометанское. Совратителю оно назначаетъ смертную казнь: сжечь безо всякаго милосердія. Въ этомъ наказаніи совращеніе приравнивается къ богохульству, считается смертнымъ грѣхомъ поруганія святости имени Божія (Улож. I, 1). Совращеніе считается одинаково преступнымъ, совершилось ли оно безъ обрѣзанія или съ обрѣзаніемъ: ибо совращенный, если онъ немолодыхъ лѣтъ, могъ оставаться бусурманомъ, не подвергаясь обрѣзанію. Уложеніе предусматриваетъ только одно насильственное или коварствомъ устроенное совращеніе православнаго русскаго человѣка въ бусурманство, добровольнаго же перехода не предусматриваетъ. Поэтому для бусурмана, отторженнаго отъ православія, не полагается никакой гражданской казни. Его отправляли къ епископской власти только для исправленія по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ. Исправленіе же состояло въ томъ, что епископъ отправлялъ бусурмана въ монастырь, тамъ ему назначали эпитимію, наставляли и испытывали въ вѣрѣ, и послѣ достаточнаго вразумленія и его искренняго раскаянія, на основаніи Кормчей книги (напр. части II-й главы 70 о различіи приходящихъ къ благочестивой вѣрѣ),

возвращали въ лоно православной церкви по существовавшему въ то время церковному чинопослѣдованію.

4.

ОТНОСИТЕЛЬНО ОХРАНЕНІЯ ПРАВОСЛАВНЫХЪ ОТЪ СОВРАЩЕНІЯ ВЪ ДРУГІЯ ХРИСТІАНСКІЯ ИСПОВѢДАНІЯ

(Причины отсутствія въ Уложеніи статей по сему предмету. Заботы правительства объ охраненіи православныхъ. Дѣйствія церковнаго суда въ отношеніи къ отступникамъ. Дѣйствія верховной власти противъ совратителей. Мнѣніе собора 1667 г. о наказаніи еретиковъ и раскольниковъ и его вліаніе на послѣдующее законодательство).

Въ Уложеніи нѣтъ ни одной охранительной статьи касательно совращенія или отступленія русскихъ православныхъ христіанъ въ какое нибудь другое христіанское вѣроисповѣданіе, напримѣръ римско-католическое или лютеранское. Это молчаніе не доказываетъ ни того, чтобы совращеній или отступленій вовсе не было, ни того, чтобы Уложеніе равнодушно относилось къ нимъ, терпѣло, или даже допускало ихъ, ни того наконецъ, чтобы Уложеніе упустило изъ виду этотъ предметъ, такъ сказать, позабыло о немъ. Отсутствіе охранительныхъ статей по этому предмету доказываетъ лишь то, что законодатель Уложенія оставляетъ безъ всякаго измѣненія тѣ церковно-гражданскія мѣры, которыя существовали до 1649 года относительно совращеній и отступленій православныхъ въ иное христіанское вѣроисповѣданіе, и что онъ предоставляетъ себѣ право въ послѣдствіи времени сдѣлать новыя постановленія по этому вопросу. Дѣло же относительно совращенія и отступленій въ инославныя исповѣданія въ періодъ Уложенія находилось въ слѣдующемъ видѣ.

а) Правительство всегда имѣло въ виду охраненіе православныхъ отъ совращеній и отступленій отъ своего исповѣданія вѣры. Въ ближайшее къ Уложенію время, а именно въ 1635 году, русскіе послы, отправляясь въ Польшу, получили отъ своего правительства особенный наказъ, въ которомъ между прочимъ имъ было поручено настаивать, чтобы польскихъ и литовскихъ купцовъ запретить пускать въ Москву и другіе города Московскаго царства.

Въ оправданіе-же этой статьи договора, имъ указано было привести слѣдующія соображенія: „многіе польскіе и литовскіе купцы станутъ пріѣзжать въ Москву и въ другіе города, станутъ приводить съ собою учителей рижской вѣры, и приводить русскихъ людей въ свою вѣру, а наша истинная православная христіанская вѣра греческаго закона до сихъ поръ стоитъ крѣпко и непоколебимо и впредь также стоять будетъ, Богомъ хранима и соблюдаема во вѣки, и другихъ никакихъ вѣръ у насъ не принимаютъ (Ист. Соловьева, т. IX, стр. 244—245).

Относительно лютеранъ и реформатовъ извѣстно, что они имѣли дома свои въ Москвѣ, что имъ дозволялось строить тамъ кирки, что они свободно отправляли въ нихъ свое богослуженіе, но что имъ строго воспрещено было совращать православныхъ въ свою вѣру (Ист. русск. церкви Филарета, періодъ патріаршества, стр. 145).

б) Отступившіе отъ православной церкви въ другое христіанское исповѣданіе въ періодъ Уложенія были предоставляемы для исправленія суду и попеченію церковной власти. Такъ бывшій при самозванцѣ Гришьѣ Отрепьевѣ князь Иванъ Хворостининъ впалъ въ римскую ересь и за то при царѣ Василіѣ Ивановичѣ былъ сосланъ для исправленія въ Іосифовскій монастырь. Однако-же, при царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ, Хворостининъ, по возвращеніи изъ монастыря, еще съ большею ясностью объявилъ свое неправомысліе, присталъ къ латинскимъ попамъ, соединился съ ними въ вѣрѣ и оказывалъ наглое пренебреженіе къ священнымъ установленіямъ православной церкви. Тогда для исправленія въ вѣрѣ его вторично послали подъ началь въ Кирилловъ монастырь. Тамъ рускій папистъ истязанъ былъ въ вѣрѣ и далъ обѣщаніе съ клятвою, что впредь онъ православную вѣру, въ которой родился и выросъ, будетъ исполнять и держать во всемъ непоколебимо, латинской и другой ереси не принимать, образовъ и книгъ латинскихъ не держать и въ еретическія ученья не впадать. Послѣ этого Хворостининъ опять былъ возвращенъ въ Москву, оставаясь по прежнему въ своемъ дворянскомъ достоинствѣ и даже допу-

скаемъ былъ видѣть государскія очи (Исторія Соловьева, т. IX, стр. 457 и 459).

Изъ этого видно, что отступленія въ иное христіанское исповѣданіе въ періодъ Уложенія не преслѣдовались никакими гражданскими мѣрами, точно также, какъ и отступленіе въ басурманство. Припятіе такихъ мѣръ не входило тогда въ принципы законодательной власти. Церковный-же судъ посылалъ отступниковъ въ монастыри на покаяніе, тамъ испытывали ихъ въ вѣрѣ и снова присоединяли къ православной церкви черезъ клятвенное обѣщаніе пребывать въ ней неотступно.

в) Но какъ совратители русскихъ людей въ басурманство наказывались по Уложенію, такъ и совратители и даже покушавшіеся только на соvrащеніе въ другія христіанскія исповѣданія не оставались безъ наказанія, не смотря на отсутствіе въ Уложеніи законовъ о нихъ. По тогдашнему порядку, о совратителяхъ обыкновенно доводили до свѣденія самого царя. Государь, разсмотрѣвъ дѣло съ полнымъ вниманіемъ, налагалъ на нихъ различныя наказанія собственною властію по слѣдующему принципу, не рѣдко встрѣчающемуся въ Уложеніи: „чинити наказаніе, что, какъ и насколько государь укажетъ“ (гл. I, ст. 9, 11, 12 и 22. III. 8 и друг.). Такъ въ періодъ Уложенія лютеранскую пропаганду продѣлывали у насъ надъ крестьянами помѣщичьи нѣмцы лютеранскаго вѣроисповѣданія. Это именно было въ 1653 году въ арзамасскомъ уѣздѣ. „Нѣмцы-полковники Александръ Крафертъ и Александръ Томолтоя, подполковникъ Юрій Англеръ, прапорщики — Иванъ Англеръ, Иванъ Арфатовъ, Андрей Меддеръ, да переводчикъ Яковъ Нельборгъ, проживая въ своихъ вотчинахъ арзамасскаго уѣзда, какъ-бы по уговору между собою, чинили русскимъ крестьянамъ всякую валогу и утѣсненіе въ православной христіанской вѣрѣ греческаго закона, и христіанскимъ душамъ многое оскверненіе; и многіе безъ отцевъ духовныхъ, безъ покаянія помирали, и въ великій постъ и въ иные посты мясо и всякій скоромъ съ ними, пѣмцами, ѣли и съ ними неволею всячески пріобщались и отъ святыни, по неволи, отъ нихъ, нѣмцевъ, отлучались“.

Это описаніе дѣйствій нѣмецкихъ пропагандистовъ не совсѣмъ

ясно, такъ какъ трудно понять, было ли это полное совращеніе, или только насильственное покушеніе на совращеніе. Но когда событіе сдѣялось вѣдомо государю Алексѣю Михайловичу, то по именному его указу, послѣдовавшему изъ иноземнаго приказа отъ 21 сентября 1653 года, въ арзамасскомъ уѣздѣ у всѣхъ помѣстныхъ и кормовыхъ нѣмцевъ, которые въ православную христіанскую вѣру греческаго закона не крестились, помѣстья ихъ и вотчины со всѣми угодіи, со крестьяны, и съ бобыли и захребетники, и съ подсосѣдники, и съ женами, и съ дѣтьми, со всѣми крестьянскими животы, и съ лошадьми, и всякою животиною, съ хлѣбомъ стоячимъ и молоченымъ—совсѣмъ были отписаны, между прочимъ при участіи поповъ, діаконовъ и окольныхъ людей, на государя (П. С. З. т. I, № 103, стр. 292—293). Изъ сего видно, что принципъ о наказаніи совратителей въ другія христіанскія исповѣданія, хотя и не выраженъ въ Уложенной книгѣ, однакоже былъ дѣйствующимъ началомъ въ рукахъ государственной власти.

Итакъ, въ періодъ Уложенія практиковался слѣдующій порядокъ относительно охраненія православныхъ отъ совращеній и отступленій въ другія христіанскія исповѣданія: правительство слѣдило и принимало практическія мѣры, чтобы отступленій и совращеній не было, отступниковъ отдавали церковнымъ властямъ на исправленіе, а совратителей наказывали, какъ государь уважить.

Происхожденіе русскаго раскола, добровольное вступленіе протестовъ въ его среду, упорство раскольниковъ противъ распоряженій и „исправленій“ церковной власти, сильная агитація расколуучителей въ пользу распространенія раскола, неповиновеніе раскольниковъ самой государственной власти вызвали перемѣну во взглядѣ Уложеннаго законодательства и въ способахъ дѣятельности какъ противъ еретиковъ, какого бы рода они ни были, такъ и противъ совратителей православныхъ въ ересь или расколъ. На московскомъ соборѣ 1667 года, въ которомъ дѣятельное участіе принимала и государственная власть, поставленъ былъ между прочимъ слѣдующій вопросъ: „аще еретики и раскольники, подобаетъ ли наказатися градскимъ закономъ, или токмо церковнымъ наказаніемъ?“ Отцы собора. на основаніи примѣровъ, взя-

тыхъ изъ исторіи вселенскихъ соборовъ, вопросъ сей разрѣшили такъ: „еретики и раскольники не токмо церковнымъ наказаніемъ имуть наказатися, но и царскимъ, сирѣчь градскимъ закономъ и казненіемъ“ (П. С. З. т. I; выписка изъ дѣяній собора 17 іюня 1667 г. № 412, глава VII, стр. 705 — 706). Это мнѣніе собора сдѣлало въ нашемъ законодательствѣ большой переворотъ. Государственная власть начала преслѣдовать раскольниковъ и еретиковъ, кромя принятія противъ нихъ церковныхъ мѣръ, гражданскими казнями, а потомъ издавать отъ себя противъ совратителей и отступниковъ отъ православной церкви въ иныя христіанскія исповѣданія охранительные законы, въ которыхъ, подь угрозою разнаго рода наказаній, строго воспрещались отступленія и совращенія. Послѣднимъ осуществленіемъ мнѣнія собора въ нынѣ дѣйствующемъ правѣ служитъ Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ (разд. II, гл. 2 и 3).

5.

**Предохранительныя мѣры Уложенія противъ совращеній и отступленія православныхъ въ другую какую-либо нехристіанскую вѣру или въ другое какое-либо христіанское вѣроисповѣданіе**

(Различіе этихъ мѣръ и одинаковость ихъ сущность Законъ о нѣмецкихъ киркахъ. Запрещеніе, подь угрозою наказанія, русскимъ людямъ служить у некрещенныхъ иноземцевъ. Ограничительныя статьи для иноземцевъ относительно владенія помѣстьями и вотчинами).

Кромѣ охранительныхъ мѣръ, т. е. запрещающихъ и наказывавшихъ вѣроотступничество (гл. XXII, ст. 24), въ Уложеніи имѣются еще предохранительныя статьи противъ совращеній и отступленій православныхъ русскихъ людей отъ своей вѣры и церкви.

Однѣ изъ этихъ мѣръ общія, т. е. направлены противъ отраженія религіознаго вліянія всякихъ некрещенныхъ иноземцевъ, подь которыми разумѣлись въ періодъ Уложенія все какъ нехристіане, такъ и христіане, крещенные не по чиноположенію православной церкви. Другія мѣры касались только въ частности одного какого-либо вѣроисповѣданія. Сущность же всехъ мѣръ одинакова и заключается въ разобщеніи православныхъ христіанъ отъ некре-



щенныхъ людей, такъ чтобы между ними не было никакой связи, никакого союза, чѣмъ конечно пресѣкалось вліяніе некрещенныхъ на православныхъ христіанъ.

Частное законоположеніе въ Уложеніи существуетъ только относительно нѣмецкихъ кирокъ, находившихся въ Москвѣ. Вопросъ о нихъ поднять былъ еще въ царствованіе Михаила Теодоровича по челобитью поповъ и діаконовъ съ товарищами девяти московскихъ приходскихъ церквей. Прописавъ, что нѣмцы въ ихъ приходахъ на своихъ дворѣхъ близко церквей поставили ропаты (кирки) и держать у себя во дворѣхъ русскихъ людей и всякое оскверненіе русскимъ людямъ отъ тѣхъ нѣмцевъ бываетъ, челобитчики просили государя учинить о томъ указъ. Царь Михайлъ Теодоровичъ, между другими распоряженіями по этому челобитью, повелѣлъ въ 1642 году сломать всѣ ропаты, которыя стояли на нѣмецкихъ дворахъ близъ русскихъ церквей (*Собр. памятниковъ по исторіи древняго русскаго права*, Спб. 1859 г. стр. 385—386), и онѣ были сломаны (*Ист. р. церкви Филарета*, періодъ патріарх. стр. 146). Законодатель Уложенія, бывъ занятъ вопросомъ о киркахъ, повторилъ и обобщилъ мѣру своего предшественника и законъ о ропатахъ изложилъ въ слѣдующей редакціи: „а на которыхъ нѣмецкихъ дворѣхъ поставлены нѣмецкія кирки: и тѣ кирки сломати, и впередъ въ Китаѣ и въ Вѣломъ и Землянѣмъ городѣ на нѣмецкихъ дворѣхъ киркамъ не быти; а быти имъ за городомъ за Землянѣмъ отъ церквей Божіихъ въ дальнихъ мѣстѣхъ“ (гл. XIX, ст. 40). За Землянѣмъ городомъ, который начинался за покровскими воротами, въ то время устроивалась подлѣ рѣки Яузы на отведенной отъ правительства землѣ, отдѣльно отъ русскихъ поселеній, иноземная колонія (*И. С. З.* т. I, ук. 4 окт. 1652 г. № 85, стр. 273), тамъ и указано нѣмцамъ строить свои кирки. Изъ того, что кирки поставлено перенести въ нѣмецкую слободу, чтобы русскимъ людямъ не чинилось отъ нѣмцевъ всякое оскверненіе, само собою слѣдуетъ, что законъ имѣлъ въ виду предохранить православныхъ отъ вреднаго вліянія иноземныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, отвратить ихъ отъ отступленія отъ началъ православной вѣры и благочестія.

рачивать и отдавать дѣтямъ ея крещенымъ, или внучатомъ, крещенаго сына дѣтямъ“ (П. С. З. т. II, ук. 24 мая 1676 года № 644, стр. 39 — 40). Такого рода статей обнародовано по разнымъ случаямъ не мало, но намъ нѣтъ нужды входить въ разборъ ихъ, такъ какъ всѣ онѣ имѣють одинаковое направленіе въ пользу принявшихъ православную вѣру. Замѣтимъ лишь одну особенность. Статьи этой категоріи, получивъ у законодателя Уложенія предохранительный характеръ, впоследствии времени присоединили къ нему новое, такъ сказать миссіонерское значеніе: онѣ располагали некрещеныхъ ко вступленію въ православную церковь и увеличивали въ значительной степени число ея членовъ среди иновѣрцевъ и инославныхъ христіанъ.

## 6.

### Содѣйствіе Уложенія къ обращенію иновѣрцевъ въ православную вѣру и покровительство новокрещеннымъ

(Выпускъ крѣпостныхъ, желающихъ креститься, отъ иноземцевъ въ свободное состояніе.—Запрещеніе продавать новокрещеныхъ людей съ отпускомъ ихъ на свободу.—Принятіе крещеныхъ пѣвчихъ въ государеву службу и въ крѣпость.—Милости и льготы новокрещеннымъ свободного состоянія.—Порядокъ производства дѣлъ о желающихъ креститься, но оговариваемыхъ въ причиненіи убытковъ владѣльцамъ.—Принятіе въ православную церковь чрезъ крещеніе какъ иновѣрцевъ, такъ и христіанъ другихъ исповѣданій).

Въ періодъ Уложенія, какъ видно изъ предыдущей главы, иновѣрцы принимали православную вѣру. Въ исторіи патріарха Никона упоминаются бывшіе при немъ крещеные черкесы, евреи, поляки и нѣмцы (*Михайловскаго*, Патріархъ Никонъ, стр. 209). Уложеніе съ своей стороны содѣйствовало иновѣрцамъ къ принятію православной вѣры, и тѣмъ, которые вступали въ церковь, оказывало покровительство, избѣгая при этомъ насилія или принужденія и вовсе не вмѣшиваясь въ миссіонерскія дѣйствія духовенства.

Зуда относятся слѣдующія статьи. „Которые иноземцы разныхъ вѣръ некрещены живутъ на Москвѣ и въ городѣхъ у иноземцевъ же некрещеныхъ разныхъ же вѣръ по купчимъ или по-

доняники, и похотятъ тѣ иноземцы креститься въ православную христіанскую вѣру, и учнутъ о томъ бити челомъ государю, чтобы государь пожаловалъ велѣлъ ихъ, взявъ у тѣхъ иноземцевъ, у кого они въ дворѣхъ живутъ, крестити въ православную христіанскую вѣру: и по тому челобитью тѣхъ иноземцевъ крестити въ православную христіанскую вѣру, а откупу за нихъ давати иноземцемъ по пятнадцати рублевъ за человекъ, и платитъ тѣ деньги имъ собою. А будетъ у иноземцевъ въ купчихъ, какъ они ихъ купили, написано будетъ больше пятнадцати рублевъ: и тѣмъ купчимъ не вѣрнито потому, что въ купчихъ деньги пишутъ съ прибавкою“ (Улож. XX, 71). Этотъ законъ относится совершенно безпристрастно въ церкви. Касаясь людей одного только крѣпостнаго сословія, онъ предоставляетъ имъ полную свободу креститься въ православную вѣру или оставаться при своей религіи. Законодатель отнимаетъ только у крѣпостниковъ-иновѣрцевъ возможность незаконно препятствовать своимъ людямъ по ихъ совѣсти и желанію креститься въ православную вѣру. Крещенный человекъ освобождается отъ рабства, но не даромъ, а посредствомъ выкупа, который вознаграждалъ господина за его убытки. При этомъ государство не принимало на себя даже уплаты выкупной суммы, требуя, чтобы желающіе креститься выкупались отъ господъ на свои средства. Но чтобы переходъ изъ крѣпостной зависимости въ состояніе *sui juris* совершёнъ былъ правильно и не производилъ въ обществѣ безпорядковъ, статья требуетъ законнаго производства дѣлъ сего рода въ холопьемъ приказѣ и не иначе, какъ по челобитью на имя государя отъ самого иновѣрца, который ищетъ крещенія. Порядокъ этотъ соблюдался повсюду, даже въ Сибири, гдѣ прошенія подавались въ приказную избу и деньги за крѣпостныхъ неопустительно взыскивались въ пользу ихъ владѣльцевъ. Впослѣдствіи времени, деньги за крѣпостныхъ людей платились, кромѣ частныхъ людей, и казною, если крещенные состояли на государственной службѣ (П. С. З. т. II, ук. 7 февраля 1686 года, № 1163, стр. 738—739).

Въ Астрахани и Сибири, нерѣдко случалось, крали татаръ и татарченковъ и даже отнимали силою. Уложеніемъ на эти слу-

чаи постановлено украденныхъ и отнятыхъ татаръ и татарченковъ, если они не были крещены, возвращать по суду о холодахъ, кому они принадлежали, а потомъ похитителямъ чинить жестокое наказаніе. А будетъ они тѣхъ татаръ и татарченковъ крестятъ, то имъ оставаться безповоротно у своихъ похитителей, только похитители уплачивали въ такомъ случаѣ за нихъ владѣльцамъ большую цѣну противъ существовавшихъ тогда мѣстныхъ цѣвъ (Улож. XX, 118).

Купленные до Уложенія новокрещенные татары въ случаѣ смерти покупателя переходили по наслѣдству безъ всякихъ актовъ къ жонѣ и дѣтямъ умершаго (Улож. XX, 100), если они не желали отпустить ихъ на волю. Но продавать новокрещенныхъ строго запрещалось подъ угрозою освобожденія ихъ отъ владѣльцевъ безъ всякаго вознагражденія. „Которые люди, говоритъ Уложеніе, купленныхъ татаръ крестятъ, и тѣхъ новокрещенныхъ людей учнутъ продавать и приводить къ запискѣ: и на такихъ новокрещенныхъ людей въ холопѣ приказѣ никому служилыхъ кабалъ не давати, и отъ тѣхъ людей, кто ихъ къ запискѣ приведетъ, свободити, потому что, по государеву указу, крещенныхъ людей никому продавать не велѣно“ (ibid. ст. 97).

Есть въ Уложеніи одна статья, которая повидимому отказывала въ покровительствѣ новокрещеннымъ въ противорѣчіе съ приведенными выше мѣрами. Статья эта гласитъ слѣдующее: „которые полоняники, которыхъ земель нибудь служилыхъ иноземцевъ дѣти крестятся въ православную христіанскую вѣру, а государю въ службу не пригодятся, и которые службу государеву служили, да отъ службы отставлены, и похотятъ кому въ службу бити челомъ и кабалу на себя дати похотятъ: и тому на того новокрещена взяти крѣпость и въ книги записать“ (Улож. XX, 37). На самомъ же дѣлѣ разборъ этой статьи доказываетъ покровительство ей новокрещеннымъ изъ плѣнниковъ. Во первыхъ государство съ полнымъ довѣріемъ принимало такихъ людей на службу по вниманію къ принатію ими православной вѣры. А во вторыхъ, въ случаѣ непригодности ихъ къ государственной службѣ или уже окончанія урочнаго времени ея, эти плѣнники, безродные и бездомные, если бы не записывались въ кабалу, то не имѣя ни земли, ни

пристанища, были бы лишены всякихъ средствъ къ жизни, а поступивъ въ кабалу, они получали пристойное по своимъ способностямъ и силамъ занятіе и пользовались трудовымъ содержаніемъ.

Духовенство и міряне съ своей стороны оказывали покровительство повокрещенымъ. Архіереи пристроивали ихъ при своихъ дворахъ, въ монастыряхъ, и міряне, всякихъ чиновъ люди, охотно принимали и держали ихъ у себя. Тѣ и другіе принимали на себя, въ случаѣ несостоятельности крестившихся, уплату выкупной суммы (П. С. З. т. II, ук. 7 февр. № 1163, стр. 738—739) ихъ владѣльцамъ.

О содѣйствіи къ припятію православной вѣры людямъ свободного состоянія и покровительствѣ имъ послѣ крещенія въ Уложеніи не ищется ни одного постановленія. Очевидно оно не стѣсняло ихъ совѣсти и не заискивало ихъ предрасположенія въ пользу государственной религіи. Но тѣмъ изъ свободныхъ сословій, которые добровольно крестились въ православную христіанскую вѣру, отъ государей давались разныя милости и льготы. Такъ въ 1680 году романовскіе мурзы и татары изъявили желаніе и дѣйствительно приняли православную христіанскую вѣру. По этому случаю царь Оеодоръ Алексѣевичъ приказалъ писать ихъ княжимъ именемъ, быть у него великаго государя въ стольникахъ, назначить имъ въ жалованіе помѣстные и денежныя оклады, возвратилъ отобранные у нихъ, за ихъ вины и за съѣздъ со службы изъ полка, вотчины и помѣстья и освободилъ на три года отъ своей государевой службы (П. С. З. т. II, ук. 21 мая 1680 г. № 823, стр. 267).

Нерѣдко случалось, что некрестившіеся въ православную вѣру, по раздѣлѣ помѣстій и вотчинъ ихъ крещенымъ ихъ родственникамъ, оставались безъ всякихъ средствъ къ жизни. Правительство въ такомъ случаѣ возлагало обязанность „кормить“ ихъ на тѣхъ крещеныхъ родственниковъ, которые получили ихъ помѣстья. Но помѣстья эти опять возвращались лишившимся ихъ въ полное владѣніе, если они, по доброй волѣ своей принимали святое крещеніе (П. С. З. т. II, ук. 24 мая 1681 г. № 870, стр. 315).

Содѣйствіе закона къ обращенію иновѣрцевъ въ православную вѣру никогда не переходило въ поблажку. Если подневольный че-

ловѣкъ подавалъ челобитную о святомъ крещеніи, а владѣлецъ его, хотя бы и некрещеный, вносилъ искъ о его воровствѣ, сносѣ и какомъ либо убыткѣ: то, остановивъ дѣло о крещеніи, приказъ или изба производили розыски о разореньи, взыскивали убытки и даже чинили наказаніе по Уложенію въ случаѣ доказанности иска, а потомъ уже или отсылали челобитчика къ епархіальной власти для святаго крещенія, или отдавали владѣльцу ежели челобитчикъ отказывался идти въ православную вѣру (П. С. З. т. II, ук. 7 февр. 1686 г. № 1163, стр. 738—739).

Въ заключеніе замѣтимъ, что Уложеніе, трактуя объ иновѣрцахъ, вездѣ говоритъ объ ихъ крещеніи. Въ то время въ православную церковь принимали чрезъ святое крещеніе не только собственно иновѣрцевъ, но и христіанъ неправославныхъ исповѣданій. Это постановленіе въ отношеніи къ инославнымъ христіанамъ — отклоняло многихъ отъ присоединенія къ православной русской церкви.

## 7.

### О ЦЕРКОВНЫХЪ МЯТЕЖНИКАХЪ

(Поводы къ законодательству противъ церковныхъ мятежниковъ. Изложеніе статей сего законодательства. Дѣйствіе ихъ въ отношеніи къ людямъ духовнаго сана. Вліяніе ихъ на послѣдующее законодательство. Взглядъ Уложенія на значеніе церкви и на поведеніе въ ней православныхъ христіанъ).

Уложеніе строго требовало, чтобы въ церкви Божіей не происходило никакихъ смятеній ни во время служеній, ни внѣ ихъ.

Статьи его о церковныхъ мятежникахъ, подобно другимъ, вызваны были прискорбными явленіями общественной жизни. Какъ до воцаренія Алексѣя Михайловича, такъ и въ его государство-ваніе, русское общество, бывъ разшатано неурядицами самозванщины, обнаруживало разныя безчинства, не стѣсняясь ни храмами Божими, ни совершеніемъ въ нихъ богослуженія, хотя бы то было въ присутствіи знатныхъ властей церкви и государства, даже самого царя. 30 марта 1650 года окольный князь Оедоръ Оедоровичъ Волконскій, по приказу царя, прибывъ изъ Москвы въ

Псковъ для розысковъ по случаю происшедшаго тамъ бунта, вошелъ по своему обычаю, прежде всего въ Троицкій соборъ и стать было приглядываться къ святымъ иконамъ. Но толпа бунтарей ворвалась за нимъ въ церковь, схватили князя за бороду и за волосы и потащили вонъ изъ церкви. Стрѣлецъ Сенька Шегара ударилъ его плитою, а сынъ попа Заплены хватилъ обухомъ (Ист. Соловьева, т. X, стр. 191). Въ томъ же году, потерпѣвъ поражение отъ войскъ князя Хованскаго, псковичи, въ разгарѣ бунта, пришедши 2 іюля въ соборную церковь вооруженною толпою, кричали на архіепископа своего Макарія, угрожая ему смертью, зачѣмъ онъ не велѣлъ своимъ приказнымъ людямъ и дѣтямъ боярскимъ помогать имъ, а въ другой разъ даже взяли архіепископа изъ церкви во время службы, посадили въ богадѣльню и положили на него большую цѣпь (ibid. стр. 200—201). Тогдашніе гилевщики или бунтари иной разъ самому царю не давали спокойно помолиться Богу въ церкви. Въ 1662 году, когда царь Алексѣй Михайловичъ былъ въ селѣ Коломенскомъ и, праздуя рожденіе дочери, слушалъ обѣдню, бунтари толпою, но безъ оружія, подошли къ дворцу, неся въ шапкѣ письмо и требуя по нему расправы. Царь, завидя толпу, во избѣжаніе смятенія, самъ вышелъ изъ церкви, чтобы объясниться съ бунтарами и успокоилъ ихъ.

Въ виду подобныхъ обстоятельствъ въ Уложеніи поставлены были разные законы относительно церковныхъ мятежниковъ съ наложеніемъ на нихъ тяжелыхъ казней за нарушеніе церковнаго благочинія и за оскорбленіе святости храма. Статьи эти имѣли слѣдующее содержаніе, которое мы изложимъ здѣсь со всею точностію, не придерживаясь буквы Уложенія.

Если безчинникъ, пришедши въ церковь во время литургіи не дастъ какимъ бы то ни было обычаемъ совершить оную, того положено было казнить смертью безъ всякой пощады (Улож. гл. I, ст. 2).

А если кто, во время какой бы то ни было церковной службы, вошедши въ церковь, станетъ говорить непристойныя рѣчи патриарху или митрополиту, или архіепископу, или епископу, или архимандриту, или игумену и священническому чину, и тѣмъ произве-

дѣть смятеніе, такому безчиннику назначено чинить торговую казнь (ibid. ст. 3).

А кто, вошедши въ церковь, убьеть когонибудь до смерти, того самого казнить смертию (ibid. ст. 4).

Если же не убьеть, а только ранить, то ему учинить торговую казнь безъ пощады, посадить на мѣсяць въ тюрьму и за увѣчые въ пользу раненаго взискать безчестье вдвое (ibid. ст. 5).

А если кто ударить и не причинить раны, то его бить батогами и взискать безчестье въ пользу пострадавшаго (ibid. ст. 6).

А кто обезчеститъ когонибудь словомъ, а не ударить, того посадить на мѣсяць въ тюрьму и въ пользу обиженнаго доправить безчестье (ibid. ст. 7).

А кто учнетъ государю, или патриарху, или инымъ властямъ бить челомъ о своихъ дѣлахъ въ церкви Божіей во время богослуженія, такого челобитчика вкинуть въ тюрьму, на сколько государь уважить (ibid. ст. 9).

Всѣ эти мятежники и преступленія ихъ, по Уложенію, подлежали суду гражданскому, а не духовному и дѣла о нихъ производились въ приказахъ, по преимуществу же въ сыскномъ и судномъ. Даже лица бѣлаго и монашествующаго духовенства въ означенныхъ случаяхъ судились до самаго 1821 года уголовнымъ судомъ и подвергались наказаніямъ на основаніи Уложенія и послѣдующихъ актовъ, изданныхъ по тому же предмету. Такъ въ 1821 году, ярославской губерніи, романовскаго уѣзда, села Калова діаконъ Федоровъ учинилъ въ церкви во время службы дерзкій и неблагорпистойный поступокъ. За это онъ преданъ былъ суду ярославской уголовной палаты, которая, на основаніи выше приведенной 7-й статьи 1-й главы Уложенія, устава управы благочинія статьи 239 и указа 17 февраля 1816 года, приговорила его на мѣсяць и выдержала при полиціи подъ арестомъ. Когда свѣденіе объ этомъ событіи дошло до Святѣйшаго Синода, то печатнымъ указомъ 11 мая 1821 года за № 1466, съ Высочайшаго соизволенія, положено было впредь содержаніе подъ арестомъ замѣнять для духовныхъ лицъ заключеніемъ ихъ въ монастырь (изъ книги указовъ спб. духовной консист. за 1821 годъ). Статьи Уложенія о цер-



ковныхъ мятежникахъ, служившія основою для послѣдующихъ за нимъ мѣропріятій по тому же предмету, оказали значительное вліяніе и на законодательство, нынѣ дѣйствующее въ православной русской церкви и государствѣ (см. Уст. дух. консист. ст. 36 и Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, изданіе 1866 г., гл. III, ст. 210 и 218).

Запрещая безпорядки въ церкви подѣ угрозою наказаній, Уложеніе высказало опредѣлительно свой взглядъ на значеніе церкви и свое требованіе относительно поведенія въ ней православныхъ христіанъ. Церковь Божія, говорится въ немъ, устроена приходить на молитву. И православнымъ христіанамъ подобаешь въ церкви Божіи стояти и молитися со страхомъ, а не земная мыслити“ (Улож. I, 8).

## 8.

Относительно церковныхъ таинствъ, службъ и требъ по уложенію

(Какихъ таинствъ Уложеніе не касается? Статьи его относительно священства съ иночествомъ и брака. Правила новоуказныхъ статей относительно богослуженія и требъ. О приготовленіи преступниковъ къ смертной казни).

Уложеніе, за исключеніемъ, какъ замѣчено выше, косвеннаго требованія, чтобы всѣхъ иновѣрцевъ принимать въ православную церковь чрезъ святое крещеніе, не касается таинствъ: крещенія, миропомазанія и елеосвященія. Но въ немъ есть статьи относительно священства, иночества, брака и послѣдняго напутствованія преступниковъ, приговоренныхъ къ смертной казни, а въ новоуказныхъ статьяхъ и относительно богослужебныхъ дѣйствій и требъ.

На основаніи Коричей книги и установившихся порядковъ въ Россіи, было строго запрещено рабовъ и крѣпостныхъ людей производить въ духовные чины и постригать въ монахи безъ выкупныхъ и отпускныхъ грамотъ отъ ихъ господъ. Между тѣмъ въ періодъ Уложенія въ числѣ сельскихъ невѣждъ (II. С. З. т. I, № 412, стр. 699) удавалось бѣднымъ холопамъ и крестьянамъ обманнымъ путемъ поступать во діаконы и поны и постригаться въ монахи. Ихъ въ виду эти непорядки, Уложеніе по-

становило объ нихъ слѣдующее правило: „которые холопи или рабы, сбѣжавъ отъ кого, постригутся, или которые холопи въ бѣгахъ стануть въ попы или во діаконы, а тѣ люди, отъ кого они сбѣжать, учнутъ за нихъ иматися, и похотятъ на нихъ искать холопства и сносу: и на такихъ бѣглыхъ людей бояромъ ихъ въ холопствѣ и въ сносѣ давати судъ въ холопѣхъ приказѣ. Да будутъ по суду и по сысу на такихъ бѣглыхъ людѣхъ холопства и сносу доищутся: и на нихъ сносъ доправа, отдати истощѣ, а ихъ отослати къ патріарху, или въ которомъ городѣ ко властемъ; а патріархъ и иныя власти учинять о нихъ указъ по правломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ“ (гл. XX, 67). Здѣсь говорится о такихъ крѣпостныхъ людяхъ, которые получили священнической или иноческой чинъ правильнымъ порядкомъ, за исключеніемъ только одного обстоятельства, что они не имѣли выкупныхъ или отпускныхъ грамотъ отъ своихъ бояръ. Уложеніе относится къ нимъ благосклонно, поставляя преслѣдованіе ихъ въ зависимость только отъ воли господъ. Не пожелай бояре отыскивать холопства и сносу, и бѣглые спокойно могли оставаться въ священническомъ и иноческомъ званіи. Затѣмъ Уложеніе постановило, въ случаѣ преслѣдованія со стороны бояръ, съискивать съ нихъ только сносъ, т. е. убытки, причиненные ими своимъ боярамъ въ вещественномъ отношеніи, но священства и монашества ихъ не лишало и въ холопство ихъ, конечно подъ условіемъ уплаты или отказа господъ отъ выкупной суммы, не возвращало. Попы, діаконы и монахи изъ бѣглыхъ крѣпостныхъ людей, по рѣшеніи дѣла въ холопьемъ приказѣ о ихъ крѣпости, сносѣ и выкупныхъ деньгахъ, предавались церковному суду, который, на основаніи своихъ законовъ, рассматривалъ дѣла о правильности или неправильности ихъ производства въ священнической и иноческой чины, и потомъ либо оставлялъ ихъ въ этихъ чинахъ, либо лишалъ ихъ.

Иначе смотрѣло Уложеніе на самозванныхъ поповъ и монаховъ, которые, сбѣжавъ отъ своихъ бояръ, сами надѣвали на себя монашеское платье или поповскія скуфы и выдавали себя за поповъ и монаховъ, чтобы укрыться вѣрнѣе отъ боярскихъ поисковъ. „А будетъ, говорить Уложеніе, бѣглые люди чернеческое платье или

сѣфьи сами на себя положить, и сыщется про то подлинно: и съ нихъ по сыску чернеческое платье и сѣфьи снявъ, отдать въ холопство тѣмъ людямъ, отъ кого они сбѣжать“ (гл. XX, ст. 68). Съ самозванцевъ холопій приказъ, по изслѣдованіи дѣла, самъ снималъ вѣшніе атрибуты священства и монашества и возвращалъ ихъ въ холопство къ ихъ боярамъ. Однакоже въ этомъ законѣ есть большой недостатокъ, заключающійся въ томъ, что самое самозванство, соединенное, быть-можетъ, съ святотатственнымъ исполненіемъ обязанностей священническаго служенія, или сопровождавшееся гражданскими правонарушеніями, оставлено безъ всякаго смысла и наказанія.

Постриженіе въ монашество, съ которымъ существенно связанъ обѣтъ нестяжательности, по Уложенію сопровождалось для лицъ изъ имущественныхъ классовъ, какого бы чина ни были эти лица, полнымъ лишеніемъ права на владѣніе вотчинами и помѣстьями, родовыми, выслуженными и купленными, съ воспрещеніемъ отдавать эти имѣнія свои и во владѣніе монастырей (гл. XVII, ст. 2, 43 и 44. П. С. З. т. II, статьи 14 марта 1676 г. № 634, стр. 30, ст. 15). Вотчины и помѣстья въ такомъ случаѣ переходили, по законамъ Уложенія, къ ихъ родственникамъ, кто ближе. родственники обязаны были за это постригшихся въ монашество одѣвать, кормить и всякимъ покоемъ покоемъ до смерти. „А будетъ, сказано въ Уложеніи, постригшіеся учнутъ государю бити челомъ, что родители (т. е. вообще родные) ихъ, взявъ у нихъ родовыя, или выслуженныя, или купленныя вотчины, ихъ не кормятъ и никакова покоя имъ отъ родителей ихъ нѣтъ: и имъ тѣ свои вотчины продати родителямъ же своимъ, или и на сторону. А будетъ у нихъ будутъ купленныя вотчины, и имъ тѣ свои вотчины вольно продати или безденежно отдать, кому похотятъ. А постригшіеся будучи въ монастырѣ за собою вотчинъ отнюдь не держать“ (гл. XVII, ст. 43). Дѣла этаго рода по спорамъ, жалобамъ и въ затруднительныхъ случаяхъ, напротивъ объ отдачѣ купленныхъ вотчинъ послѣ постриженія бездѣтныхъ вдовъ родственникамъ мужей ихъ, иногда восходили черезъ боярскую думу до самого государя.

Постриженіе въ монашество должно быть свободное, а не по принужденію. Мужъ, имѣющій жену, и жена, состоящая замужемъ, если бы у нихъ и дѣти были, могли постричься въ монашество, но не иначе, какъ по указу царя, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ высшимъ чинамъ государственной іерархіи. Около 1675 г. жена стольника Льва Салтыкова, находясь въ болѣзни, была, по собственному прошенію, пострижена въ монашество, безъ указа. Объ этомъ производилось дѣло у царя и въ патриаршемъ духовномъ приказѣ. Салтыковъ по указу государя посаженъ былъ за это въ тюрьму, черныи повъ Геннадій, постригавшій жену стольника, по приказу преосвященнаго Павла, митрополита сарскаго и подонскаго, посланъ въ хлѣбню въ смиреніе, а начальная старица, черница, бывшая у постриженія, отдава въ Рождественскій дѣвичій монастырь подѣ началъ. Сама постриженница къ отвѣтственности не была привлечена. Постриженіе было совершено не въ монастырѣ, а въ Коломенской встчинѣ стольника, въ селѣ Салтыковѣ, въ приходской церкви святаго Николая чудотворца,—что въ то время не считалось неправильнымъ (Ш. С. З. т. I, ук. 21 ноября 1675 г. № 563, стр. 948—949).

Относительно брака Уложеніе сдѣлало замѣчательныя и полезныя постановленія.

а) Оно признаетъ православныи христіанскій принципъ о нерасторжимости брака (1 Коринв. VII, 10, 11, 27 и 39. Руководство къ изуч. богословія архіеи. Макарія, Спб. 1869 г. стр. 335), хотя выражаетъ его не прямо, а стороною по поводу разныхъ житейскихъ обстоятельствъ, которыя требовали законодательнаго разрѣшенія. Принципъ о нерасторжимости брака выраженъ Уложеніемъ въ слѣдующей формѣ: „А кто кому старинныхъ своихъ или купленныхъ людей дастъ въ приданые за сестрою или за дочерью, и судомъ Божиимъ тоя его сестры или дочери не станеть, а дѣтей послѣ ихъ не останется, и тѣхъ умершихъ, мужемъ такихъ приданныхъ людей по ряднымъ записямъ отдавати тѣмъ людямъ, кто ихъ въ приданые дастъ, хотя будетъ у кого приданые женки, или дѣвки за мужъ выданы, а мужики поженилися, и ихъ отдати совѣмъ по тому по правилу святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, жены съ мужемъ раз-

водити не вѣдно; гдѣ мужъ, тутъ и жена; кому жена, тому и мужъ (Улож. гл. XX, ст. 62). Это мѣсто мы считаемъ особенною капитальною заслугою Уложенія, потому что въ прежнихъ памятникахъ не было рѣчи о нерасторжимости браковъ, хотя конечно и они подразумѣвали и уважали этотъ христіанскій принципъ.

Выразивъ такой принципъ, Уложеніе послѣдовательно проводило его въ разныхъ статьяхъ своихъ (напр. гл. XI, ст. 12, 15, 17; гл. XX, ст. 60, 69, 85, 87, 88, 115; гл. XXI, ст. 69, 73 и друг.), и строго слѣдило за исполненіемъ его на практикѣ. На практикѣ дѣйствіе этого принципа обнаруживалось въ разныхъ случаяхъ. Такъ напр. Уложеніемъ впервые установлена ссылка виновныхъ въ Сибирь (Улож. XIX, 13) и въ украинные города (Улож. XXI, 9), какъ наказаніе за разныя преступленія уголовного свойства. Въ силу правила: „гдѣ мужъ, тутъ и жена“, въ случаѣ ссылки мужа, вмѣстѣ съ нимъ отпраплялась и непричастная къ его поступкамъ жена его и дѣти. Имяннымъ указомъ 20 октября 1653 года повелѣно—татей и разбойниковъ вмѣсто смертной казни, опредѣленной Уложеніемъ (гл. XXII, ст. 9 и друг.), бить вѣнцомъ, отсѣчь у лѣвой руки по персту и послать въ Сибирь и въ понизовые и украинскіе города на черту съ женами и дѣтьми (П. С. З. т. I, № 105, стр. 301—302). Указомъ 12 августа 1663 года повелѣно поддѣльщиковъ монеты, вмѣсто залитія горла металломъ, назначеннаго въ Уложеніи (гл. V, ст. 1), ссылать въ Сибирь съ женами и дѣтьми на вѣчное житье (ibid. № 348, стр. 583). Другой примѣръ. Дворовыя и крестьянскія жонки и дѣвки, убѣгая отъ своихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, часто, даже по ряднымъ записямъ, выходили за мужъ за стрѣльцовъ. Владѣльцы, отыскавъ бѣглыхъ, требовали, чтобы ихъ разводили съ мужьями и возвращали къ нимъ въ холоцтво, такъ какъ стрѣльца по закону нельзя было взять вмѣстѣ съ женою. Однакоже указомъ государей царей Іоанна и Петра Алексѣевичей 30 марта 1683 года объявлено на основаніи Уложенія такихъ стрѣльцовъ не разводить съ женами, помѣщикамъ же и вотчинникамъ за бѣглыхъ женокъ и дѣвокъ платить выводъ по десяти рублей за человѣка (П. С. З., т. II, № 1003, стр. 515—516). Въ

отношеніи къ ссыльнымъ принципъ расторжимости брака дѣйствовалъ еще въ первой четверти прошлаго столѣтія. Но въ 1720 году, когда началъ входить въ силу новый принципъ личной наказуемости преступниковъ, указомъ Петра Великаго 16 августа въ отиѣну Уложенія постановлено иное правило, а именно: которые каторжные невольники посланы въ вѣчную работу, тѣхъ жонамъ, которыя похотятъ итти замужъ или постричься, и въ томъ дать имъ свободу (Словарь юридическій, *Мих. Чулкоза*, ч. II, стр. 402). Этимъ указомъ отиѣнена практика Уложенія не расторгать брака въ случаѣ ссылки мужа.

б) Уложеніе, какъ мы видѣли выше, свободно допускало бракъ русскихъ подданныхъ съ иностранцами и иноземцами, напр. литовскими плѣнниками и другими. Но при этомъ требовалось одно неизбѣжное условіе, чтобы они были—эти иноземцы—крещенные люди, т. е. исповѣдывали православную вѣру (Улож. XVI, 18 и 19; XX, 69). Основаніемъ такого условія служили каноны древней церкви, изложенные въ Кормчей книгѣ (Книга прав., IV всел. собора пр. 14).

в) Извѣстно, что православная церковь допускаетъ только три брака. Но до обнародованія Уложенія весьма нерѣдко въ русскомъ государствѣ совершались четвертые браки. О предупрежденіи ихъ не было принято никакихъ законодательныхъ мѣръ со стороны государственной власти, виновные же въ заключеніи четвертаго брака подвергались только церковному суду и несли отвѣтственность по его законамъ. Такъ, въ царствованіе Михаила Феодоровича князь Семень Шаховской, плодовитый и витѣватый писатель своего времени, потерявши трехъ женъ и будучи еще въ молодыхъ лѣтахъ, женился въ четвертый разъ. Его развели съ этой женою и не смотря на умильные посланія, которыя онъ писалъ къ патриарху Филарету и къ тобольскому архіепископу Киприану, оставили безбрачными (Ист. Соловьева, т. IX, стр. 462). Важнымъ подспорьемъ къ заключенію четвертыхъ браковъ до Уложенія служило то обстоятельство, что жены и дѣти этого брака беспрепятственно справляли за собою помѣстья своихъ мужей и отцовъ, женившихся послѣ трехъ браковъ (Имянной указъ 29 октября 1669 г. № 459. П. С. З. т. I, стр. 828).

Уложение же, согласно учению и канонамъ православной церкви, допускало только три брака, четвертый считало недѣйствительнымъ и постановило законъ къ предотвращенію его. „А будетъ кто, говоритъ въ Уложеніи, своруетъ (т. е. утайкою) женится на четвертой женѣ и приживетъ съ нею дѣтей: и послѣ его (т. е. послѣ его смерти) той его четвертой женѣ и дѣтемъ, которыхъ, дѣтей, приживетъ онъ съ тою четвертою женою, помѣстья его и вотчинъ не давать (гл. XVI, ст. 15). Такимъ образомъ Уложение четвертую жену и дѣтей отъ нея прижитыхъ считало незаконными и потому въ наслѣдствѣ имъ отказывало.

Приведенный законъ Уложения предусматривалъ четвертый бракъ одного мужчины и постановилъ мѣру слишкомъ частую, которая входила въ силу только въ случаѣ его смерти. А между тѣмъ въ четвертое супружество воровски вступали и женщины, оставшіяся вдовыми послѣ третьяго брака. Такъ какъ этотъ случай не подходилъ подъ статью Уложенія, то въ дополненіе къ нему имяннымъ указомъ 27 іюня 1651 года обнаружено было особое постановленіе касательно вдовъ, послѣ третьяго брака вступившихъ въ четвертый. „Которыя вдовы, сказано въ указѣ, съ прожиточными своими помѣстьи выйдутъ за четвертыхъ мужей, а то онѣ утайтъ, что имъ тѣ мужья четвертые, и по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ будутъ онѣ разведены: и тѣ ихъ вдовины прожиточныя помѣстья давать тѣмъ ихъ мужьямъ, съ которыми онѣ будутъ разведены для того, что тѣ вдовы то утаили, что имъ они четвертые мужья, а тѣмъ людямъ тѣмъ вдовамъ давать денегъ и хлѣба на прокоршъ по указу“ (П. С. З. т. I, № 64, стр. 254). Въ 1669 году 29 октября вышелъ относительно вдовъ пояснительный указъ, чтобы деньги и хлѣбъ на прожитокъ справливать по указу за тѣми вдовами, которыя вступили въ четвертое супружество и имѣли дѣтей до Уложения, а которыя вдовы вышли замужъ послѣ Уложения, и за тѣми помѣстья ихъ не справливать (П. С. З. т. I, № 459, стр. 828).

Наконецъ въ 1677 году царь Феодоръ Алексѣевичъ указалъ и бояре приговорили: „которыхъ четвертыхъ женъ дѣтемъ помѣстья и вотчины отцовъ ихъ и родственныя даны до Уложения, или

послѣ Уложенія тѣ помѣстья и вотчины имъ даны, а женились отцы ихъ до Уложенія, и у нихъ тѣхъ помѣстій и вотчинъ не отнимать, а впредь четвертымъ женамъ. по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, ни у кого не быть; а которая четвертыхъ женъ дѣти учнутъ бить челомъ о помѣстьяхъ и вотчинахъ отцевъ своихъ и родственныхъ послѣ сего великаго государя указа, а отцы ихъ на четвертыхъ женахъ женились послѣ Уложенія, и имъ тѣхъ помѣстій и вотчинъ не давать (П. С. З., т. II, указъ 10-го августа 1677 г. № 100, ст. 8, стр. 113 и 114). Надобно думать, что эти запретительныя статьи Уложенія и новоуказныхъ правилъ весьма много содѣйствовали къ уменьшенію и искорененію въ русской церкви четвертыхъ браковъ, особенно между имущественными классами, противъ которыхъ они исключительно и были направлены.

г) Законодатель Уложенія имѣлъ поводы и основанія постановить и постановилъ статьи относительно браковъ, которые въ его время практиковались супругами при жизни ихъ мужей или женъ. Такіе браки существовали по преимуществу между холопами и, кажется, не встрѣчались въ средѣ другихъ мірскихъ сословій, такъ какъ статьи по сему предмету имѣются въ одной XX-й главѣ, содержащей въ себѣ судъ о холопахъ. Статьи эти суть слѣдующія. „А будетъ отъ кого побѣжить холопъ, или крестьянинъ, повилиувъ женъ, и въ бѣгахъ поженятся на иныхъ женахъ, а первыхъ своихъ женъ учнутъ отпираться, или которая раба, или крестьянка отъ кого сбѣжитъ, повила мужа, и выйдутъ за иныхъ мужей, а первыхъ своихъ мужей воровствомъ учнутъ отпираться: и имъ указъ чинити противъ того же, какъ о томъ писано выше сего въ холопѣхъ статьѣ“ (Улож. гл. XX, ст. 26). Въ холопей же статьѣ постановлено о такихъ событіяхъ производить на судѣ слѣдствіе посредствомъ распросовъ и очныхъ ставокъ, и если пойманные въ бѣгахъ все-таки будутъ отпираться, то ихъ подвергать пыткѣ. „Да будетъ, сказано дальше, они съ первой пытки не повинятся: и ихъ пытать и въ другія; да будетъ и съ другія пытки не повинятся же, и ихъ отдать тѣмъ людямъ, у кого на нихъ будутъ служилыя кабалы“ (ibid. ст. 25). Такимъ образомъ



вступленіе въ бракъ холопей и крестьянъ при живыхъ женахъ, а также крестьянокъ и холопокъ при живыхъ мужахъ подлежало вѣдомству суда о холопахъ, гдѣ дѣло производилось слѣдственнымъ порядкомъ и разрѣшалось пыткой. Если обвиняемый послѣ второй пытки продолжалъ отрицаться отъ своей жены, то его отдавали тому владѣльцу, у котораго жилъ по кабалѣ послѣ побѣга отъ жены. Но статья эта неполна. Въ ней не достаетъ рѣшенія на тотъ случай, если бѣглець, положимъ, на второй пыткѣ признается, что претендующій на него господинъ есть его владѣлецъ и женщина, признающая въ немъ мужа, есть дѣйствительно законная жена его. Понятно, что такой бѣглець по 84 ст. XX гл. Улож. возвращался къ своему господину и къ своей женѣ. Но подлежалъ ли онъ какой отвѣтственности за вступленіе въ бракъ при живой женѣ, того не объяснено.

Вторая статья по этому предмету имѣетъ смыслъ болѣе точный и опредѣленный. Въ ней говорится: „А которой старинной, или крѣпостной холопъ, у кого во дворѣ женился сбѣжигъ, покиня жену, и въ бѣгахъ женится на иной женѣ, а первую жену утаитъ, а послѣ того придетъ онъ къ прежнему своему боярину, и къ первой свей женѣ, или его прежній бояринъ въ бѣгахъ изымаетъ: и ему по старинѣ и по крѣпости жити у того своего прежняго боярина съ первую своею женою; а другой его женѣ быти въ холопствѣ у того, у кого онъ на ней женится. А будетъ въ тѣ поры, какъ онъ въ бѣгахъ былъ, первая его жена умерла: и его первому боярину отдать съ другою его женою, на которой онъ въ бѣгахъ женится. Также будетъ отъ кого сбѣжигъ раба, покиня мужа, и въ бѣгахъ пойдетъ за другаго мужа, а послѣ того придетъ она изъ бѣговъ къ первому своему боярину или ее поймаютъ, и ей тотъ же указъ, что и мужу“ (Улож. XX, 84). Изъ этой статьи видно, что второй бракъ при живой женѣ или при живомъ мужѣ признавался недѣйствительнымъ и расторгался съ оставленіемъ второй жены или мужа въ холопствѣ у того боярина, у котораго состоялся бракъ. Также изъ этой статьи ясно, что въ случаѣ смерти первой жены бракъ на второй женѣ при жизни первой Уложеніемъ, хотя и неправильно, признавался дѣйствительнымъ

или по крайней мѣрѣ оставался въ своей силѣ. Однако же и эта статья все-таки неудовлетворительна: ибо въ ней не разъяснено, подвергались ли подобные случаи разбору церковнаго суда и какія слѣдствія вытекали изъ сего для женившихся и вѣнчавших браки. Судя по тому, что Уложеніе ничего не говоритъ въ данномъ случаѣ о церковномъ судѣ, и принимая въ соображеніе простоту понятій и нравовъ того времени, можно съ увѣренностью предполагать, что подобные случаи не доходили до церковнаго суда, получая окончательный исходъ въ холощьемъ приказѣ.

д) Уложеніе упоминаетъ только о разводѣ вступившихъ въ четвертый бракъ и при живомъ супругѣ. Другихъ же причинъ и условій бракоразводнаго права не касается. Однако изъ нѣкоторыхъ статей видно, что оно ни для жены, ни для мужа не допускало возможности расторженія брака и вступленія въ новый въ случаѣ пребыванія одного изъ супруговъ, напр. мужа, въ плѣну въ иноземныхъ странахъ. Ибо, по возвращеніи въ свои дома изъ плѣна, мужа вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, оставшимися на мѣстѣ, имѣли право вытти на волю отъ своихъ владѣльцевъ (Улож. XX, 34 и 66).

Бывали послѣ Уложенія примѣры, что жены не дождавшись возвращенія мужей своихъ съ театра войны, вступали безъ нихъ во второй бракъ, на основаніи слуховъ объ ихъ смерти и безъ несомнѣннаго о ней удостовѣренія. Правительство справливало даже помѣстья этихъ женъ за новыми ихъ мужьями. Фактъ этотъ показываетъ, что въ помѣстномъ приказѣ, который справливалъ помѣстья, не руководились Кормчею книгою, гдѣ запрещалось женамъ лицъ, бывшихъ на войнѣ, выходить замужъ безъ вѣрнаго свидѣтельства о смерти мужей ихъ (Кормчая, Никопов. редакціи, ч. II, глава 44, грань 13, гл. 3). Но 15 іюня 1666 года вышелъ по боярскому приговору именная указъ, по которому помѣстья разрѣшено справливать за такими жежами при сговорѣ въ замужество не иначе, какъ послѣ тщательныхъ розысковъ и опроса свидѣтелей о смерти ихъ мужей, но затѣмъ прибавлено: „а будетъ изъ полона мужа ихъ выйдуть, и тѣ ихъ помѣстья поворачивать и впредь великій государь челобитныхъ. кто не справя женится,

подписывать не указаль\* (П. С. З., т. I, № 389, стр. 640). Очевидно начала и этого указа несогласны съ тѣми правилами, которыя изложены относительно плѣнныхъ въ Кормчей книгѣ (Ioco citato). Самый указъ яснаго и опредѣленнаго понятія не даетъ о дѣлѣ. Изъ него не видно, возвращались ли жены, въ случаѣ вступленія во второй бракъ, вмѣстѣ съ помѣстьями къ первымъ своимъ мужьямъ, или второе ихъ замужество признавалось дѣйствительнымъ и оставалось въ силѣ, или же наконецъ указъ беретъ такой моментъ, когда помѣстье было справлено, а бракъ жены еще не состоялся. Все это показываетъ, что уложенное законодательство не имѣло еще опредѣленнаго взгляда, какъ надлежало поступить въ тѣхъ случаяхъ, которые мы привели: то оно не предполагаетъ развода, то допускаетъ его, то, направивъ дѣло къ новому браку, останавливается и поворачиваетъ его назадъ.

Уложеніе и послѣдующіе за нимъ указы касались, хотя очень мало, богослужебныхъ предметовъ.

Такъ, въ новоторговомъ уставѣ, изданномъ въ 1667 году, въ статьѣ 4-й между прочимъ иностраннымъ купцамъ поставлено на видъ, чтобы они вино церковное возили въ Россію доброе, безъ подмѣсу для церковныхъ потребъ, при чемъ пошлины на этотъ предметъ не были возвышены (П. С. З. т. I, № 408, стр. 691).

По случаю тогдашнихъ безчинствъ, особенно въ ночное время, выходили послѣ Уложенія указы о мѣрахъ къ прекращенію ихъ, но въ указахъ дѣлалась оговорка, чтобы людей церковнаго причта хозяине или ночные стражи не стѣсняли и свободно допускали для отправленія богослуженій къ церквамъ (П. С. З. т. I, ук. 26 января 1668 г., № 423, стр. 739).

По случаю упомянутыхъ безчинствъ, имяннымъ указомъ 26 января 1668 года строго запрещено было на сырной недѣлѣ кататься и ходить по Москвѣ послѣ такъ называемыхъ указныхъ часовъ во избѣжаніе воровства, грабежей и смертоубійства. Но ради удовлетворенія духовныхъ нуждъ въ увазѣ сдѣлано слѣдующее исключеніе: „а будетъ кому доведется и послѣ тѣхъ указныхъ часовъ послать по священника для исповѣди къ больнымъ и роженницамъ съ молитвою призвати, и тѣ люди про то на карау-

лахъ сказывали, что отъ кого и къ которому священнику ѣдетъ или пѣшь идетъ, а какъ они про то на караулахъ учнутъ объявлять, а въ той посылкѣ будетъ ихъ человекъ или два, а ружья никакого, опричь палокъ, у нихъ не будетъ и тѣхъ пропускать и послѣ четвертаго часа ночи, разсмотря ихъ накрѣпко, чтобы тѣмъ вору не пролыгались“ (П. С. З. т. I, № 423, стр. 738).

Вопросъ о приготовленіи преступниковъ къ смертной казни, часто употреблявшейся въ періодъ Уложенія, былъ въ то время, можно сказать, капиталною злобою дня. Въ Уложеніи сказано по этому вопросу немного, а именно: которые тати и разбойники доведутся казнити смертю: и ихъ для покаянiя посадити въ тюрьмѣ въ избу на шесть недѣль, и какъ имъ отойдутъ урочные дни и такыхъ татей и разбойниковъ казнити (гл. XXI, ст. 34). Изъ этого видно только, что приговоренные къ смертной казни шесть недѣль содержались въ покаянной избѣ, но въ чемъ состояло ихъ покаянiе и приготовленіе къ смерти, неизвѣстно. Въ указѣ 20 октября 1653 года какъ бы въ противорѣчіе уложенной статьѣ вышло слѣдующее странное постановленіе: „татей и разбойниковъ вершити въ недѣль во всѣ дни, опричь воскресенья Христова, а причастiя имъ не давать и въ покаянную избу ихъ не сажать, а кто попроситъ покаянiя и ему дать“ (П. С. З. т. I, № 105, стр. 302). Изъ этого видно, что приговореннымъ къ смерти за татѣбы и разбой отказывалось въ послѣднемъ христіанскомъ напутствіи, если они сами не изъявляли желанiя принести покаянiе. Такое распоряженіе, противное основнымъ законамъ церкви, издано подѣ вліаніемъ патріарха Никона, котораго между прочимъ судили по этому дѣлу на московскомъ соборѣ 1666—7 года. Мы не будемъ здѣсь подробно входить въ разборъ исторiи этого предмета. Скажемъ лишь, что вопросъ о приготовленіи преступниковъ къ смерти, поставленный Уложеніемъ 1649 года, окончательно разрѣшенъ упомянутымъ соборомъ 1667 года въ слѣдующей вопросо-ответной формѣ.

Вопросъ. „Когда и коликыхъ дней имѣти будетъ осужденный разбойникъ, или тать прежде послѣдняго осужденiя казни, да уго-

товится къ достойному покаянію, и еже причастится пречистыхъ тайнъ“.

Отвѣтъ. „Патріаршее наше разсужденіе и изображеніе изъ-являетъ (имѣюще и выше всякой власти архіерейской растающе и умаляюще епитиміи съ благословною виною согрѣшающихъ чело-вѣковъ), хотимъ убо мы и повелѣваемъ, яко отнынѣ осужден-ныхъ разбойниковъ и татей да исповѣдываютъ и причащаютъ ихъ божественныхъ и пречистыхъ тайнъ, которые будутъ исповѣда-тися и каятися и плакатися довольно съ сокрушеніемъ сердець и душъ ихъ; прежде казни единъ или два дни, повелѣваемъ, да идетъ священникъ къ осужденному и повинному съущу смерти, да исповѣдаетъ его прилежно со всякимъ испытаніемъ, потомъ да при-частитъ пречистыхъ тайнъ. Но еще хотимъ и весь день онъ да пребудеть съ ними единъ или два отъ искусныхъ, яко да на-учать ихъ, и да возвѣстятъ имъ онны страшныя и безконечныя муки и судилища и яко да имутъ упованіе и надежду на край-нее Божіе чело-вѣколюбіе и безмѣрную милость. И аще сего свѣта привременнаго житія лишаются ради беззаконія своего, да не ли-шены будутъ вѣчнаго житія, яко-же и благоразумный разбойникъ, иже при Христѣ распенный. Да воспоминаютъ имъ и о блуд-номъ сынѣ и о иныхъ многочисленныхъ грѣшницѣхъ, о нихъ-же является, яко преодолѣ благоутробіе Бога нашего и крайнее че-ловѣколюбіе Его. Въ сей статьѣ по вышеписанному вопросу обрѣ-таемъ зѣло виновна Никона и послѣдующихъ ему въ покаяніи и въ причащеніи пречистыхъ тайнъ“ (П. С. З. т. I, стр. 701 и 702, гл. IV, вопр. 1-й и отв.). Этимъ рѣшеніемъ съ точ-ностію гражданскія и духовныя власти руководствовались въ по-слѣдующее время въ отношеніи къ приговореннымъ къ смертной казни (П. С. З. т. I, статьи 22 янв. 1669 г., № 442, стр. 802).

9.

О правѣ частной собственности надъ церковными строениями  
(Происхожденіе этого права. Закрѣпленіе его Уложениемъ. Судъ о немъ собора  
1667 года).

Въ періодъ Уложенія сильно господствовало крѣпостное и вот-чинное право. Духовныя власти весьма часто не имѣли ни права

строить церкви на чужой, напр. вотчинной землѣ, ни тѣмъ болѣе спеціальныхъ средствъ къ построению ихъ.

Святые храмы строились тогда большею частью боярскими и вотчинниками на ихъ землѣ, ихъ усердіемъ, трудами и на ихъ средства. Такія церкви еще до Уложенія почитались собственно-стію храмоздателей, которые поэтому произвольно распоряжались и церквами и причтами и могли вмѣстѣ съ вотчиною продавать за деньги и церковныя строенія другому владѣльцу. Уложеніе узаконило этотъ очевидно ненормальный порядокъ вещей. Въ немъ прямо говорится: „за церковное строеніе (при переходѣ его отъ строителя въ другія руки) и за боярскіе и за людскіе дворы и за мельничное и за прудовое строеніе платити деньги смотря по строенію и по оцѣнкѣ стороннихъ людей“, а не по такѣ, назначенной за другіе предметы вотчиннаго хозяйства (Улож. XVII, 27). Отсюда ясно, что церковныя строенія, по Уложенію, продавались за деньги наравнѣ съ домами, мельницами и прудами, другимъ лицамъ, на основаніи осмотра ихъ и по оцѣнкѣ стороннихъ людей.

Примѣръ вотчинниковъ не остался безъ подражанія. Нашлись священники, которые какимъ-то образомъ приобрѣтали права собственности надъ церквами и церковными мѣстами и, наравнѣ съ хранинами своего домовнаго строенія, также продавали ихъ прихожанамъ.

Московскій соборъ 1667 года имѣлъ по этому предмету разсужденіе и въ 30 правилъ своихъ опредѣленій отмѣнилъ право частной собственности надъ церковными зданіями. Святая церковь, постановилъ соборъ, священникамъ корчемствовать и продавать нехлѣбно есть, зане Христосъ, Спаситель нашъ, искупи святую церковь пречистою Своею кровію и свободи ю. Совѣтуемъ убо нынѣ вамъ, всѣмъ прихожанамъ коеяждо церкви, православнымъ христіаномъ, живущимъ здѣ въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, и прочимъ, и благословляемъ васъ, да не купите святая церкви продаваемыя и церковныя мѣста, развѣ домовнаго ихъ строенія хранинъ, да будутъ свободны и подъ единою главою и властью, еже есть Христосъ и крайній пастырь вашъ, нашъ братъ

святѣйшій московскій патріархъ и всея Россіи. А продавати церкви Христовы и церковныя мѣста, яко отчины, зѣло неправильно есть и незаконно (П. С. З., т. I, выписка изъ дѣяній собора 17 іюня 1667 года, № 412, стр. 699).

10.

Овъ охраненіи храмовъ Божіихъ отъ воровъ

(Смертная казнь за святотатство и возмѣщеніе похищеннаго. Замяна смертной казни наказаніями членовредительными. Отличіе святотатства отъ простой кражи. Возстановленіе смертной казни. Заключеніе).

Уложеніе строго охраняло церковныя имущества отъ похищеній и воровъ. Церковныхъ татей, сказано въ немъ, казнити смертью безъ всякаго милосердія, а животы ихъ отдавати въ церковныя татьбы (Улож. гл. XXI, ст. 14). Законъ этотъ заимствованъ Уложеніемъ изъ Судебниковъ (Іоанна III, ст. о татьбѣ, и Іоанна IV, ст. 61), но изложенъ въ немъ отдѣльно отъ другихъ преступленій въ краткой и точной редакціи. Наказывая церковныхъ татей смертью, онъ требуетъ, согласно судебнику Іоанна IV, и возмѣщенія церковныхъ убытковъ на счетъ ихъ имущества, вѣроятно въ такомъ разѣ, если не будутъ отысканы похищенные предметы въ полнотѣ и неповрежденности.

Когда законодатель Уложенія послѣ его изданія началъ стремиться къ уменьшенію случаевъ смертной казни и къ замянѣ ея наказаніями членовредительными, то и статья Уложенія о церковныхъ татяхъ была подвергнута новому пересмотру и измѣнена съ болѣе раздѣльнымъ опредѣленіемъ самаго преступленія т. е. святотатства. „Церковныхъ татей, который тать войдетъ въ алтарь въ день или въ ночь и что возьметъ отъ святыхъ сосудовъ или потирь, или иныя какія вещи и тѣмъ татамъ учинить казнь—отсѣчь лѣвую руку, да правую ногу, а будетъ которые тати покрадутъ церковь и что возьмутъ и ему учина наказаніе отсѣчь лѣвую руку, а за двѣ церковныя татьбы такимъ татамъ учинить по Уложенію, казнити смертью и животы ихъ отдать въ церковныя татьбы“ (П. С. З. т. I, указъ 22 января 1669 г. № 441, ст. 12, стр.

776). Здѣсь уже смертная казнь святотатцамъ за первую кражу замѣняется членовредительствомъ, смертью же положено наказывать за вторую покражу церкви. Замѣчательно тѣмъ же, что за кражу изъ святаго алтаря и предметовъ священнодѣйствія отсѣкаются два члена: лѣвая рука и правая нога, а за кражу изъ другихъ частей храма, внѣ алтаря, чего бы то ни было — отсѣкается одинъ членъ — лѣвая рука. Конечно и это различіе наказаній по различію мѣсть и предметовъ церкви имѣло основаніе въ религіозно-православномъ воззрѣніи, по которому алтарь считается недоступнымъ для входа мірянъ, а предметы священнодѣйствія неприкосновенными для непосвященныхъ.

Но въ тоже время при участіи московскаго патріарха Іоасафа сдѣлано было еще одно важное законодательное различіе между святотатствомъ и простою кражею изъ церкви. „Аще кто, сказано, украдетъ нѣчто, ежели Богу не священо, а поставлено быть въ церкви сохраненія ради, таковой не святотатець именуется, но токмо тать“ (П. С. З. т. I, указъ 22 января 1669 г. № 442, ст. 13, стр. 802). Въ то время священноцерковнослужители и прихожане имѣли обычай приносить въ церковь для храненія цѣнные вещи и деньги. Къ нимъ то по всей вѣроятности и относится указанное постановленіе, состоявшееся при участіи патріарха.

Однакоже членовредительство не осталось въ употребленіи для наказанія святотатцевъ и законодатель, неизвѣстно по какимъ причинамъ, опять возстановилъ для нихъ смертную казнь. Поводомъ же къ тому послужило неизвѣстное въ подробностяхъ дѣло о церковномъ татѣ Никитѣ Васильевѣ. Въмѣсто членовредительства по приговору боярь ему учинена была смертная казнь и затѣмъ указомъ 20 іюня 1683 года постановлено и впредь церковнымъ татамъ чинить смертную казнь, по Уложенію (П. С. З. т. II, № 1026, стр. 548). Въ заключеніе не можемъ не замѣтить, что сдѣланное въ 1669 году различіе между святотатствомъ и простою кражею изъ церкви послужило началомъ для различенія этихъ двухъ преступленій послѣдующимъ законодательствомъ, обычай же хрывать частную собственность въ церквяхъ отмѣненъ указомъ Синода.



11.

Объ охраненіи чести духовенства и мірянъ.

Законодатель Уложенія посвятилъ много времени и труда для постановленія законовъ объ охраненіи чести. Законы Уложенія охраняютъ честь духовенства отъ мірскихъ людей и честь мірянъ отъ оскорбленія со стороны людей духовнаго чина.

Уложеніе охраняло честь церковныхъ властей и чиновъ, начиная отъ патріарха и кончая просвирней. Охрана состояла въ томъ, что, по Уложенію, назначены были за безчестья, смотря по чинамъ, разныя наказанія.

Чтобы яснѣе понять законодательство Уложенія по этому предмету, опредѣлимъ прежде всего, что въ то время считалось безчестіемъ. По смыслу Уложенія безчестіе было двоякаго рода: во-первыхъ *словомъ* и во-вторыхъ *дѣломъ*.

Если кто сказалъ кому-либо изъ людей духовнаго чина, по выраженію Уложенія, *неприложее* слово (гл. X, ст. 99), то это почиталось *безчестіемъ*. Отрицательнымъ эпитетомъ: *неприложій* (неприличный) конечно не исчерпывается весь кругъ и характеръ реченій, которыми могло наноситься безчестье, но другаго опредѣленія ихъ, болѣе точнаго, въ Уложеніи нѣтъ.

Впрочемъ, если укоризненное слово было произнесено вправду, выражая дѣйствительность, такое дѣяніе не вмѣнялось въ безчестіе. Напримѣръ по Уложенію не считалось безчестіемъ и не полагалось наказанія тому, кто попрекнулъ бы человѣка, родившагося въ законнаго брака, его происхожденіемъ (гл. X, ст. 280). Съ другой стороны чувство чести въ то время было такъ щекотливо, что напримѣръ ошибка въ титулѣ или правописаніи, происшедшая можетъ быть отъ невѣжества и неумышленная, вмѣнялась довольно долгое время въ безчестье. Однако же послѣ Уложенія, а именно въ 1675 году, это было отмѣчено (П. С. З. т. I, ук. 15 марта 1675 г. № 597, стр. 1000).

Безчестье дѣломъ заключалось въ оскорбленіи человѣка какимъ либо грубымъ поступкомъ, напримѣръ ударомъ, причиненіемъ раны,

лишеніемъ свободы (гл. I, ст. 5 и 6; гл. VII, ст. 32 и др.) и т. п. Само собою разумѣется, что оба вида безчестья, словомъ и дѣйствіемъ, могли встрѣчаться вмѣстѣ въ одномъ поступкѣ.

Сверхъ того, по Уложенію, къ понятію о безчестіи относились въ частности слѣдующіе случаи: ложныя челобитья (гл. VII, 12), въ томъ числѣ на судей (гл. X, ст. 14), ложное показаніе на повальному обыскѣ подъ присягою (*ibid.* ст. 162), неприятіе приговора третейскаго суда (гл. XV, ст. 5), повеленные иски и т. п. Изъ этого видно, что въ періодъ Уложенія не было еще вырабатано точное юридическое понятіе о обезчещеніи.

Необходимо замѣтить, что безчестья какъ словомъ, такъ и дѣломъ въ то время по необразованности и грубости нравовъ нерѣдко были причиняемы мірскими людьми не только низшимъ членамъ церкви, но и высшимъ, на примѣръ епископамъ и самому патріарху, по крайней мѣрѣ въ лицѣ его служившихъ людей. Такъ во время матажа 1650 года новгородцы безчестили и били своего знаменитаго митрополита Никона (Ист. Соловьева, т. X, стр. 181). Псковичи во время своихъ безпорядковъ, получивъ разъ успокоительную грамоту отъ того же Никона и прочитавъ ее, тоже, по свидѣтельству исторіи, поносили его непригожими словами (*ibid.* стр. 199). Особенно много доводилось терпѣть безчестья злоупотреблявшимъ попомъ и діаконамъ, которыхъ по боярскимъ и дворянскимъ вотчинамъ владѣльцы сажали въ колодки и цѣпи, били и отъ церкви отсылали (Ист. Соловьева, т. XI, стр. 291). Законодатель Уложенія очевидно имѣлъ поводы и причины посвятить особенное вниманіе, выразившееся во множествѣ статей, защитѣ духовенства отъ оскорбленія его достоинства со стороны мірянъ.

Изложенная въ Уложеніи система штрафовъ и наказаній за безчестье людей духовнаго чина и вѣдомства весьма обширна, многосложна, разнообразна и подробна. Штрафы и наказанія узаконены различныя, примѣнительно не только къ разнымъ чинамъ церковнымъ, но и къ тѣмъ мірскимъ людямъ и ихъ положенію, которые причиняли безчестье. Такъ на примѣръ бояринъ за безчестье патріарху выдавался ему головою, стольникъ подвергался битью батогами, стрѣлецъ или пушкаръ — торговой казни и заклю-

ченію въ тюрьмѣ на мѣсяцъ. Тѣже лица за оскорбленіе чести епископа подлежали: бояринъ штрафу въ 200 рублей, стольникъ— тюрьмѣ на срокъ— по указу, пушкаръ— батогамъ и тюремному заключенію на три дня (гл. X, ст. 27—31). За безчестіе иноческихъ чиновъ назначены были, смотря по знатности монастыря и по чину обиженнаго, разные денежные штрафы. Напримѣръ Живоначальнаго Троицы Сергіева монастыря архимандриту сто рублей, келарю— восемьдесятъ, казначею— семьдесятъ, соборнымъ старцамъ по сороку рублей. Нижняго Печерскаго монастыря архимандриту— пятьдесятъ рублей, келарю— тридцать пять, казначею— двадцать пять, соборнымъ старцамъ по 15 рублей (*ibid.* ст. 32—81). Рядовымъ же старцамъ всѣхъ монастырей за безчестіе штрафъ опредѣленъ въ пять рублей (*ibid.* ст. 82).

За безчестіе лицъ бѣлаго духовенства штрафы положены также отъ ста до двухъ рублей, напримѣръ благовѣщенскому протопопу, духовнику государя— сто рублей, уѣзднымъ и безмѣстнымъ попамъ— по пяти рублей (*ibid.* ст. 85—89), дьячкамъ по три и по два рубля, пономарямъ по два рубля, просвирницамъ по три рубля (*ibid.* ст. 98).

Уложеніе охраняло отъ безчестія патріаршихъ, митрополичьихъ, архіепископскихъ и епископскихъ дьяковъ, подьяковъ, дѣтей боярскихъ и всякаго инаго чина ихъ домовыхъ людей, напримѣръ пѣвчихъ, поваровъ, хлѣбниковъ, конюховъ и всѣхъ монастырскихъ слугъ, назначивъ за оскорбленіе ихъ разнаго рода денежные штрафы (гл. X, ст. 95 и 96), такъ что ни одинъ классъ людей не былъ оставленъ безъ защиты отъ поруганій.

Само собою разумѣется, что законодательная правда не была бы соблюдена, если бы, ограждая духовныхъ чиновъ отъ безчестія мірскихъ людей, Уложеніе не гарантировало бы и мірскихъ людей всякаго чина и званія отъ безчестія, наносимаго имъ лицами церковныхъ чиновъ, а потому въ Уложеніи положены штрафы и на нихъ послѣднихъ, въ случаѣ если они причиняли безчестіе мірскимъ людямъ. По этому предмету въ Уложеніи имѣется только одна на всѣ случаи слѣдующая статья. „А будетъ митрополитъ, или архіепископъ, или епископъ, или игумень, или келарь, или

казначей, или рядовые старцы обезчестят словомъ бояръ и околничихъ и думныхъ людей, или стольниковъ, или страпчихъ, или дворянъ московскихъ, или гостей, или дьяковъ, или жильцовъ, или дворянъ, или дѣтей боярскихъ городовыхъ, или иныхъ чиновъ. кого ни буди, а сыщется про то до прѣма: и имъ по сыску тѣмъ людямъ, кого они обезчестятъ платити за безчестье противъ ихъ окладовъ, что кому государева денежнаго жалованья, а гостемъ и иныхъ чиновъ людямъ по указнымъ статьямъ, какъ писано ниже сего“ (гл. X, ст. 83) т. е. въ самомъ Уложеніи относительно денежныхъ штрафовъ, положенныхъ имъ за безчестье.

Изъ этой статьи прежде всего видно, что чинъ патріарха, не упомянутый въ ней, изъять отъ штрафа за безчестье. Чѣмъ объяснить такое исключеніе. — мы не знаемъ и не станемъ для объясненія прибѣгать ни къ какимъ предположеніямъ.

Замѣчательно также, что въ Уложеніи нѣтъ статей, которыми полагалось бы наказаніе лицамъ бѣлаго духовенства отъ протопопа до пономаря за безчестье мірскимъ людямъ разныхъ чиновъ. Въ новоуказныхъ статьяхъ мы также не нашли ни одного правила, которымъ восполнялся бы означенный пробѣлъ Уложенной книги. И намъ вполне не извѣстно, чѣмъ руководствовались власти въ рѣшеніи дѣлъ о безчестьяхъ, наносимыхъ лицами бѣлаго духовенства мірянамъ. Очень можетъ быть, что въ такихъ случаяхъ примѣнялась къ дѣламъ приведенная 83 статья X главы.

Законодатель предвидѣлъ, что духовныя лица могутъ оказаться несостоятельными къ уплатѣ штрафовъ за безчестье мірянамъ. Штрафы были очень высоки. Какому нибудь рядовому старцу не под силу было выплатить безчестье боярину или окольничему, равняющееся окладу ихъ жалованья. На этотъ разъ была узаконена принудительная мѣра. „А будетъ, говорить Уложеніе, которому архимандриту, или игумену, или келарю, или казначею, или рядовымъ старцемъ за чье безчестье платити будетъ нечѣмъ: и на нихъ тѣмъ людямъ правити безчестье нещадно до тѣхъ мѣстъ, какъ они съ истцы учинятъ сдѣлану, или какъ въ томъ истцомъ своимъ добьютъ челомъ“ (гл. X, ст. 84). Такимъ образомъ плательщики, оказавшіеся несостоятельными, подвергались страшной принудительной мѣрѣ

того времени: правезу. Впрочемъ особы епископскаго сана отъ правеза были изъяты. На правезь, какъ видно изъ статьи закона, ставились монахи отъ нижнихъ чиновъ до архимандрита включительно и конечно параллельныя имъ лица блага духовенства отъ пономаря до протопопа.

Постановляя законы относительно взаимнаго охраненія чести духовныхъ и мирскихъ людей всякихъ чиновъ, Уложеніе не касается вопроса о взаимномъ охраненіи чести между лицами духовнаго званія. Свѣтскій законодатель очевидно сознавалъ, что опредѣленіе и огражденіе внутреннихъ отношеній членовъ церковной іерархіи, отъ низшихъ до высшихъ ея степеней, не подлежитъ его компетентности. Дѣла этого рода такимъ образомъ оставались въ вѣденіи церковнаго суда и властей и разбирались на основаніи Кормчей книги. Однако же церковный судъ, кромѣ церковныхъ наказаній, налагалъ иногда на членовъ церковной іерархіи и денежные штрафы за безчестье, руководствуясь статьями Уложенія, какъ увидимъ ниже.

Штрафы за безчестье, положенные Уложеніемъ, или добровольно платились лицомъ, наносившимъ его, или же, если этого не было, ссыскивались по суду. Поэтому статьи о безчестіи поставлены въ X главѣ Уложенія о судѣ. Дѣла этого рода, какъ видно изъ самаго изложенія статей, обыкновенно производились въ гражданскихъ судебныхъ инстанціяхъ, на примѣръ въ Москвѣ въ челобитенномъ и судномъ приказѣ (П. С. З. т. 1, уѣ. 15 марта 1675 г. № 597, стр. 1000). Такимъ образомъ дѣла о безчестіи, будетъ ли оно причинено духовнымъ лицомъ мірянину, или наоборотъ, по Уложенію, подсудны были государственному суду.

Денежные штрафы, взсканныя съ виновныхъ, отдавались судомъ лицамъ, потерпѣвшимъ оскорбленіе. Въ случаѣ несостоятельности въ уплатѣ денегъ, обвиненные приговаривались къ другимъ наказаніямъ. Такъ бояринъ, окольникій и думный дьякъ за обзачещеніе митрополита или архіепископа или епископа отсылались къ нимъ головою, если не имѣли средствъ заплатить деньги (гл. X, ст. 28).

Въ статьяхъ Уложенія штрафы положены только за безчестье

непригожимъ словомъ. Оскорбленіе же дѣйствию не имѣеть особенныхъ статей, опредѣляющихъ наказаніе, которое въ такихъ случаяхъ полагалось судомъ. въ нѣсколько кратъ болѣе противъ штрафа за словесное безчестіе. Но кромѣ денежныхъ штрафовъ въ такихъ случаяхъ люди нанесли безчестіе, смотря по винѣ, подвергались еще и другимъ, нерѣдко очень чувствительнымъ наказаніямъ, такъ что штрафъ за безчестіе служилъ лишь добавочнымъ наказаніемъ. Это видно изъ слѣдующей статьи, гдѣ положено наказаніе за насильственно-ложное *ополчненіе*, въ которомъ законодатель между прочимъ усматривалъ и вину обезчещенія дѣйствию. „А будетъ въ сысу скажутъ, что приводнаго челоуѣка истцы ополчнили сильно: и тѣмъ людемъ, которые его ополчнили сильно, за то учинити жестокое наказаніе, при многихъ свидѣтеляхъ бити ихъ кнутомъ нещадно; да на нихъ же тѣмъ людемъ, кого они ополчнили сильно, правити безчестіе вдвое (т. е. противъ безчестія словомъ), чтобы на то смотря и инымъ нещадно было такъ дѣлать“ (гл. XX, ст. 55).

Наказанія за безчестіе со стороны государственныхъ чиновъ, нанесенныя лицамъ высшей церковной іерархіи, были весьма тяжки и по тогдашнему времени унизительны. Такъ мы видѣли, что бояринъ, или окольнічій, или думный дьякъ за безчестіе патріарха непригожимъ словомъ, по Уложенію, выдавался ему головою: оскорбителя отводили на патріаршіи дворъ и отдавали въ распоряженіе обиженнаго, который могъ поступить съ нимъ какъ со своимъ крѣпостнымъ челоуѣкомъ, а именно приказать битъ его, назначить въ работу (гл. XX, ст. 88) и т. под. За безчестіе со стороны тѣхъ же государственныхъ чиновъ нанесенное словами митрополиту, архіепископу или епископу, какъ мы отчасти видѣли, положенъ былъ довольно значительный по тогдашнему времени денежный штрафъ отъ 400 до 200 рублей, „а будетъ кому платити нечѣмъ“, сказано въ уложенной статьѣ, „и его за властелинское безчестіе отослати ко власти головою, будетъ сыщется до прая“ (гл. X, ст. 28). Эти штрафы, особенно выдача головою, имѣли больше характеръ устрашенія и на дѣлѣ, въ рукахъ цер-

ковныхъ властей, не могли получить строгаго практическаго при-  
мѣненія.

Низшіе же чины церкви, начиная съ поповъ, штрафы, нало-  
женные за ихъ безчестье, не смотря на тогдашнюю дороговизну  
денегъ, считали для себя сравнительно малыми и унижительными,  
составляющими для нихъ какъ бы новое безчестье. Точно также  
смотрѣли на это дѣло, кажется, и міряне не только русскіе, но и  
яновѣрцы. Такое сужденіе съ ясностію и скорбію высказано совре-  
менниками Уложения въ челобитной московскаго духовенства, по-  
данной государю Алексѣю Михайловичу на патріарха Никона.  
„Если и придется кому, говорить челобитная, заплатить за без-  
честье попа или діакона, то бояться нечего, потому что, по бла-  
гому совѣту бояръ твоихъ, безчестье положено очень тяжкое морд-  
вину и черемису, попу пять рублей, да четвертая собака пять же  
рублей; и нинѣ похвальное слово у небоящихся Бога дворянъ и  
боярскихъ людей: «бей попа, что собаку, лишь бы живъ былъ,  
да кинь пять рублей». Иноземцы удивляются, а иные плачутъ,  
что такъ обезчестенъ чинъ церковный“ (Ист. Соловьева т. XI,  
стр. 291). Есть историческіе факты, что безчестье, дѣйствитель-  
но учиненное лицамъ, служащимъ при властительскихъ дворахъ,  
людьми государственныхъ чиновъ, оставались безнаказанными даже  
и въ такомъ случаѣ, когда дѣло становилось извѣстнымъ самому  
царю. Такой случай извѣстенъ изъ исторіи о печальной судьбѣ  
патріарха Никона. 6 іюля 1658 года, въ день торжественнаго  
пріема грузинскаго царя Теймураза при дворѣ Алексѣя Михай-  
ловича, царскій сановникъ, Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, оскор-  
билъ словомъ и дѣломъ патріаршаго боярина, князя Дмитрія.  
Никонъ обиду, причиненную его боярину, принялъ за свое личное  
безчестье и писалъ государю письмо, въ которомъ просилъ суда  
надъ Хитрово, а въ случаѣ, если дѣло останется безъ удовлетво-  
ренія, угрожалъ Хитрово судомъ церковнымъ. Однакоже Хитрово  
былъ оставленъ безъ всякаго суда и наказанія (Михайловскаго,  
Патр. Никонъ, стр. 171—173).

Что касается до штрафовъ, положенныхъ за безчестье мірскихъ  
людей на членовъ церковной іерархіи, то штрафы эти, особенно

для низшихъ степеней іерархіи, начиная съ архимандритовъ и протопоповъ, были и тяжелы, и унизительны, и неизбежны. Штрафы соответствовали окладамъ жалованья обиженныхъ. Духовенству низшихъ степеней іерархіи, крайне бѣдному, трудно было уплачивать царскіе оклады. А принципъ дѣлать гзыскавія по средствамъ обидчика Уложенію былъ неизвѣстенъ. Несостоятельный плательщикъ отдавался на *правесж*. Какое униженіе для духовнаго сана! Какая новая тяжесть быть нещадно публично битымъ до тѣхъ поръ, пока не смиляется обиженный и раздраженный! Избѣгнуть же платы и правесжа едва-ли было возможно при тѣхъ враждебныхъ отношеніяхъ мірянъ къ духовенству, какія существовали въ періодъ Уложенія. На долю духовенства одно оставалось въ такомъ положеніи: сторониться отъ мірянъ, вести себя смиренно и сносить терпѣливо огорченія, чтобы въ случаѣ активныхъ дѣйствій не подпасть отвѣтственности за безчестье.

Мы сказали, что законами Уложенія о безчестьи руководствовался и церковный судъ и притомъ очень долгое время. Въ доказательство указываемъ на дѣло, производившееся въ Святѣйшемъ Синодѣ, объ оклеветаніи діакономъ с.-петербургской Сампсоніевской церкви Феоктистомъ Гавриловымъ синодальнаго ассессора, Петропавловскаго протопопа Петра Григорьева. Феоктистъ между прочимъ, на основаніи Уложенія (гл. II, ст. 17), лишень діаконства и приговоренъ за безчестье къ уплатѣ шестисотъ рублей протопопу, по окладу его ассессорскаго жалованья (Опис. дѣлъ Св. Сун. т. I, стр. 624 — 629).

## 12.

### О политическихъ правахъ духовенства по Уложенію.

#### а) Объ участіи духовенства въ земскихъ соборахъ

(Начало этого права. Отношеніе къ нему Уложенія. Его дѣйствіе послѣ Уложенія. Кому принадлежало пользованіе этимъ правомъ).

Со временъ Іоанна Грознаго духовенство православной русской церкви, какъ элементъ земскій, пользовалось *de facto* политическимъ правомъ участія въ земскихъ соборахъ, которые въ пе-



ріодъ средней исторіи Россійскаго государства составлялись довольно часто. Такъ изъ предыдущаго намъ уже извѣстно, что члены русской церковной іерархіи участвовали на земскомъ соборѣ 1649 года въ составленіи окончательной редакціи самаго соборнаго Уложенія и закрѣпили подлинный свитокъ его своею подписью. Уложеніе не утвердило этого политическаго права, но и не отмѣнило его, и такимъ образомъ tacite оставило практическое существованіе и дѣйствованіе его въ прежней силѣ. Поэтому члены русской церковной іерархіи и послѣ изданія Уложенія были приглашаемы къ участию въ земскихъ соборахъ, которые въ то время составлялись по поводу разныхъ государственныхъ дѣлъ. Такъ 1-го октября 1653 года, въ праздникъ Цокрова Пресвятыя Богородицы, послѣ богослуженія состоялся въ грановитой палатѣ соборъ касательно объявленія войны польскому королю Яну Казимиру за нарушеніе имъ мирныхъ съ Россійскимъ государствомъ постановленій и о принятіи гетмана Богдана Хмильницкаго съ войскомъ запорожскимъ подъ защиту русской державы. На соборѣ въ числѣ государственныхъ чиновъ и представителей земства присутствовали: патріархъ Никонъ, крутицкій митрополитъ Сильвестръ, сербскій митрополитъ Михайль, архимандриты и игумены со всѣмъ освященнымъ соборомъ (П. С. З. т. 1, ук. 1-го октября 1653 г. № 104, стр. 293—301). Но, по существовавшему тогда порядку, политическимъ правомъ участія въ дѣлахъ государства пользовалось не все духовенство: ибо для сего не производились выборы изъ духовнаго сословія со всей Россіи. На соборахъ участвовали только представительный элементъ духовенства, начиная съ патріарха и кончая такъ называемымъ освященнымъ соборомъ т. е. духовенствомъ, принадлежащимъ и тѣсно связаннымъ съ кафедрой московскаго патріарха, какъ это видно и изъ приведеннаго прилѣжанія. Прочіе же члены духовенства русскаго, не только діаконы или священники, но и епископы разныхъ епархій, къ разсужденію о дѣлахъ земства не были вовсе приглашаемы.

б) О ПРАВѢ ДУХОВЕНСТВА НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ СЛУЖБУ

(Подъ какиѣмъ условіемъ допускалось пользованіе этимъ правомъ? Отмѣна его указомъ 1665 г. Случаи, въ которыхъ члены блага духовенства дѣйствовали, по Уложенію, «въ качествѣ служилыхъ людей государства»).

Члены блага духовенства не имѣли права, пока оставались въ духовномъ санѣ, поступать на государственную службу, которая считалась несовѣстною съ обязанностями духовнаго званія. Но если священники или діаконъ по собственному ли желанію или по суду теряли свой санъ, то имъ не запрещалось, въ періодъ Уложенія, поступать на гражданскую службу въ качествѣ подъячихъ и служить въ Москвѣ въ приказахъ, а по другимъ городамъ въ приказныхъ избахъ. Однако же это право было отнято у нихъ: указомъ 8 февраля 1665 года повелѣно было разстриженныхъ поповъ и діаконъ отставить въ Москвѣ отъ приказовъ, а по городамъ отъ приказныхъ избъ, и впредь такимъ на Москвѣ и въ городѣхъ въ подъячихъ и ни у какиѣхъ дѣлъ въ приказныхъ людяхъ быть не велѣно (И. С. З. т. I, ук. 8 февраля, 1665 г., № 369, стр. 607 и 608).

Сверхъ того въ самомъ Уложеніи указаны разные случаи, въ которыхъ участіе духовенства, какъ бы въ качествѣ служилыхъ людей государства, давало письменнымъ актамъ твердое официальное значеніе. Такъ напримѣръ поны и церковные дьячки наравнѣ съ земскими дьяками имѣли право подписывать или писать крѣпостные акты въ небольшихъ дѣлахъ, сговорныя свадебныя записи, заемныя и духовныя памяти (гл. X, ст. 243—250), отписи на отдачу въ крѣпость бѣглыхъ крестьянъ и бобылей съ ихъ животами (гл. XI, ст. 4), отпускныя отъ помѣщиковъ и вотчинниковъ вдовамъ и дѣвкамъ для выхода въ замужество за людей и крестьянъ, принадлежащихъ къ другимъ помѣстьямъ и вотчинамъ (гл. XI, ст. 19), челобитныя въ помѣстный приказъ о росписаніи помѣстій (гл. XVI, ст. 54) и сказки о порожнихъ и примѣрныхъ земляхъ, подаваемыя въ тотъ же приказъ отъ дворцовыхъ волостей и селъ. Эти сказки, если не были присланы „за поповыми рука-

ни“, не получали законнаго значенія (П. С. З. т. I, ук. 14 марта 1665 г. № 371, стр. 609).

13.

О ГРАЖДАНСКИХЪ ПРАВАХЪ ДУХОВЕНСТВА

(О правѣ торговли. Ограниченіе его указомъ 1648 г. и Уложеніемъ. Отмѣна этого права для лицъ священническаго чина соборомъ 1667 г. О правѣ духовенства на кабальное холодство по Уложенію и послѣдующимъ указамъ).

Лица мірскаго духовенства, сами и члены ихъ семействъ, жившіе на церковныхъ земляхъ, пользовались до изданія Уложенія правомъ на Москвѣ и въ городахъ заниматься торговлей и промыслами. Причемъ нерѣдко попы, діаконы, дьячки, пономари сами лично или дѣти ихъ сидѣли въ лавкахъ и занимались торговлею. Принадлежа къ классу людей свободныхъ, они податей за право торговли не платили и никакой государевой службы не несли. За годъ до составленія Уложенія, а именно въ мартѣ 1648 года, царь Алексѣй Михайловичъ, по челобитью новгородскихъ посадскихъ людей, между прочимъ постановилъ: „если поповы, діаконны и дьячки торгуютъ *большими* промыслами и въ лавкахъ сидятъ, то ихъ взять въ посады и въ тягло обложить“ (Ист. Соловьева, т. X, стр. 149), т. е. обязать ихъ нести государственныя службы и платить подати. *Большимъ* торгомъ въ то время назывался такой, въ которомъ оборотная сумма была не менѣе 50-ти рублей, торгъ на сумму ниже этой назывался *малымъ*. Такимъ образомъ до Уложенія за духовенствомъ существовало гражданское право заниматься промыслами и торговлею съ личнымъ участіемъ въ производствѣ ихъ; только для большаго торга право это ограничено было обязанностью приписаться къ посаду, нести государственныя службы и платить подати.

Уложеніе отмѣнило для духовныхъ лицъ различіе между малымъ и большимъ торгомъ и постановило слѣдующій категорическій законъ: „которые люди на Москвѣ и въ городѣхъ живутъ на церковныхъ земляхъ поповы дѣти, или церковные дьячки, или пономари, или иные какіе нибудь вольные люди, или чьи нибудь,

а ни въ какомъ тягѣ они не написаны, и государевыхъ пода-тей они не платятъ, и служебъ не служатъ, и издѣлей не дѣлаютъ: и тѣхъ всѣхъ по торговымъ ихъ промысламъ, взяти въ тягло, чтобы такіе люди нигдѣ въ избылцхъ не были“ (гл. XIX, ст. 3). Это правило, исключивъ поповъ и діаконовъ изъ права торговли, оставило однакоже это право за ихъ дѣтьми, также за дьячками и пономарями на общихъ условіяхъ съ другими торгующими людьми. Но, кажется, попы и діаконы все-таки продолжали торговать. Ибо на московскомъ соборѣ 1667 года 9-ю статью постановлений о монашескомъ чинѣ между прочимъ возбранено было лицамъ священническаго чина заниматься какими бы то ни было торговыми промыслами, ниже на торжищахъ въ лавкахъ сидѣти и продавать, по заповѣди святыхъ отецъ (П. С. З. т. I, выписка 17 іюня, № 412, стр. 701, прав. 9). Очевидно соборъ оставилъ въ своей силѣ статью Уложенія о торговлѣ поповыхъ дѣтей, дьячковъ и пономарей, но лицъ священническаго сана, т. е. поповъ и діаконовъ, окончательно лишилъ права заниматься торговлею, хотя бы и на сумму менѣе 50 рублей.

До Уложенія бѣлое духовенство и даже монастырскіе служки пользовались правомъ дѣлать служилыя кабалы на вольныхъ людей, если послѣдніе на то соглашались. Служилая кабала состояла въ томъ, что какой нибудь вольный человекъ, не состоящій въ крѣпостномъ холопствѣ, занималъ деньги у боярина или протопопа и т. п. на годъ и за ростъ обязывался служить у заимодавца этотъ годъ иногда съ женою и дѣтьми, во дворѣ во вся дни. А такъ какъ, сдѣлавши заемъ, должникъ не въ силахъ былъ выплатить его, то служилая кабала продолжала дѣйствовать до смерти заимодавца, но затѣмъ прекращалась и къ наследникамъ не переходила (гл. X, ст. 246; гл. XX, ст. 63). Кабала совершалась законнымъ порядкомъ по акту, который писали площадные подьячіе, у приказныхъ дьяковъ, при послухахъ (свидѣтелях) со взятіемъ въ казну пошлины (см. образцы служилыхъ кабалъ П. С. З. т. I, стр. 116, 118, 120 и 121). Уложеніе право на совершеніе служилой кабалы оставило только за протопопами и протодіаконами, а прочихъ людей духовнаго чина лишило его. „Ко-

торые вольные люди, говорится въ Уложеніи, похотятъ жити у протопоповъ, и у протодіаконовъ, и у поповъ, и у діаконовъ и у иныхъ причетниковъ церковныхъ, или у служекъ монастырскихъ; и на тѣхъ людей протопопомъ и протодіакономъ давати служилыя кабалы; а у поповъ, и у діаконовъ, и у иныхъ причетниковъ церковныхъ, и у служекъ монастырскихъ тѣмъ вольнымъ людямъ жити изъ воли, по записямъ урочные годы, а служилыхъ кабалъ на такихъ вольныхъ людей попомъ, и діакономъ, и инымъ причетникомъ церковнымъ и служкамъ монастырскимъ не давати (гл. XX, ст. 104).

Впослѣдствіи времени право на кабальное холодство, данное только протопопамъ и протодіаконамъ, распространено на верховныхъ уставщиковъ, пѣвчихъ и крестовыхъ дьячковъ (П. С. З. т. II, ук. 8 октября 1685 г. № 1136, стр. 688) и, на основаніи этого примѣра, на поповъ и діаконовъ большаго Успенскаго собора (*ibid.* указъ за № 1325, стр. 972).

#### 14.

##### О привиллегіяхъ духовнаго чина

(Освобожденіе отъ воинской и другихъ обязательныхъ службъ государству, отъ разныхъ денежныхъ сборовъ, отъ осмотра государственныхъ объѣзжихъ, отъ выдачи головокъ, епископскій санъ отъ правска и наконецъ отъ пошлинъ за похвѣнные искы).

Члены духовенства не только сами лично, но и дѣти ихъ пользовались нѣкоторыми преимуществами и привиллегіями.

1) Всѣ лица мужескаго пола духовнаго званія освобождены были отъ воинской повинности, отъ сборовъ на ратныхъ людей, а монахи и на плѣнныхъ, отъ печатныхъ пошлинъ за грамоты о денежной и хлѣбной ругѣ (гл. XVIII, ст. 52) и вообще отъ всякой обязательной службы государству (П. С. З. т. I, ук. 1 февр. 1661 г. № 291, стр. 526).

2) Въ Москвѣ патріархъ имѣлъ для духовенства и монастырей временно свою полицію и государственнымъ объѣзчикамъ было поставлено въ обязанность: „священническаго чину и причетниковъ

церковныхъ всѣхъ въ своемъ объездѣ ничѣмъ не вѣдать, и на дворы къ нимъ не вѣзжать, и избѣ и мыленъ у нихъ не печатать и сторожей со дворовъ на улицы не имать; для того вѣдомы они на патриаршемъ дворѣ, и объѣзжимъ указано у нихъ быть особымъ съ патриарша двора (П. С. З. т. I, ук. 17 апрѣля 1667 г. № 407, стр. 677).

Однакоже государственная власть находила привилегію эту бесполезною для общества, стремилась отмѣнить ее и потому, съ согласія патриарха, постоянно съуживала область этой привилегіи для духовенства, охраняя его отъ обидъ и налоговъ государственныхъ объѣзжихъ, подъ угрозою имъ опалю государя (ibid. ук. 13 апр. 1675 г. № 599, стр. 1000—1001 и 24 мая того же года № 603, стр. 1005—1006).

3) Духовныя лица всѣ вообще, начиная съ архіерея до діакона, не подвергались тогдашнему очень суровому и унижительному наказанію, извѣстному подъ именемъ *выдачи головою*. Епископы освобождены были также отъ другаго ужаснаго наказанія, называемаго *правеземъ*. Но прочіе чины іерархіи, начиная отъ архимандрита до пономарей, на правезѣ становились, какъ это извѣстно намъ изъ предъидущаго.

Наконецъ 4) монастыри и всѣ лица духовнаго чина, даже патриаршіе и монастырскіе крестьяне освобождены были также отъ государственныхъ пошлей за покленныя иски, что было важной привилегіей, такъ какъ эти пошлины взыскивались втрое.

15.

Овъ обязанностяхъ духовенства.

Какъ актъ собственно государственнаго свойства, Уложеніе не входило въ сужденіе о духовныхъ обязанностяхъ церковной іерархіи. Только въ одномъ мѣстѣ, и то мимоходомъ, не въ видѣ обязанности, а скорѣе въ формѣ наставленія, оно словами столпаго собора внушаетъ духовнымъ отцамъ поучати своихъ духовныхъ дѣтей и наказовати страху Божію, и чтобъ промежду себя и въ сосѣдствѣ жили любовно, не крали и не разбивали, и не ябдничали, и на лжи не

послушествовали, и чужаго не восхищали, и сами не обидѣли, и скверными рѣчами не укорялися, и на кривѣ бы креста не цѣловали, и именемъ Божиимъ во лжу не ротилися и не клялися (гл. XIV, ст. 10). Извѣстно, что со времени вступленія Никона на патриаршій престолъ, онъ самъ сказывалъ въ церкви поученія народу и другіе священники также или говорили свои поученія, что было еще большею рѣдкостію, почти исключеніемъ, или же читали отеческія поученія въ славянскомъ переводѣ.

16.

ОБЪ АРХІЕРЕЙСКИХЪ БОЯРСКИХЪ ДѢТЯХЪ ПО УЛОЖЕНІЮ

(Значеніе, содержаніе и обязанности архіерейскихъ дѣтей боярскихъ. Раздѣленіе ихъ по Уложенію на два класса. Опредѣленіе и ограниченіе ихъ вочинныхъ и помѣстныхъ правъ).

Въ періодъ Уложенія существовалъ при патриархѣ и архіереяхъ значительный классъ свѣтскихъ чиновниковъ, какъ то: бояре, приказные люди, дьяки, подьяки, боярскія дѣти, десятильники и прочіе. Изъ всѣхъ этихъ чиновъ Уложеніе обратило исключительно вниманіе свое только на дѣтей боярскихъ и занялось опредѣленіемъ ихъ правъ.

Архіерейскія дѣти боярскія принадлежали въ классу людей свободныхъ, избылыхъ отъ тягла (Улож. XIX, 1 и 2). Въ служебной—гражданской и церковной—сферѣ званіе архіерейскихъ боярскихъ дѣтей почиталось въ числѣ „худыхъ чиновъ“ (П. С. З. т. I, указъ 9 февраля 1659 г. № 74, стр. 263) т. е. не важныхъ, не высокихъ. Наравнѣ съ пѣвчими, истопниками и другими дворовыми людьми, они получали отъ архіереевъ годовое жалованье и хлѣбъ (Улож. XIX, 1). Они исполняли разныя порученія архіереевъ. У Корнилія, митрополита тобольскаго и сибирскаго, боярскій сынъ Димитрій Протопоповъ возилъ грамоты для объявленія воеводамъ и понамъ (П. С. З. т. I, ук. мѣсяца марта 1671 г. № 495, стр. 859—860), у ростовскаго митрополита они собирали казенныя и другія пошлины (ibid. т. II, ук. 25 іюля 1677 г. № 698, стр. 108—109) и т. п.

Архіерейскія дѣти боярскія до Уложенія пользовались правомъ покупать и владѣть вотчинными землями. Уложеніе первое изъ памятниковъ русскаго законодательства, раздѣляло ихъ на двѣ категоріи: на изстаринныхъ, природныхъ дѣтей боярскихъ, получившихъ это званіе по наслѣдству отъ древнихъ извѣстныхъ фамилій, и на вновь принятыхъ архіереями, потомковъ неслужилыхъ отцовъ. За первыми, по Уложенію, оставлено право покупать себѣ земли и вотчины и владѣть ими, совмѣстно съ пребываніемъ ихъ въ званіи архіерейскихъ боярскихъ дѣтей и на службѣ у архіереевъ. А вновь принятыя боярскія дѣти неслужилыхъ отцевъ поставлены были Уложеніемъ въ неловкую для нихъ и неблагопріятную дилемму. Если они желали владѣть купленными своими вотчинами, то обязаны были оставить службу у архіереевъ, которая давала имъ многія выгоды, и росписаться въ государеву службу по городамъ. Если же они хотѣли остаться на службѣ у архіереевъ и, разумѣется, отказаться отъ государственной службы, то купленные вотчины у нихъ отбирались „въ раздачу, кому государь укажетъ“ (гл. XVII, ст. 37).

Относительно боярскихъ дѣтей патріарха Уложеніемъ установленъ слѣдующій частный законъ. „Которые дѣти боярскіе служатъ во дворѣ у патріарха: и за тѣми патріарши дѣтьми боярскими государевымъ помѣстнымъ землямъ не быти, а помѣстити ихъ патріарху домовыми землями. А кто патріарши дѣти боярскіе, какими мѣрами или утаяся, возьметъ помѣстье изъ государевыхъ земель: и у тѣхъ тѣ помѣстья отнати и отдати челобитчиковъ, а за утайку учинити наказаніе, что государь укажетъ“ (гл. XVI, ст. 66).

Такимъ образомъ, боярскимъ дѣтямъ патріарха обоихъ классовъ запрещено было, подъ страхомъ наказанія, владѣть помѣстьями изъ государственныхъ земель, такъ какъ служба ихъ не считалась государственною службою. Запрещеніе это конечно распространялось и на боярскихъ дѣтей, принадлежащихъ низшимъ степенямъ епископскаго сана, хотя въ законѣ о нихъ и не упомянуто. Взамѣнъ этого лишенія патріарху предоставлена свобода давать боярскимъ дѣтямъ за службу на его дворѣ помѣстья изъ домовыхъ



его земель. Помѣстья эти давались боярскимъ дѣтямъ только въ пожизненное владѣніе, и по распоряженію владыки могли быть отобраны и ранѣе смерти помѣщика, въ случаѣ напримѣръ какихъ либо злоупотребленій съ его стороны. Очевидно Уложеніе не желало дать право боярскимъ дѣтямъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ на получеіе помѣстій изъ доловыхъ земель ихъ владыкъ, а потому и умолчало о нихъ. Боярскія дѣти сихъ владыкъ, по Уложенію, стояли ниже боярскихъ дѣтей патріарха (гл. X, ст. 93 и 95).

17.

О нравственно-христіанской жизни и дѣйствіяхъ.

Уложеніе царя Алексѣя Михайловича конечно не принимало на себя обязанности учить членовъ русскаго государства нравственно-христіанской жизни и дѣйствіямъ. Это есть дѣло церкви и ея органовъ. Однакоже, какъ законодательство христіанскаго государства, Уложеніе брало въ основу своихъ законовъ евангельскіе и церковные принципы и въ силу этого въ составѣ его находятся такія статьи, которыми или охраняются христіанскія обязанности отъ нарушенія, напримѣръ обязанность почитанія воскресныхъ дней, или даже предписывается прямое исполненіе религіозныхъ правилъ, напримѣръ, чтобы не брать росту или процентовъ за долги. Самыя обстоятельства государственной жизни иногда давали законодателю сильный поводъ прибѣгать къ религіознымъ правиламъ и требовать ихъ исполненія обязательнымъ образомъ, какъ напримѣръ въ дѣлѣ искупленія плѣнныхъ. Посему мы и рассмотримъ здѣсь законы Уложенія относительно христіанской жизни и дѣйствій.

1) О почитаніи воскресныхъ, праздничныхъ и царскихъ дней

(Исходная точка Уложенія по сему предмету. Текстъ уложенной статьи о немъ. Постановленіе собора 1667 года о томъ же предметѣ. Подтвержденіе статьи новонаказанными распоряженіями. Сужденіе о характерѣ этихъ статей и вліаніе ихъ на нынѣшніе порядки. Примѣръ наказанія за несоблюденіе святости воскреснаго дня. Исключеніе для татей и разбойниковъ. Запрещеніе вершить ихъ въ воскресные дни).

Уложеніе требовало, чтобы всѣ члены православной русской церкви какъ имѣющіе служебныя обязанности, такъ и прочіе,

напримѣръ торговые и рабочіе люди, въ воскресные, праздничные и царскіе дни не занимались житейскими дѣлами. Исходною точкою ему въ данномъ случаѣ послужили, безъ сомнѣнія, 94 глава столпаго собора о томъ же предметѣ (стр. 268—269, по изд. Кожанчикова) и обычаи, существовавшіе въ періодъ Судебниковъ. Но Уложеніе разработало эту статью съ большею подробностію и опредѣленностію противъ предъидущаго времени.

Въ воскресный день, говоритъ Уложеніе, никого не судити и въ приказѣхъ не сидѣть, и никакихъ дѣлъ не дѣлати, опричь самыхъ нужныхъ государственныхъ дѣлъ. Да суда же не судити и никакихъ дѣлъ въ приказѣхъ не дѣлати, опричь великихъ царственныхъ дѣлъ: въ день Рождества Христова, въ день святаго Богоявленія, и въ иные господскіе праздники, сырная недѣля, первая недѣля великаго поста, страстная недѣля, семь дней по пасхѣ. Да въ который день присиѣветъ праздникъ день рожденія государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Русіи, и его благовѣрныя царицы и великія княгини Маріи Ильичны и ихъ благородныхъ чадъ (гл. X, ст. 25). Относительно приказовъ въ годъ изданія Уложенія, а именно 23 декабря 1649 года, обнаружено было отъ государя слѣдующее разъясненіе: „въ приказѣхъ, кромѣ разряда посольскаго и большаго дворца, по субботамъ послѣ обѣда, а въ воскресенье до обѣда не сидѣть и дѣлъ никакихъ не дѣлатъ“ (П. С. З. т. I, ук. № 21, стр. 222).

Указавъ вакантные дни и недѣли для приказныхъ людей, Уложеніе запрещало и всѣмъ торговымъ и рабочимъ людямъ въ воскресные и праздничные дни вѣдать и исправлять свои дѣла, опредѣляя, по церковному уставу, съ какого именно часа слѣдуетъ начинать празднованіе, сдѣлавъ однакоже исключеніе для торговцевъ предметами первой необходимости, куда отнесены съѣстные припасы и кормъ для домашнихъ животныхъ. „А противъ воскресныхъ дней по вся субботы православнымъ христіанамъ отъ всякія работы и отъ торговли престати и ряды затворити за три часа до вечера. А въ воскресной день рядовъ не отпирать и ничѣмъ не торговать, опричь съѣстныхъ товаровъ и конскаго корму. А съѣстные товары и конской кормъ овесъ и сѣно продавати по вся

дни и часы невозбранно. А работы никакія въ воскресной день никому не работать, да и въ господскіе праздники быти по тому же, какъ и въ воскресные дни“ (ibidem).

Статья Уложения о воскресныхъ и праздничныхъ дняхъ была предметомъ разсужденій на московскомъ соборѣ 1667 года, и соборъ съ своей стороны постановилъ слѣдующее: „чтобы вси архіереи приказали кійждо во своей епархіи всему народу, яко да въ воскресные дни и въ Господскіе праздники и Богородицы никто бы не работалъ никакія работы, по Божіей заповѣди и по правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, и не торговали, кромѣ пищи, сирѣчь, всякаго брашна и питія. Подобнѣ и въ приказѣхъ судовъ не творили и иныхъ дѣлъ, кромѣ царскихъ нужныхъ дѣлъ“ (П. С. З. т. I, выписка 17 іюня, № 412, стр. 698—699). Противъ Уложения, соборъ прибавилъ къ числу неработныхъ дней праздники пресвятыя Богородицы.

Статьи Уложения о воскресныхъ и праздничныхъ дняхъ не соблюдались съ надлежащею строгостью и точностью, особенно торговыми и рабочими людьми между прочимъ и потому, что самое Уложение съ его законами не было же извѣстно всѣмъ въ какихъ нибудь отдаленныхъ посадахъ, слободахъ и сотняхъ. Поэтому новоуказными законами послѣдующаго времени они были неоднократно подтверждаемы, особенно въ отношеніи къ торговымъ людямъ, съ принятіемъ даже государственныхъ мѣръ къ осуществленію ихъ въ общественной жизни.

20 августа 1667 года государь царь Алексѣй Михайловичъ въ имянномъ указѣ, выписавъ приведенныя 25—26 статьи Уложения о воскресныхъ и праздничныхъ дняхъ, присоветовалъ въ нимъ слѣдующее: „А нынѣ указалъ великій государь, царь, учинить о томъ по прежнему своему великаго государя указу, и для подкрѣпленія послать изъ разряду памяти въ земской и въ иные приказы, и въ сотняхъ и въ слободахъ учинить заказъ крѣпкой противъ прежняго своего великаго государя, указу, какъ напечатано въ Соборномъ Уложеньѣ“ (П. С. З. т. I, ук. № 414, стр. 718—719).

Въ царствованіе государей царей и великихъ князей Іоанна и

Петра Алексѣевичей изданъ былъ относительно отнѣны торговъ въ воскресные дни имявной отъ 18 декабря 1682 года указъ, которымъ повелѣвалось всё торги и ярмарки, производившіеся по воскреснымъ днямъ, перенести на другіе дни и о назначеніи новыхъ дней отписать къ великимъ государямъ (П. С. З. т. II, ук. № 976, стр. 485).

Нельзя не замѣтить, что законодатель Уложенія смотрѣлъ на воскресные и праздничные дни чисто съ государственной точки зрѣнія и отнюдь—не церковной. Предоставляя церкви учить, какъ должны православные христіане проводить праздники по заповѣдямъ Божиимъ, онъ съ своей стороны даетъ только свободу служилымъ людямъ отъ приказныхъ дѣлъ, а прочимъ запрещаетъ торги и работы, чтобы всё могли безпрепятственно посвятить время праздника на служеніе Богу. Вліяніе уложенныхъ статей относительно праздничныхъ дней отразилось частію и на современномъ законодательствѣ. Первая напрямѣръ и послѣдняя недѣля великаго поста и нынѣ остаются вакантными для церковныхъ присутственныхъ мѣстъ (Уст. дух. консистор. ст. 294).

Постановивъ законъ о незанятіи житейскими дѣлами въ праздничные дни, ни Уложеніе, ни новоуказные законы не положили однакоже никакого наказанія за нарушеніе его. По системѣ юридическихъ понятій того времени, это не должно казаться страннымъ или недостаткомъ. Ибо законодательная власть, и безъ установленія наказаній, считала себя въ правѣ наказывать и наказывала проступки, какъ скоро они дѣлались ей извѣстными, по своему усмотрѣнію.

Въ 1669 году стольникъ князь Григорій Венедиктовичъ Оболенскій, по имявному указу отъ 7-го іюня, посаженъ былъ въ тюрьму за то, что у него 6-го іюня, въ недѣлю (воскресенье) всѣхъ святыхъ, на дворѣ его люди и крестьяне производили черныя работы и притомъ онъ, князь Григорій, произносилъ еще непристойныя слова (П. С. З. т. I, ук. № 453, стр. 82).

Изъятіе изъ правилъ относительно свободы отъ житейскихъ занятій въ воскресенье, праздничные и царскіе дни сдѣлано было только для татей и разбойниковъ. Уложеніемъ повелѣно было ни-

тать ихъ и въ такіе дни, въ которые по государѣхъ память бываетъ и даже въ праздники, потому, какъ говоритъ статья, что разбойники и тати и въ праздники православныхъ христіанъ бьютъ, и мучать, и огнемъ жгутъ, и до смерти побиваютъ (гл. XXI, ст. 32). Изъ послѣднихъ словъ видно, что сдѣланное для разбойниковъ и татей исключеніе объясняется такъ называемымъ въ законодательствѣ *тальяномъ*, который и въ другихъ случаяхъ, какъ законодательный принципъ своего времени, нерѣдко приводится Уложеніемъ въ разныхъ статьяхъ его. Новоуказными статьями этотъ законъ о пыткѣ татей, разбойниковъ и убійцъ изложенъ и подтвержденъ въ той же редакціи, съ опущеніемъ только словъ: „въ которые (т. е. дни) по государѣхъ память бываетъ“, и съ прибавленіемъ, которое указываетъ на источникъ *тальяна*: „а въ градскихъ законѣхъ написано о тѣхъ людяхъ тожъ“. (П. С. З. т. I, статьи 22 генваря 1669 г. № 441, ст. 67, стр. 790—791).

Во всякомъ случаѣ *тальянъ* ограничивался только пыткой, смертную же казнь воспрещено было совершать въ воскресные дни: „а татей и разбойниковъ вершить въ недѣлѣ во всѣ дни, говорится въ имянномъ указѣ 1653 года, написанномъ подъ вліяніемъ патріарха Никона, опричь воскресенія Христова (П. С. З. т. I, ук. 20 окт. 1653 г. № 105, стр. 301—302).

## 2) О крестныхъ ходахъ

(Законъ Уложенія о нихъ. О поведеніи во время крестныхъ ходовъ по указу 29 іюня 1668 году).

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича въ Москвѣ, по городамъ и даже по селамъ совершались въ непраздничные дни крестные ходы въ благодарное воспоминаніе церковныхъ и отечественныхъ благотворныхъ событій, также—для испрошенія у Господа Бога милосердія по случаю какихъ-либо временныхъ посѣщеній, въ родѣ засухи, голода, мора и т. п.. Уложеніе, узаконяя статьи о праздникахъ, не забыло сказать своего слова и о крестныхъ ходахъ.

„А въ которые дни бываетъ со кресты ходъ: и въ тѣ дни

въ рядѣхъ ничѣмъ не торговать и рядовъ не отпирать до тѣхъ мѣстъ, какъ изъ ходу со кресты придуть въ соборную церковь, а потомъ торговать“ (гл. X, ст. 25). 29 іюня 1668 года имяннымъ указомъ царя Алексѣя Михайловича объявлено въ дополнение къ уложенной статьѣ и о томъ, какъ должны вести себя на улицѣ люди всякихъ чиновъ во время крестныхъ ходовъ и царскихъ выходовъ. Указъ требовалъ, „чтобы, когда будутъ изъ соборныя апостольскія церкви съ иконы ходы (крестные ходы), также и ему, великому государю, выходы въ соборную церковь и въ иные церкви и мѣста, и въ то бѣ время всякихъ чиновъ люди и люди (слуги) ихъ близко соборныя церкви и по дорогѣ на лошадяхъ не сидѣли, и стояли бѣ безъ шапокъ, а съ лошадьми стояли на площади отъ соборныя церкви и отъ иныхъ церквей поодаль, и стояли смирно и немятежно, и межъ себя у нихъ никакихъ игръ не было, да и пѣшіе бѣ никакіе люди въ то время не сидѣли, а стояли бѣ безъ шапокъ; а буде тѣхъ чиновъ люди учинять мимо сего государева указа и впредь кто изъ нихъ пойманъ будетъ, и тѣхъ чиновъ людей быть отъ велика государя въ опалѣ, а людямъ ихъ, кто такъ учинить, въ жестокомъ наказаньѣ безъ всякія пощады“ (П. С. З. т. I, ук. № 430, стр. 747). Исполненіе сего указа было такимъ образомъ гарантировано надлежащимъ порядкомъ. Ослушниковъ его имѣли право ловить и подвергать отвѣтственности. Указаны даже наказанія: для высшихъ классовъ опала, для низшихъ тѣлесныя казни безъ всякія пощады.

### 3) Объ исполненіи разныхъ постановленій православной церкви—по требованію распоряженій уложеннаго періода

(Указаніе на главнѣйшія изъ сихъ постановленій. Содержаніе Наказа 1649 г. Указы 25 октября 1650 г. и 1 марта 1674 г. Въ частности — постановленія относительно первой и послѣдней недѣли великаго поста. Уваженіе къ памяти умершихъ и о поминовеніи ихъ. Примѣръ покровительства частнымъ людямъ въ исполненіи религиозныхъ желаній).

Послѣ изданія Уложенія законодатель его, по духу своего времени, нерѣдко требовалъ отъ всѣхъ православныхъ христіанъ, чтобы они кромѣ праздничныхъ дней исполняли и нѣкоторые другія по-

становленія святой церкви, напримѣръ относительно постовъ, хожденія въ церковь, поведенія въ ней, причащенія святыхъ таинъ и тому подобное.

Таковъ напримѣръ довольно извѣстный въ юридической литературѣ Наказъ 1649 года, данный верхотурскому воеводѣ Рафу Всеволодовичу, чтобы мірскіе люди по праздникамъ ходили въ церковь, при богослуженіи молились благоговѣнно, слушали поученія своихъ пастырей, на бракахъ не пѣли бѣсовскихъ пѣсней, не пьянствовали и т. п. (*Суворова* О церкви. наказаніяхъ, стр. 119—120).

Въ 1650 году указомъ царя Алексѣя Михайловича отъ 25 октября, по случаю бѣдствій отъ саранчи, наводненій, пожаровъ и скотскихъ падежей, предписано было сынамъ православной церкви по всей Россіи въ Филипповъ постъ поститься по уставу и по правиламъ святыхъ отецъ, ходить въ церковь къ вечерни, утрени и литургіи по вся дни, въ церкви стоять со страхомъ и молиться объ избавленіи отъ разныхъ бѣдъ и умноженіи плодовъ земныхъ (П. С. З. т. I, ук. № 47, стр. 245—246).

1 марта 1674 года на постельномъ крыльцѣ въ Москвѣ объявленъ былъ именной указъ Алексѣя Михайловича—по случаю наступленія великаго поста—людямъ всякихъ чиновъ, въ которомъ заключалось слѣдующее: „Вы бѣ приходили къ церкви Божіей по вся дни, и молились Господу Богу и у отцевъ своихъ духовныхъ исповѣдывались, а которые сподобятся святыхъ Божіихъ таинъ и тѣ причащались, также и домочадцамъ своимъ велѣли къ церквамъ Божіимъ приходять и исповѣдываться жѣ, а въ соборѣ и по приходскимъ церквамъ указалъ великій государь досматривать, кто учнетъ приходять, а которые къ церквамъ Божіимъ для моленія приходять и поститься не стануть, и тѣмъ отъ великаго государя быть въ наказанъ“ (П. С. З. т. I, ук. № 570, стр. 966—967).

Приведенные указы также гарантированы были угрозою наказанія, которая вѣроятно и приводилась въ исполненіе, если возникали дѣла о нарушеніяхъ и ослушаніи царской воли. Какимъ наказаніямъ подвергались ослушники—неизвѣстно.

Но въ этихъ распоряженіяхъ законодатель Уложенія очевидно выступаетъ уже изъ границъ государственной власти и является пособникомъ церковной іерархіи по ея совѣту и съ ея согласіемъ. Первая и страстная недѣля великаго поста, также — пасхальная пользовались въ глазахъ законодателя особеннымъ, какое подобаетъ имъ, уваженіемъ. Лица, провинившіяся въ какихъ-либо полицейскихъ проступкахъ на первой и послѣдней недѣлѣ великаго поста, подвергались тѣлеснымъ наказаніямъ, которыя для нихъ были замѣняемы приводными деньгами или, выражаясь нынѣшнимъ словомъ, денежными штрафами (Юридич. словарь *Чулкова* часть 2-я, стр. 32).

Уложенное законодательство давало собою православнымъ синамъ Россіи трогательный примѣръ уваженія къ памяти умершихъ и церковнаго поминовенія ихъ въ молитвахъ. Если умеръ вотчинникъ, а наслѣдниковъ у него не было, то вотчины его, по Уложенію, брались на государя въ помѣстныя земли, а деньги за нихъ давались изъ государевой казны по душѣ вотчинника въ монастыри, хотя бы умершій и не оставилъ по себѣ духовной въ этомъ смыслѣ (гл. XVII, ст. 45). Въ 1663 году законодателемъ Уложенія былъ устроенъ особый панихидный приказъ или палата, изъ котораго посылались въ города указы о поминовеніи усопшихъ царей и членовъ царскаго дома (*О. Дмитріева*, Ист. судебн. инстанцій, Москва, 1859 г. стр. 309). Когда на 30-е число января 1676 года умеръ царь Алексѣй Михайловичъ, то было объявлено распоряженіе, чтобы въ теченіе сорокадневнаго его поминовенія никого за пьянство и драки не наказывали, а только брать вдвое приводныя деньги (П. С. З. т. II, ук. 5 февр. 1676 г. № 623, стр. 6). Жена по смерти своего мужа въ теченіи года не должна была вступать въ бракъ съ другимъ лицомъ. Если же она ранѣе года вновь выходила замужъ, то уложенное законодательство, слѣдуя градскимъ законамъ Кормчей книги, отказывало ей въ части наслѣдства, по Уложенію, слѣдовавшей изъ имущества покойнаго (П. С. З. т. II, ук. 22 января 1686 г. № 1157, стр. 728).

Частнымъ людямъ правительство уложеннаго періода давало



большія льготы для исполненія ими религіозныхъ обѣтовъ и вообще для совершенія добрыхъ дѣлъ. Такъ 1-го мая 1649 года Алексѣемъ Михайловичемъ данъ былъ отпускъ боярину Ивану Васильевичу Морозову съ сыномъ его Михаиломъ въ Соловецкій монастырь для мольбы, съ отсрочкой въ судебныхъ и во всякихъ дѣлахъ, покажѣтъ они изъ монастыря не возвратятся къ Москвѣ (Юридич. слов. Чулкова, часть 2-я, стр. 2). Такия льготы въ то время получали лишь ратные люди въ случаѣ отъѣзда ихъ на войну за вѣру и отечество.

#### 4) Относительно уничтоженія мести

(Общее замѣчаніе по сему предмету. Статья Уложенія относительно воспрещенія мести холопамъ со стороны вотчанниковъ).

Съ отрицною Судебниковъ принципъ мести, противоположный духу и буквѣ православной церкви, но дѣйствовавшій въ русскомъ законодательствѣ какъ законное право; утратилъ свою силу. Уложеніе 1649 года уничтожило его, замѣнивъ другими юридическими нормами и запретивъ прибѣгать къ мести даже въ частныхъ домашнихъ отношеніяхъ людей между собою. Сюда относится слѣдующая холопья статья: „кому бѣглою человѣкъ изъ (холопьяго) приказу отданъ будетъ въ холопство по прежнему, и тому, кому тотъ бѣглою человѣкъ будетъ отданъ, приказати накрѣпко, чтобъ онъ того своего бѣглаго человѣка до смерти не убилъ, и не изувѣчилъ, и голодомъ не уморилъ“ (гл. XX, ст. 92), т. е. другими словами: за побѣгъ не мстилъ бы. Приказъ этотъ объявлялся вотчиннику въ холопей сказкѣ при возвратѣ бѣглеца, который отъ мести былъ защищенъ законами, опредѣлявшими наказаніе за увѣче и убійство.

#### 5) Объ отрицаніи росту за долги

(Существованіе права роста до Уложенія. Отрицаніе его Уложеніемъ. Основаніе, по которому сдѣлана эта отрицаніе. Сужденіе о достоинствѣ этой мѣры, не вполнѣ чуждой христіанскаго безкорыстія).

Въ первой половинѣ XVI вѣка при заключеніи долговъ брались въ Россіи большіе проценты, а именно 10% на 100 рублей (Сокращенный памятникъ російскаго законодательства, Спб., 1820 г.,

стр. 44). Уложение допускало долги, но совершенно воспрещало брать по нимъ какой бы то ни было денежный ростъ (гл. X, ст. 203). Оно руководилось въ данномъ случаѣ Коричною книгою, какъ видно изъ слѣдующаго мѣста: „А правити заемныя деньги по кабаламъ и по духовнымъ на заемщикахъ истцомъ истину, а росту на тѣ заемныя деньги не править, потому что по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ росту на заемныя деньги имати не велѣно“ (гл. X, ст. 255). Такимъ образомъ Уложение съсуду въ займы денегъ нуждающемуся человѣку считало дѣломъ христіански-добрымъ, относя его къ разряду благотворительности.

Свѣтскіе законовѣды, вообще преувеличивающіе вліяніе церковнаго элемента на уложенное законодательство, въ статьяхъ о ростѣ по преимуществу указываютъ это вліяніе. Однакоже взгляды ихъ не совершенно справедливы. Не допуская роста въ формѣ денегъ, Уложение узаконяло его въ формѣ, какъ видно изъ 203 и 255 статей, кабальнаго холопства, и слѣдовательно у него не было того безкорыстнаго евангельскаго взгляда на долги, какой выраженъ въ словахъ Спасителя: *въ займы давите, ничесоже чающе.*

6) О благотворительности по Уложению и въ періодъ его

(О выкупѣ плѣнныхъ. Происхождение сбора на сей предметъ. Правила Уложения о немъ. О богадѣльняхъ. Передача ихъ изъ государственнаго вѣдомства въ церковное. Сборъ съ церквей на нихъ).

1) Принципъ о государственной благотворительности, по Уложению, извѣстенъ только въ одномъ видѣ выкупа плѣнныхъ. Принципъ этотъ заимствованъ изъ правилъ стоглаваго собора (гл. 72, стр. 224—225, по изд. Кожанчикова) и текстъ статьи Уложения о плѣнныхъ выраженъ и мотивированъ почти буквально словами соборнаго правила (гл. VIII, ст. 1). Уложениемъ постановлено деньги сего рода собирать ежегодно, по новымъ переписнымъ книгамъ, со всѣхъ тяглыхъ людей, горожанъ, посадскихъ людей, крестьянъ, стрѣльцовъ и т. п., собирать подворно въ количествѣ отъ двухъ до восьми денегъ (ibid. ст. 1), смотря по сословію. Духовенство,

за исключеніемъ архіереевъ и монастыря, привлечено было къ обязательному участию въ этомъ благотворительномъ сборѣ и послѣ собора и послѣ Уложенія. По инструкціи патріарха Адріана, поповскіе и причетническіе дворы обязаны были платить по 8 денегъ съ двора (*Знаменскаго, Приход. духовенство, Казань, 1873 г. стр. 560*).

Деньги поступали въ посольскій приказъ и оттуда расходовались на выкупъ плѣнныхъ по таксѣ, установленной въ Уложенія, наприимѣръ за московскихъ стрѣльцовъ давалось по 40 рублей, за пашенныхъ крестьянъ по 15 рублей за человѣка (гл. VIII, ст. 2—7). О цѣнѣ за окупъ полоняниковъ духовнаго чина особой статьи нѣтъ. Сборъ сей существовалъ въ теченіи всей первой половины XVIII вѣка и при Екатеринѣ II былъ отмѣненъ.

2) По 73-й главѣ Стоглава, предположено было устроить отъ государства во всѣхъ городахъ мужскія и женскія богадѣльни съ тѣмъ, чтобы духовенство принимало участіе въ бѣдныхъ, живущихъ въ богадѣльняхъ, поучая ихъ страху Божию и совершая для нихъ христіанскія требы (*Стоглавъ, по изд. Кожанчикова, стр. 226—227*). Въ Москвѣ существовали богадѣльни для старицъ и нищихъ, мужскаго и женскаго пола, которымъ давался „кормъ, деньги и хлѣбъ и соль и прочая потребная на пищу и одежду изъ приказа большого дворца“ (*П. С. З. т. II, ук. 7 окт. 1682 г. № 956, стр. 468*). 1-го мая 1678 года по изволенію царя Θεодора Алексѣевича московскія богадѣльни съ населеніемъ въ 412 душъ переданы были изъ государственнаго вѣденія въ домъ святѣйшаго патріарха, на его попеченіе, съ обязательствомъ кормить этихъ нищихъ и все потребное доставлять имъ изъ доходовъ патріаршаго дома. 4 сентября 1679 года патріархъ, по совѣту царя Θεодора Алексѣевича, разослалъ по всѣмъ архіереямъ грамоты, чтобы они на прокормленіе нищихъ присылали ежегодно въ Москву съ каждой существующей и вновь устроаемой церкви малое число по 3 алтыва и 2 деньги или по гривнѣ. Деньги эти, извѣстныя подъ именемъ богадѣленныхъ, поступали съ отпискою о сборѣ ихъ въ патріаршій казенный приказъ, который управлялъ и богадѣльнями (*ibidem*). Сборъ на нищихъ существовалъ еще въ

началѣ XVIII вѣка и съ точностію неизвѣстно, когда отмѣненъ (Знаменскаго, Приход. духовенство, стр. 559). Такъ въ періодъ Уложенія получило свое начало и вѣкоторую организацію дѣло церковной благотворительности.

### 7) О ПРЕДУПРЕЖДЕНІИ И ПРЕСВѢЩЕНІИ РАЗВРАТНОЙ ЖИЗНИ

(Три формы развратной жизни. Насиліе и казни за учиненіе его. Сводничество. Заковъ Уложенія о немъ. Беззаконное сожителство по согласію. Заковъ Уложенія о немъ. Примѣры навлеченій за это сожителство. Заковъ о незаконныхъ дѣлахъ. Наказаніе матерей за убійство ихъ и за свою беззаконную жизнь.)

Уложеніе строго преслѣдовало развратную жизнь, подвергая наказаніямъ какъ развратныхъ людей, такъ ихъ сообщниковъ и пособниковъ. Въ немъ предусматриваются три способа, въ которыхъ прибѣгали порочные люди для достиженія своихъ цѣлей: во 1-хъ насилство и умычка, во 2-хъ сводничество и въ 3-хъ добровольное соглашеніе.

1) Въ тѣ времена часто дѣлались насилія женскому полу со стороны людей разныхъ мірскихъ чиновъ. Такъ псковичи въ 1650 году жаловались царю Алексѣю Михайловичу, что сыновья воеводы ихъ Собакина многихъ вдовъ, замужнихъ женщинъ и дѣвицъ, перенимая по улицамъ и на рѣкахъ по портомошнямъ со своими дворовыми людьми, насилствомъ позорили ихъ (Ист. Соловьева, т. X, стр. 193—194). Дѣла сего рода подлежали не церковному, а гражданскому суду и нерѣдко восходили на судъ боярской думы и самаго государя. Тѣ, которые дѣлали въ домѣ насилство или умычки въ отношеніи къ госпожѣ дома, а равно и пособники ихъ, по Уложнію, подвергались смертной казни (гл. XXII, ст. 16). Такая же казнь положена ратнымъ людямъ, вѣхавшимъ на государеву службу, или домой со службы, которые по суду и по сыску были бы уличены въ насилствѣ женскому полу (гл. XII, ст. 30).

Впрочемъ угроза смертною казнію едва ли приводилась въ исполненіе: ибо послѣ изданія Уложенія русское законодательство

усердно стремилось къ ограниченію смертной казни и къ замѣнѣ ея другими наказаніями, какъ-то: ссылкой, членовредительствомъ и т. п. По крайней мѣрѣ намъ извѣстны лишь такіе прихѣры, что лица, виновныя въ насиліи, вмѣсто смертной казни подвергались только гражданскому и церковному наказанію, причемъ церковное наказаніе, бывъ назначено, иногда отмѣнялось вовсе. Въ 1687 году Степанъ Коробинъ за насильство дѣвкѣ Маврушкѣ по имянному указу съ боярскимъ приговоромъ былъ наказанъ кнутомъ и уплатилъ потерѣвшей за безчестье и на приданое 500 рублей, а отъ назначенной ему ссылки въ Соловецкій монастырь подъ началъ былъ освобожденъ. Пособникъ Коробина, Сережка Моревъ, также не былъ приговоренъ къ смертной казни, но по 25 ст. XXII главы битъ кнутомъ и сосланъ съ женою и дѣтьми въ сибирскіе города на вѣчное житье (И. С. З. т. II, указъ 4 ноября 1687 г., № 1266 и 6 ноября того же года № 1267, стр. 901—903). Въ замѣнѣ смертной казни, наказанія, смотря по степени и мѣрѣ вины, употреблялись неодинаковыя, а церковное иногда вовсе не назначалось въ приговорахъ гражданского суда. Патріаршій боярскій сынъ Димитрій Рахманиновъ судился въ 1685 году за растлѣніе Устюшки, дворовой дѣвки думнаго дворянина Ивана Телепнева. Его положено было сослать въ ссылку, но великіе государи Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи, отмѣнивъ это наказаніе, послали его на службу въ полкъ стольника князя Михаила Шейдякова. Церковнаго наказанія ни Рахманинову, ни Устюшкѣ не назначено (*ibid.* ук. 29 мая 1685 г., № 1124, стр. 672).

Изъ соображенія всего обзора о насиліи слѣдуетъ, что въ періодъ Уложенія не было точнаго понятія объ этомъ преступленіи и что виновные въ немъ подвергались не одному опредѣленному наказанію, а разныя лица несли различныя наказанія, по усмотрѣнію гражданского суда.

2) Въ періодъ Уложеній, при замкнутой жизни женскаго пола, было развито сводничество. Такъ къ челобитной псковскихъ дворянъ на князя Ивана Андреевича Хованскаго, поданной царю въ 1666 году, приложена была роспись сводницамъ, которыя приво-

дали къ князю и сыну его Андрею женовъ и дѣвокъ на блудъ. Въ росписи написано было четыре сводницы, и они приводили къ нимъ болѣе 20 женщинъ (Ист. *Соловьева*, т. XII, стр. 358). Сводничествомъ занимались не одни женщины, но и мужчины.

Уложеніемъ постановлено сводней бити вкнотомъ. „А будетъ кто, говорится въ Уложеніи, мужескаго полу, или женскаго, забывъ страхъ Божій и христіанскій законъ, учнутъ дѣлати свады женками и дѣвками на блудное дѣло, а смыцется про то допрама: и имъ за такое беззаконное и свверное дѣло учинити жестокое наказаніе бити вкнотомъ“ (гл. XXII, ст. 25). По этой статьѣ, какъ мы видѣли выше, наказанъ за сводничество Сержка Моревъ, пособникъ Коробьина.

3) Уложеніемъ запрещалось беззаконное сожительство двухъ половъ и по взаимному ихъ соглашенію. Но смыслъ о дѣлахъ сего рода и рѣшеніе предоставлены были епархіальному церковному суду, по мѣсту преступленія, такъ что гражданскія власти были совершенно отстранены отъ этихъ дѣлъ. „А кто, говоритъ Уложеніе, учнетъ у себя въ дому дѣлати беззаконіе съ рабою, съ женою, или съ дѣвкою, и приживетъ съ нею дѣтей, и въ томъ на него та раба учнетъ государю бити челомя: и такихъ женокъ и дѣвокъ, и на кого учнутъ государю бити челомя, отсылати на Москвѣ на патріаршъ дворъ къ патріаршимъ приказнымъ людемъ, а въ городѣхъ къ митрополичнымъ и къ архіепископимъ приказнымъ же людемъ, и велѣти про нихъ смыскавати святительскимъ судомъ, и указъ имъ чинити по правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, и по допросу обоихъ ихъ отцовъ духовныхъ“ (гл. XX, ст. 80).

Святительскій же или церковный судъ въ приговорахъ по таимъ дѣламъ руководствовался Коричею книгою, также уставами и обычаями русской церкви. Въ процессуальномъ отношеніи дѣло производилось слѣдственнымъ порядкомъ. При слѣдствіяхъ же допускалась странная нелѣпость: въ качествѣ свидѣтелей обвиняемыхъ между прочимъ допрашивались духовные отцы обоихъ виновниковъ, конечно по тому, что могли они слышать и помнить изъ исповѣди. А какія наказанія практиковались цер-

ковнымъ судомъ, это видно изъ слѣдующихъ примѣровъ и постановленій.

При патриархѣ Филаретѣ Никитичѣ болгарскій сынъ Синичевъ по приговору церковнаго суда сосланъ былъ въ оковахъ въ Карельскій Никольскій монастырь за то, что со своими рабынями прижаль семерыхъ дѣтей, а рабыни-то еще были между собою двоюродныя сестры. Также поступлено было и съ стольникомъ Колычевымъ за подобное нарушеніе семейной нравственности (Ист. Соловьева, т. IX, стр. 446). Монастырскому же подначалію подвергались и женщины, вдовы и дѣвцы, за сожительство внѣ брака. Однакоже, взаимнѣ епитимій въ монастырѣ, съ виновныхъ обою пола иногда взыскивались денежные пени (*Суворова*, О церкви. наказанійхъ, стр. 136—139). Патриархъ Адрианъ, въ уставной грамотѣ поповскимъ старостахъ, отиѣнявъ денежные пошлины, установилъ для всѣхъ одинаковое наказаніе: битье шелепани и послыку въ монастырь на покаяніе (*Дух. Бесѣда* 1873 г. 13 янв., № 2, стр. 21 и 22).

Впрочемъ святительскому суду подвергались, кажется, только неженатые и незамужнія, а замужнія женщины и женатые мужчины судились за незаконное сожительство въ гражданскихъ приказахъ, которымъ они были подвѣдомы. Иванъ Желябужскій, современникъ Петра I, въ своихъ „Запискахъ“ (1682—1709 гг.) приводитъ слѣдующій фактъ. Приведены были въ стрѣлецкій приказъ стрѣльцы Трофимъ да Данила Ларіоновы съ дѣвкою по блудному дѣлу жены одного изъ нихъ. Въ застѣнкѣ оба признались въ своемъ грѣхѣ. Одному учинено наказаніе передъ стрѣлецкимъ приказомъ, вмѣсто кнута—бить батоги; а другаго отослали на патриаршій дворъ для того, что онъ холостой (Спб. 1840 г., стр. 22)

Преслѣдуя незаконное сожительство, Уложеніе запрешало узаконять дѣтей незаконнорожденныхъ, въ наслѣдствѣ имъ также отказывало, даже и въ такомъ случаѣ, еслибы отецъ этихъ дѣтей женился на ихъ матери. Если кто упрекалъ незаконныхъ дѣтей за ихъ происхожденіе, то, по Уложенію, это не считалось

безчестьемъ и пеня за такое дѣяніе не взмскивалась (гл. X, ст. 280).

Женщинъ, губившихъ дѣтей прижитыхъ внѣ брака, а равно и людей, которые пособничали имъ въ этомъ злодѣяніи, Уложение постановило казнить смертью безо всякой пощады, съ такимъ прибавленіемъ, *чтобы, на то смотря, иные такого беззаконнаго и сквернаго дѣла не дѣлали и отъ блуда унялися* (гл. XXII, ст. 26). Изъ этого видно, что Уложение подвергало смертной казни матерей за убійство своихъ незаконныхъ дѣтей не по приянтому въ немъ общему принципу *смерть за смерть*, но преимущественно въ видахъ устрашенія и отклоненія другихъ отъ незаконныхъ связей. Ибо за убійство даже законныхъ дѣтей въ Уложеніи смертной казни не положено (гл. XXII, ст. 3).

#### 8) Овъ охраненіи взаимныхъ отношеній между членами семейства

(Охраненіе родителей отъ грубости и побоевъ отъ дѣтей. Охраненіе права родителей, во время ихъ старости, на почтеніе и сохраненіе отъ своихъ дѣтей. Наказаніе дѣтей за ихъ жалобы на родителей. Двойное наказаніе родителей за убійство дѣтей. Общее замѣчаніе по сему отдѣлу. Участіе церковной власти въ семейныхъ несогласіяхъ).

Уложение строгими казнями охраняло взаимныя отношенія членовъ семейства т. е. мужей и жепъ, родителей и дѣтей. Такъ Уложеніемъ было назначено дѣтей бити кнутомъ за грубыя рѣчи и нанесеніе побоевъ родителямъ (гл. XXII, ст. 4).

Такое же наказаніе съ прибавленіемъ „бити кнутомъ нещадно“ положено было дѣтямъ, если они отказывались почитать и кормить родителей во время ихъ старости, съ таковымъ прибавленіемъ: „приказать имъ бити у отца и у матери во всякомъ послушаніи и безо всякаго прекословія, а извѣту ихъ не вѣрѣти“ (тамъ же, ст. 5).

Если сынъ или дочь были челомъ въ судъ на отца или мать, то Уложение ни въ чемъ суда имъ не давало, да ихъ же за такое челобитье положило бити кнутомъ и отдавати ихъ отцу и матери.



Если отецъ или мать убьютъ до смерти сына или дочь, то Уложеніе не казнило ихъ самихъ смертью, какъ было принято имъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, а только опредѣляло заключать ихъ на годъ въ тюрьму и потомъ предавать ихъ церковному покаянію съ тѣмъ, чтобы они, приходя къ церкви Божіей, во время богослуженія на паперти объявляли и исповѣдывали свой грѣхъ въ слухъ всѣмъ людямъ (тамъ же, ст. 3).

Вообще правамъ мужей надъ женами и родителей надъ дѣтьми уложенное законодательство давало большее предпочтеніе. Ибо дѣти за убійство родителей подвергались смертной казни безъ всякаго пощады (гл. XXII, ст. 1). Жены за убійство мужей, по Уложенію, закапываемы были живыми въ землю безъ всякаго пощады (гл. XXII, ст. 14—15), а какой казни подвергать мужей за убійство женъ, объ этомъ въ Уложеніи умолчано. Кадашевецъ Ивашка Долгой за убійство своей жены по приговору земскаго приказа наказанъ былъ только кнутомъ и отданъ на чистыя поруки (П. С. З. т. I, ук. 12 февр. 1664 г., № 355, стр. 586).

Въ простыя обиденныя распри между мужемъ и женою, также между родителями и дѣтьми—Уложеніе не входило. Дѣла этого рода, напримѣръ если мужъ худо обращался съ женою, подлежали святительскому суду. Патріархъ или митрополитъ, или архіепископъ, или епископъ выслушивалъ дѣло, старался примирить враждующія стороны, привести къ раскаянію виновныхъ, расположить ихъ просить прощеніе у обиженныхъ, и въ случаѣ раскаянія, давалъ имъ прощеніе, и, какъ дѣлалъ это новгородскій митрополитъ Никонъ, читалъ надъ ними разрѣшительную молитву (Ист. Соловьева, т. X, стр. 175—176). Но буде кроткія мѣры не достигали цѣли, то владыка, по церковнымъ правиламъ, полагалъ на виновныхъ епитимію по мѣрѣ и степени вины для вразумленія и исправленія ихъ.

**ПРИБАВЛЕНІЕ О НЕБРИТІИ БОРОДЪ, НЕСТРИЖЕНІИ ВОЛОСЪ, НЕНОШЕНІИ  
ИНОЗЕМНЫХЪ КОСТЮМОВЪ И О НЕУПОТРЕБЛЕНІИ ТАБАКУ**

(Запретительныя правила и указъ Алексѣя Михайловича 1675 г. о небритіи бородѣ, нестриженіи волосъ и ношеніи иноземныхъ костюмовъ. Взглядъ на этотъ предметъ современника Алексѣю Михайловичу. Запретительныя мѣры противъ табака. Отношеніе къ нему Уложенія. Мнѣніе того же современника (по сему предмету).

Здѣсь слѣдуетъ еще сдѣлать замѣчаніе объ одной особенноти того времени, именно: о небритіи бородъ, нестриженіи волосъ, ношеніи иноземныхъ костюмовъ и о неупотребленіи табаку. Съ нынѣшней точки зрѣнія особенности эти составляютъ въ нравственномъ отношеніи дѣянія безразличныя и не подлежатъ вмѣненію, если отсюда не происходитъ никакого вреда и не оскорбляется нравственное христіанское чувство. Но въ давнее время и въ XVII вѣкѣ все это на Руси почиталось грѣхомъ.

1) Бритые бороды и стриженіе усовъ въ первый разъ запрещено было стоглавымъ соборомъ (гл. 40, по изд. Кожанчикова, стр. 124—125). Запрещеніе это подтверждено указами Іоанна Грознаго 1552 г. (Собр. памятниковъ по ист. русск. права, стр. 269—271) и Михаила Феодоровича и имѣется въ Кормчей книгѣ Никоновской редакціи (гл. 47). Уложеніе не коснулось этого вопроса, но новоуказныя статьи не послѣдовали его примѣру. Князь Андрей Михайловичъ Кольцовъ-Масальскій изъ стряпчихъ возимѣлъ смѣлость подстричь себѣ волосы на головѣ. Царь Алексѣй Михайловичъ наказалъ его за это, приказавъ написать по жилецкому списку, и по этому поводу изданъ въ 1675 году строгій указъ, чтобы стольники, стряпчіе, дворяне московскіе и жильцы „иноземныхъ нѣмецкихъ и иныхъ извѣчаевъ не принимали, волосовъ у себя на головѣ не постригали, такожь и платья, кафтановъ и шапокъ съ иноземныхъ образцовъ не носили, и людемъ своимъ потомужь носить не велѣли, подь угрозю опалы отъ великаго государя и переименованія изъ высшихъ чиновъ въ низшіе, даже за нарушеніе царскаго запрещенія слугами чиновниковъ“ (П. С. З. т. I, ук. 6 авг. 1675 г. № 607, стр. 1007—1008).

Мы не станемъ входить въ сужденіе объ этомъ предметѣ. Ибо даже въ царствованіе Алексѣя Михайловича находились люди, которые эти виѣшнія особенности считали въ нравственномъ отношеніи не подлежащими виѣненію. Авторъ рукописи время царя Алексѣя Михайловича подъ названіемъ: *Русское государство въ половинѣ XVII вѣка*, относительно небритія бородъ, нестриженія волосъ и ношенія иноземныхъ костюмовъ пишетъ слѣдующее: „Жидовомъ то баше запрещено, а христіанамъ отнюдь то нѣсть заповѣдано. Кто хочеть иноческое житіе проводить, тому треба отречися отъ всякаго устроенія въ платьѣ, въ брадѣ и въ головѣ; а простираеть это на живущихъ въ мірскомъ стану (званіи), то уже не благочестіе будетъ, а превѣріе (предразсудокъ) и смѣшеніе сословій“ <sup>1)</sup> (изданіе *Безсонова*, Москва, 1859 г. часть I, стр. 97).

2) Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича употребленіе табаку почиталось страшнымъ грѣхомъ. Ревнители старины считали табакъ, принесенный въ Россію иностранцами въ первый разъ при Михаилѣ, богомерзкою травой, за употребленіе его рѣзались носы (Ист. *Соловьева*, т. X, стр. 125) и угрожалось смертною казнію (Улож. гл. XXV, ст. 11). Уложеніе посвятило табаку нѣсколько статей (*ibid.* ст. 11—21), но оно уже не смотрѣло на табакъ какъ на богомерзкое зелье, а только запрещало и строго преслѣдовало контрабандную торговлю имъ, такъ какъ чрезъ это много денегъ уходило за границу, а казна хотѣла сдѣлать изъ него монополію для себя (Ист. *Соловьева*, т. X, стр. 160).

Нынѣ нѣтъ надобности опровергать взглядъ на табакъ какъ на богомерзкую траву. Тотъ же неизвѣстный авторъ въ рукописи относительно употребленія табаку пишетъ слѣдующее: „запрещено пить (восточное выраженіе) табакъ не по причинѣ грѣха,—иначе во время войнъ и въ рудникахъ не давалось бы свободы употреблять его, грѣхъ можетъ быть тутъ лишь въ неумѣренномъ его приѣмѣ, какъ и въ питіи вина, истинная причина запрета состоитъ

<sup>1)</sup> Какъ здѣсь, такъ и немного ниже мы приводимъ мнѣнія изъ книги: *Русское государство* въ своемъ изложеніи, такъ какъ подлинный текстъ, по своимъ архаизмамъ, неудобопонятенъ.

въ томъ, что за этотъ непотребный товаръ многая казна изъ земли русской вонъ вывозится, такъ какъ иноземники безмѣрно много этого зелья ежегодно привозятъ и странно дорого продаютъ. Далѣе авторъ совѣтуетъ сѣять табакъ дома: тогда, говорить онъ, деньги не будутъ уходить изъ государства, государственной казнѣ будетъ прибыль, да и люди были бы порадованы свободою; ибо такимъ образомъ двойной яремъ былъ бы снятъ съ ихъ шеи долой: во первыхъ яремъ тѣлесный — запретъ и казни, и во вторыхъ духовный яремъ, — суетнаго предрассудка, по которому грѣхъ проповѣдывается тамъ, гдѣ его нѣтъ и страхъ тамъ, гдѣ его также нѣтъ (тамъ же, стр. 55 — 56).

М. Архангельскій.

*(Окончаніе слѣдуетъ).*



# САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

## *Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»*

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

**На сайте академии**  
**[www.spbda.ru](http://www.spbda.ru)**

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки

Санкт-Петербургская православная духовная академия  
*Архив журнала «Христианское чтение»*

*М. Архангельский*

О Соборном Уложении царя Алексея  
Михайловича 1649 г. (7156) в отношении к  
Православной Русской Церкви

*Опубликовано:*  
*Христианское чтение. 1881. № 9-10. С. 300-365.*

© Сканирование и создание электронного варианта:  
Санкт-Петербургская православная духовная академия ([www.spbda.ru](http://www.spbda.ru)),  
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии  
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

*Издательство СПбДА*  
Санкт-Петербург  
2010

# О Соборномъ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича 1649 (7156) г. въ отношеніи къ православнои русской церкви

(окончаніе <sup>1)</sup>).

## II.

### О церковныхъ учрежденіяхъ по Уложенію

(Указаніе церковныхъ учрежденій, которыхъ касается Уложеніе и повоуказныя статьи).

Въ предыдущемъ отдѣлѣ мы рассмотрѣли въ порядкѣ и связи статьи Уложенія, которыя имѣли непосредственное примѣненіе къ церковнымъ предметамъ, лицамъ и дѣйствіямъ. Теперь намъ слѣдуетъ обозрѣть и разъяснить законы Уложенія касательно церковныхъ учрежденій, изъ числа которыхъ въ Уложеніи упоминаются только учрежденія административныя и судебныя, также монастыри и церкви.

### 1.

#### ОБЪ АДМИНИСТРАТИВНЫХЪ И СУДЕБНЫХЪ ЦЕРКОВНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ

(Форма свѣхъ учрежденій. Различіе приказовъ. Участіе государственныхъ приказовъ въ дѣлахъ церковныхъ).

Въ періодъ Уложенія административныя и судебныя церковныя учрежденія существовали въ формѣ приказовъ, при чемъ судъ и администрація въ нихъ не были отдѣлены другъ отъ друга. Приказы Уложеннаго періода относительно православнои церкви были двухъ родовъ: приказы собственно церковныя и приказы государственныя, завѣдывавшія церковными дѣлами. Первые назывались

---

<sup>1)</sup> См. Христ. Чт. 1881 г. № 7—8, стр. 42—134.

патріаршими и архіерейскими приказами. Изъ свѣтскихъ же приказовъ церковными дѣлами прямо завѣдывалъ собственно одинъ такъ называемый *монастырскій* приказъ, устроенный впервые Уложеніемъ (гл. XIII, ст. 2). Прочіе свѣтскіе приказы, которыхъ было тогда много, напримѣръ разрядъ, большаго двора, посольскій, судный, сыскной, помѣстный, тайныхъ дѣлъ, челобитенный, разбойный, холопій и другіе касались духовенства и вступали въ церковныя дѣла только въ случаѣ особыхъ обстоятельствъ, изъ которыхъ нѣкоторые предусмотрѣны были Уложеніемъ (гл. XII, ст. 3; гл. XIII, ст. 2), а другія вытекали изъ жизни сами собою, напримѣръ челобитный приказъ дѣйствовалъ въ церковной сферѣ— въ случаѣ подачи челобитныхъ и т. п. Въ 1667 году одинъ рейтаръ судился въ монастырскомъ приказѣ съ Спасоприлуцкимъ монастыремъ, и обѣ стороны подавали просьбы въ челобитенный приказъ (*Дмитріевъ*, Ист. суд. инст., стр. 344).

### О ЦЕРКОВНЫХЪ ПРИКАЗАХЪ

(Число патріаршихъ приказовъ и кругъ ихъ вѣденія. О приказахъ архіерейскихъ. Объ отношеніи Уложенія къ церковнымъ приказамъ вообще. Указаніе частныхъ элементовъ, къ которымъ относилось Уложеніе въ церковныхъ приказахъ).

Во время изданія Уложенія существовали слѣдующіе патріаршіе приказы: во первыхъ, патріаршій разрядъ, называвшійся также суднымъ приказомъ, во вторыхъ, патріаршій казенный приказъ и въ третьихъ, патріаршій дворцовый приказъ.

Патріаршій судный приказъ завѣдывалъ всѣми вообще собственно церковными дѣлами какъ по патріаршей епархіи, такъ и въ качествѣ высшаго управленія по дѣламъ всѣхъ епархій православной русской церкви. Въ патріаршемъ казенномъ приказѣ сосредоточивалось исключительно финансовое управленіе патріаршею епархіею т. е. приходомъ и расходомъ патріаршей казны. Наконецъ, патріаршій дворцовый приказъ исключительно вѣдалъ управленіе всѣхъ патріаршихъ земель и лицъ, живущихъ на нихъ, а также всю хозяйственную часть по дому патріарха.

Послѣ изданія Уложенія, въ 1668 году былъ устроенъ еще



патріаршій духовній приказъ, который судилъ духовенство какъ бѣлое, такъ и монашествующее во всѣхъ дѣлахъ (*Кантерева*, Свѣтскіе архіер. чиновники, стр. 211—215), чѣмъ аржеде занимался разрядъ. Въ извѣстномъ уже намъ дѣлѣ о постриженіи, безъ указа, жены стольника Льва Салтыкова, производившемся въ 1673 году, разрядъ и духовній приказъ упоминаются какъ два отдѣльно существующія самостоятельныя учрежденія (П. С. З. т. I, ук. 21 ноября 1673 г. № 563, стр. 948—949). Патріархъ Іоакимъ, по опредѣленію собора 1675 года, закрылъ духовній приказъ, образовавши взамѣнъ его при разрядѣ судное отдѣленіе для духовныхъ дѣлъ (*Кантерева*, стр. 214). Изъ низшихъ инстанцій въ Москвѣ существовала тиунская изба, устроенная для надзора за благочиніемъ и благоповеденіемъ какъ служащаго, такъ и безмѣстнаго духовенства. Патріархъ Іоакимъ переименовалъ ее въ приказъ церковныхъ дѣлъ (1674—1690 гг.), построивъ для него обширныя палаты, въ которыхъ, кромѣ духовныхъ властей, были и свѣтскіе чины для писмоводства и полицейскаго надзора. Этотъ приказъ существовалъ и по закрытіи патріаршества (О церков. судоустройствѣ въ древ. Россіи, стр. 34 и 35). Такимъ образомъ въ періодъ Уложенія при патріархѣ существовали до 1673 года три приказа, съ 1673 по 1675 годъ пять, а съ 1675 года по 1700 годъ, въ который умеръ послѣдній русскій патріархъ Адріанъ, четыре приказа.

По образцу патріаршихъ приказовъ устроены были приказы и у епархіальныхъ архіереевъ. Такъ напримѣръ у митрополита тобольскаго и сибирскаго въ 1678 году упоминается *митрополій дворъ*, какъ въ Москвѣ патріаршій (Улож. гл. XII, ст. 1), т. е. въ смыслѣ управленія тобольскою епархією, и вмѣстѣ съ тѣмъ перечисляются разные чиновники митропольяго двора: приказные люди, подъячіе, старосты, цѣловальники (П. С. З. т. II, ук. № 731, стр. 175—178).

У новгородскаго митрополита, какъ и у патріарха, существовалъ свой разрядъ, завѣдывавшій всѣмъ административнымъ и судебнымъ управленіемъ епархіи, и свой казенный приказъ, завѣдывавшій всѣми пошлинами окладными и неокладными (*Канте-*

рева, Свѣтскіе архіер. чиновники, Москва, 1871 г., стр. 233 — 234). Оверхъ того, въ 1667 году, у Пятирима, митрополита новгородскаго, упоминается еще приказная изба (П. С. З. т. I, грамота 29 марта, № 405, стр. 674 и 675). У архіепископа Ѳсковскаго. въ качествѣ средней инстанціи, существовалъ для управленія и суда по духовнымъ дѣламъ *тіунскій приказъ*, въ которомъ тіунами или судьями были соборный ключарь и трехъ соборовъ священники по выбору (О церк. судоустройствѣ въ древ. Россіи, стр. 35). У рязанскаго митрополита и у другихъ архіереевъ были не только дворецкіе, т. е. единоличные управители, но и цѣлыя дворцовыя приказы (О церк. судоустройствѣ въ древ. Россіи. С.-Петербургъ, 1874 г., стр. 66). Думаютъ впрочемъ, что число архіерейскихъ приказовъ въ епархіяхъ, за исключеніемъ патріаршей области, ограничивалось большею частію двумя приказами: духовнымъ и казеннымъ (*Знаменскаго*, Приход. духовенство, стр. 508).

Приказы епархіальныхъ архіереевъ всѣ устроены были по образцу патріаршихъ московскихъ приказовъ, хотя въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, приказы же патріаршіе въ свою очередь были созданы по образцу государственныхъ приказовъ. А такъ какъ Уложеніе, насколько оно касается приказовъ, было приспособлено къ существующему въ нихъ устройству, то понятно статьи Уложенной книги имѣли такое же отношеніе къ церковнымъ приказамъ, патріаршимъ и архіерейскимъ, какъ и къ приказамъ царскимъ. Это видно и изъ самаго Уложенія. „А будетъ, говорится въ немъ, патріарши приказные люди въ какомъ дѣлѣ праваго обвинять, а виноватаго оправять по посуламъ, или по дружбѣ или по недружбѣ и тѣмъ людямъ, кто будетъ обвиненъ не по дѣлу на тѣхъ патріаршихъ людей бити челомъ государю. и по тому челобитью спорныя дѣла изъ патріаршихъ приказовъ вносить къ государю и ко всѣмъ бояромъ. Да будетъ слышется что патріарши судьи кого обвинять не по дѣлу, и тѣмъ патріаршимъ судьямъ за ихъ неправду указъ чинити противъ того же, какъ указано о государевыхъ судьяхъ“ (гл. XII, ст. 2). Изъ снесенія этой статьи съ законами о судѣ (гл. X, ст. 1 и друг.) видно,

что патриаршіе приказы должны были судить и рядить дѣла по Уложенію и за свои неправды сами судились по Уложенію же.

Разсмотримъ, въ частности, отношеніе Уложенія а) къ личному составу церковныхъ приказовъ, б) къ процессуальному производству дѣлъ въ нихъ, и в) къ рѣшенію дѣлъ ими.

а) О личномъ составѣ церковныхъ приказовъ.

(Свѣтскій составъ этихъ приказовъ. Утвержденіе его Уложеніемъ. Перемѣны сдѣланныя по сему предмету соборами 1667 и 1675 гг. Заключение).

Правительственный персоналъ во всѣхъ приказахъ, патриаршихъ и архіерейскихъ, въ моментъ изданія Уложенія, составляли, подъ непосредственнымъ надзоромъ самихъ іерарховъ, свѣтскіе архіерейскіе чиновники, бояре, дѣти боярскія, дьяки, подъяки и т. п. Лица священническаго и иноческаго чина ни въ одномъ приказѣ не имѣли мѣста въ качествѣ членовъ съ административнымъ или судебнымъ авторитетомъ. Такъ напримѣръ при патриархѣ Іосифѣ казеннымъ приказомъ заправлялъ главнымъ образомъ дьякъ Иванъ Кокониловъ съ подъячими (Ист. Соловьева, т. XI, стр. 290—291).

Уложеніе царя Алексѣя Михайловича не измѣнило личнаго состава патриаршихъ и архіерейскихъ приказовъ, оставивши ихъ *in statu quo*, т. е. совершенно въ томъ видѣ, въ которомъ они находились до 1649 года. Это видно изъ 80 статьи XX главы Уложенія. Статья эта отсылаетъ челобитчиковъ по дѣламъ, подлежащимъ духовному суду, „на Москвѣ на патриаршъ дворъ къ патриаршимъ приказнымъ людямъ, а въ городѣхъ къ митрополичьимъ и архіепископскимъ приказнымъ же людямъ“ и повелѣваетъ сыскивать про челобитчиковъ святительскимъ судомъ, и указъ имъ чинити по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ. Статья эта относится къ патриаршему и архіерейскимъ разрядамъ или суднымъ приказамъ, гдѣ судилось духовенство и міряне по духовнымъ дѣламъ и прямо авторизуетъ приказныхъ людей судьями духовныхъ лицъ и дѣлъ. Исторически извѣстно о патриархѣ Никонѣ, что онъ во всѣхъ приказахъ держалъ не

духовныхъ людей, а мірскихъ, челобитныя раздавалъ своимъ дворовымъ людямъ и они ихъ разбирали, дѣлая иногда прямое кривымъ (Ист. Соловьева, т. XI, стр. 318 и 319). Въ жалованной грамотѣ патриаршему престолу 25 февраля 1657 года прямо говорится, что въ патриаршихъ приказахъ судъ производился боярами и приказными людьми (П. С. З. т. I, № 201, стр. 421).

Само собою разумѣется, что устройство патриаршихъ и архіерейскихъ приказовъ изъ однихъ свѣтскихъ чиновниковъ, сдѣланное при основателѣ ихъ патриархѣ Филаретѣ (*ibidem*), было фактомъ, который шелъ въ разрѣзъ съ церковными правилами. Приказные люди патриарховъ и архіереевъ, имѣя въ своихъ рукахъ всю власть по церковнымъ дѣламъ, безнаказанно злоупотребили ею, сильно притѣсняли духовенство, вымогали взятки. Города Корсуня протопопъ пріѣхалъ какъ-то къ патриарху Никону съ святительской казною, которой отъ него не принимали въ казенномъ приказѣ. А когда онъ далъ взятку старому дьяку Ивану Кокшилову, женѣ его и людямъ всего рублей на 10-ть, то казну отъ него приняли. Но протопопу надобно было еще получить отписи, а денегъ у него болѣе не было, и за то его влчили многое время. Не хотя умереть голодною смертію, протопопъ въ крайности закабалилъ голову свою въ 10 рублей, отвесъ деньги женѣ Кокшилова, которая взяла ихъ, и лишь тогда его отпустили во свояси (Ист. Соловьева, т. XI, стр. 291).

Въ силу сихъ обстоятельствъ, Московскій соборъ 1667 года на основаніи правилъ Кормчей книги постановилъ, чтобы какъ на патриаршемъ дворѣ, такъ и въ архіерейскихъ домахъ судьи были двухъ родовъ: для лицъ духовныхъ и по духовнымъ дѣламъ мірянъ — архимандриты съ другими духовными искусными мужами, а для дѣлъ между мірскими людьми мужскаго и женскаго пола, подсудныхъ святительскому суду, бояре и дьяки (П. С. З. т. I, вып. 17 іюня 1667 г. № 412, прав. 37—39, стр. 699—700). Назначеніе духовныхъ судей не ограничилось одними судными приказами. Даже въ казенномъ приказѣ по крайпей мѣрѣ при патриархѣ Іоакимѣ въ 1682 году казначеемъ состоялъ приказный

старецъ Паисій Сійскій съ дьякомъ Перфіліемъ Сѣменниковымъ (ibid. т. II, ук. 7 окт. № 956, стр. 468).

Такимъ образомъ личный персоналъ архіерейскихъ приказовъ послѣ 1667 года состоялъ изъ двухъ отдѣленій: въ одномъ судьями были лица духовнаго сана, въ другомъ—свѣтскіе чиновники. На патріаршемъ дворѣ — въ разрядѣ и духовномъ приказѣ дѣлами заправлялъ въ качествѣ старшаго судьи и какъ бы намѣстника патріарха, по издавна установившемуся порядку, митрополитъ сарскій и подонскій, то есть особа епископскаго сана (П. С. З. т. I, ук. № 563). Въ прочихъ епархіяхъ судьями по духовнымъ дѣламъ бывали только лица пресвитерскаго сана, архимандриты, игумены, протопопы и священники. Но и свѣтскіе чиновники, въ силу опредѣленія собора 1667 года, твердо держались во всѣхъ приказахъ. Желябужскій въ своихъ Запискахъ (1692—1710 г.) отиѣчаетъ, что при патріархѣ Адрианѣ въ его приказѣ сидѣлъ окольнічій Михайль Ивановичъ Глѣбовъ (стр. 23). Писмія же административно-судебныя инстанціи, особенно у епархіальныхъ архіереевъ, были наполняемы иногда лицами одного бѣлаго духовенства. Въ тулскомъ приказѣ псковскаго архіепископа даже для писмоводства употреблялись церковные дьячки, а на посылкахъ служили шесть пономарей (0 церков. судоустройствѣ, стр. 35). Соборъ 1675 года, подтверждая, объясняя и дополняя опредѣленія собора 1667 года, постановилъ нижеслѣдующее объ окружныхъ епархіальныхъ судахъ по городамъ и десятинамъ: „такъ же и въ городахъ нашея патріарши епархіи, равно какъ и въ городѣхъ и десятинахъ прочихъ епархій, вѣдать судомъ и расправою всякія духовныя дѣла и духовныя лица о всякихъ дѣлѣхъ по нашему благословенію, отъ духовнаго чина архимандритамъ, или игуменамъ, или протопопамъ, или старостамъ поповскимъ, или закащикамъ. А святительскіе дворяне, дѣти боярскіе, и десятильники въ города и уѣзды епархіальные, не только ради управленія и суда церковнаго, но даже и ради сборовъ церковныхъ даней и пошлинъ, да не выѣзжаютъ къ духовенству, развѣ на непослушное, потому что объявилось отъ нихъ всякое безчynie и налоги, и обругательства къ священному чину и убытки сверхъ указныхъ статей лишніе

сборы“. А взаѣмъ ихъ, и для сихъ послѣднихъ дѣлъ повелѣвалось избрать изъ среды самаго духовенства административныхъ и судебныхъ лицъ (ibid. стр. 51).

Такимъ образомъ Уложеніе, хотя и косвеннымъ путемъ, закрѣпило было старинный порядокъ администраціи и суда въ церковныхъ приказахъ въ отношеніи къ личному составу ихъ изъ свѣтскихъ чиновниковъ. Но соборы 1667 и 1675 годовъ замѣнили ихъ духовными судьями по всякимъ дѣламъ духовныхъ лицъ. Тѣмъ не менѣе порядки уложеннаго періода не вполнѣ были отбѣнены. По дѣламъ мірскихъ людей въ церковныхъ учрежденіяхъ, а также въ случаяхъ „непослушнаго“ продолжали дѣйствовать по-прежнему свѣтскіе чиновники.

б) О процессуальной сторонѣ дѣлъ, производившихся въ церковныхъ приказахъ

(Неимѣніе особаго русскаго церковнаго устава для дѣлопроизводства въ церковныхъ приказахъ. Непригодность для сего суднаго закона, навечатавшаго въ Кормчей. Церковное судопроизводство совершалось по Уложенію. Подтвержденіе этого положенія доказательствами. Исчисленіе особыхъ формъ судопроизводства принятыхъ церковными приказами отъ Уложенія. Заключеніе).

Всякое дѣло въ производствѣ своемъ имѣетъ двѣ главныхъ стадіи: это — порядокъ и процессъ дѣлопроизводства и окончательное рѣшеніе дѣла.

Что касается до процессуальной стороны дѣлъ, производившихся въ церковныхъ приказахъ, то русскимъ церковнымъ правомъ не было выработано ни до Уложенія, ни послѣ его изданія никакихъ самостоятельныхъ формъ для дѣлопроизводства, а формы сего рода, перешедшія въ Россію изъ Греціи, также остались лишь въ книгахъ безъ примѣненія къ дѣламъ. Такъ напримѣръ патріархъ Никонъ напечаталъ въ Кормчей книгѣ: „законъ судный людямъ царя Константина“, состоящей изъ 32 главъ (Кормчая, ч. II, гл. 46). На Никона очень сердились свѣтскіе чины за внесеніе устава въ дѣйствующее законодательство русской церкви.

Конечно отдѣльныя или частныя правила этого суднаго устава принимались въ соображеніе на святительскихъ судахъ по дѣламъ

духовнымъ. Но въ цѣломъ составѣ судный уставъ въ русскихъ церковныхъ приказахъ никогда не дѣйствовалъ, оставаясь почти мертвой буквой въ книгѣ. Скажемъ болѣе: онъ и не могъ получить въ тогдашнемъ церковномъ дѣлопроизводствѣ всецѣлаго примѣненія по той причинѣ, что наши патріаршіе и архіерейскіе приказы были устроены не по византійскимъ образцамъ, а по образу и подобию государственныхъ приказовъ, сложившихся исторически и самобытно. Такъ напримѣръ по образцу свѣтскихъ приказовъ въ патріаршемъ разрядѣ (Ист. Соловьева, т. XI, стр. 291), у митрополита новгородскаго (*ibid.* т. X, стр. 179) и у прочихъ архіереевъ были свои пристава съ цѣпями и желѣзами, свои недѣльщики, свои тюрьмы, въ которыхъ содержали колодниками не только духовныхъ лицъ, но и мірянъ.

Отсюда, въ силу самой необходимости, съ изданія Уложения всё дѣла въ церковныхъ учрежденіяхъ производилась по тѣмъ статьямъ, которыя изложены въ немъ, особенно въ X-й главѣ о судѣ. Статьи эти имѣли полное примѣненіе одинаково какъ въ учрежденіяхъ гражданскаго вѣдомства, такъ и въ духовныхъ. Само Уложеніе обязывало всё учрежденія русскаго государства, въ томъ числѣ конечно и церковныя, руководствоваться именно тѣми правилами, которыя въ немъ изложены относительно суда. Въ первой статьѣ X-й главы Уложения о судѣ постановлено по этому предмету слѣдующее: „судъ государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всея Россіи, судити бояромъ и окольничимъ и думнымъ людямъ и дьякомъ и всякимъ приказнымъ людямъ, и судьямъ, и всякая расправа дѣлати всемъ людямъ Московскаго государства, отъ большаго и меньшаго чину вправду“. Отсюда видно, что правила о судѣ, по намѣренію законодателя, даны были для руководства всякимъ приказнымъ людямъ и судьямъ, слѣдовательно и церковнымъ, и даны для производства расправы всемъ людямъ Московскаго государства отъ большаго чину и до меньшаго, значить и тѣмъ, которые принадлежали къ церковной іерархіи и къ церковному вѣдомству. Наконецъ XII глава Уложения исключительно состоитъ изъ правилъ относительно суда на разныхъ патріаршихъ людей, принадлежавшихъ церковному вѣдомству и судимыхъ на

патріаршемъ дворѣ, съ опредѣленіемъ подавать на судъ патріаршихъ чиновниковъ аппелляцію именно въ случаѣ нарушенія ими правилъ Уложенія о судѣ (ст. 1—2).

Самое свойство правилъ Уложенія о судебномъ процессѣ таково, что они имѣли рѣшительное примѣненіе къ духовнымъ учрежденіямъ какъ административнымъ, такъ и судебнымъ. Таково на примѣръ правило, чтобы въ судныхъ дѣлахъ по дружбѣ и по недружбѣ ничего не прибавляти и не убавляти и ни въ чемъ другу не дружити и недругу не мстити, и никому ни въ чемъ ни для чего не норовити, дѣлати всякія государевы дѣла не стыдятся лица сильныхъ и избавляти обиднаго отъ руки неправеднаго (гл. X, ст. 1). Таковы правила о причинахъ отвода судей (ст. 3), или чтобы судьямъ не брать посуловъ, то есть взятокъ (ст. 5—9). Также совершенно примѣнными были къ церковному суду правила о поведеніи въ судѣ (гл. X, ст. 105), объ огражденіи судей отъ оскорбленія словомъ или дѣломъ (ст. 106), о непроизводствѣ судныхъ и административныхъ дѣлъ въ праздники, въ воскресные и царскіе дни (ст. 25), о срокахъ явки въ судъ (ст. 109, 110 и др.), о запискѣ судныхъ дѣлъ и о взятіи судныхъ пошлинъ (ст. 128), о случаяхъ рѣшенія дѣлъ взаимнымъ примиреніемъ тяжущихся (ст. 121), о платѣ денегъ приставамъ и недѣльщикамъ (ст. 148), объ очныхъ ставкахъ, объ аппелляціи на судебные приговоры и тому подобное.

Изъ формъ дѣлопроизводства въ частности извѣстно объ очной ставкѣ, что она въ періодъ Судебниковъ не употреблялась въ церковномъ дѣлопроизводствѣ, послѣ же изданія Уложенія была принята не только при спорахъ о духовныхъ завѣщаніяхъ, но и по другимъ дѣламъ, гдѣ это требовалось, на святительскихъ судахъ въ церковныхъ приказахъ (*Дмитріева*, Ист. судебн. инстанц. стр. 376). Введенные Уложеніемъ большой и малый повальные обыски (гл. X, ст. 161—167) также были приняты отъ него въ судопроизводство по дѣламъ о духовныхъ и вообще подвѣдомственныхъ черви лицамъ, производившимся въ церковныхъ приказахъ святительскимъ судомъ. Уложеніемъ допущено было представительство въ судѣ монастырскихъ страпчихъ по дѣламъ мо-



настырей и съ монастырями. Въ Спасоприлуцкомъ монастырѣ страпчимъ былъ по его дѣламъ монастырскій служба, который въ дѣлахъ именуется Афонькою (*Дмитріева*, Ист. судебн. истанц., стр. 355 и 357).

Вообще судопроизводство въ церковныхъ приказахъ въ періодъ Уложенія совершалось въ томъ порядкѣ и по тѣмъ правиламъ, которыя постановлены въ Уложенной книгѣ (*Кантерева*, Свѣтскіе архіерейскіе чиповники, стр. 195—196, гдѣ изложено самый порядокъ дѣлопроизводства).

в) О рѣшеніи дѣлъ въ церковныхъ приказахъ

(Какія дѣла разрѣшались въ нихъ на основаніи памятниковъ церковнаго законодательства? Доказательства на это. О рѣшеніи дѣлъ на основаніи Уложенія, и доказательства сего. Заключение).

Кромѣ процессуальной стороны церковные приказы, патріаршіе и архіерейскіе, руководствовались Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича и новоуказными статьями въ самомъ рѣшеніи дѣлъ, принимая законы ихъ въ основу своихъ по нимъ приговоровъ.

Само собою разумѣется, что дѣла чисто духовнаго характера, а также иногда и гражданскія, подвѣдомыя суду церкви, разрѣшались въ приказахъ святительскимъ судомъ на основаніи правилъ святыхъ апостолъ, соборовъ и отцевъ, и вообще на основаніи Никоновской Кормчей книги, со включеніемъ и второй части ея, въ такихъ случаяхъ, для которыхъ не существовало подходящихъ законовъ въ Уложеніи. Само Уложеніе, отсылая членовъ святой церкви и государства къ суду святителей, постоянно замѣчаетъ, что судъ будетъ произведенъ ими по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ (гл. XX, ст. 67, гл. XXII, ст. 24 и друг.). Вотъ одинъ изъ образчиковъ рѣшенія гражданскихъ дѣлъ на святительскомъ судѣ по II-й части Кормчей книги. Въ 1657 году одна вдова нижегородскаго посадскаго человѣка жаловалась патріарху Никону, что поручители взыскиваютъ съ нея кабальные долги ея мужа, между тѣмъ какъ послѣ смерти его не осталось у нея ни дворовъ, ни движимаго имущества. Патріархъ, справившись съ градскими законами, запретилъ, на основаніи ихъ, производить

взысканіе со вдовы, если она ничѣмъ не владѣеть, кромѣ своего приданого и указной четвертой части (*Дмитріева*, Ист. судебн. встанц., стр. 358).

Но также значительная часть дѣлъ, производившихся въ церковныхъ приказахъ, получала окончательное разрѣшеніе не иначе, какъ на основаніи Уложенія и новоуказныхъ статей между прочимъ и по той причинѣ, что въ дѣламъ не подходили ни церковныя правила, ни градскіе законы, изложенные въ Коричей книгѣ. На это имѣются разныя доказательства. Такъ, въ святительскихъ наказахъ уложеннаго періода, которые были посылаемы властямъ, подчиненнымъ высшему церковному правительству, постоянно и одинаково повелѣвалось: „въ духовныхъ и во всякихъ расправныхъ дѣлахъ судомъ вѣдать и расправу чинить всякую по правиламъ святыхъ апостоловъ, соборовъ и отецъ и по царскому соборному Уложенію (А. И. т. I, № 155, стр. 274—276, 278 и 279).

По царскому соборному Уложенію рѣшались въ духовныхъ приказахъ по преимуществу гражданскія и церковно-гражданскія дѣла мірянъ, подвѣдомыя этимъ приказамъ, по также и дѣла между духовными лицами. Извѣстно напримѣръ, что дѣла о зауморныхъ животахъ по духовнымъ завѣщаніямъ, также—по ряднымъ записямъ о вѣнѣ или приданыхъ животахъ въ уложенный періодъ разбирались и разрѣшались въ архіерейскихъ приказахъ. Велѣдъ за обнародованіемъ Уложенія, а именно въ 1650 году, издавъ былъ явянной съ боярскимъ приговоромъ указъ, чтобы духовныя власти не печатали (т. е. не прикладывали печатей) и не свидѣтельствовали духовныхъ завѣщаній, которыя составлены умершими съ нарушеніемъ статей Уложенія о наслѣдствѣ (П. С. З. т. I, ук. 1 мая, № 34, стр. 229).

Церковно административныя и судебныя учрежденія въ рѣшеніи многихъ дѣлъ основывались на законахъ уложеннаго періода не только до, но и послѣ церковныхъ реформъ Петра Великаго. Мы уже имѣли поводъ замѣтить, что штрафы за безчестье Святѣйшимъ Синодомъ были взыскиваемы по царскому соборному Уложенію. Приведемъ въ дополненіе доказательствъ по сему предмету другіе факты.

Уложение ввело въ русское законодательство извѣстное по своимъ плачевнымъ результатамъ въ жизни *государево слово и дѣло*. Въ немъ помѣщены на этотъ случай двѣ статьи. Одною постановлено наказывать кнутомъ такого человѣка, который заявлялъ о словѣ или дѣлѣ совершенно напрасно, наприимѣръ пьянымъ обычаемъ, или желая избыть отъ побоевъ, ему наносимыхъ (гл. II, ст. 14). Другою статьею узаконено извѣтчику государева дѣла, не доказавшему извѣта, чинити то же, чего бы довелся тотъ, на кого онъ доводилъ (*ibid.* ст. 17). Между духовными лицами священническаго, ввоческаго и причетническаго чина *слово и дѣло* перѣдко употреблялось, и по большей части въ смыслѣ двухъ означенныхъ статей. Церковный судъ, производившій дѣла сіи о лицахъ своего вѣдомства, рѣшалъ ихъ на основаніи приведенныхъ статей, и издавалъ въ смыслѣ ихъ свои распоряженія (Полное собр. постановлений и распоряженій по вѣдомству православно исповѣданія, т. II, ук. 18 апр. 1722 г. № 547, стр. 193—194).

Въ 1751 году копорскаго уѣзда, с.-петербургской губерніи, Котельскаго погоста священника Феодора Филиппова сынъ Петръ, исключенный изъ класса грамматики невской семинаріи и служившій въ ней расходчикомъ, опасаясь смертоубійства, донесъ чрезъ заика с.-петербургской консисторіи, что отецъ его, священникъ Филипповъ, въ пьянствѣ буйствуетъ по ночамъ въ своемъ дождѣ, уничтожаетъ вещи, гоняется съ топоромъ и ножомъ за своею женою и дѣтьми и тому подобное. Консисторія, разобравъ дѣло, вывела на справку изъ законовъ 6-ю статью XXII гл. Уложения, гдѣ сказано: „а будетъ который сынъ или дочь учнуть бити челомъ о судѣ на отца или на мать: и имъ на отца и на мать ни въ чемъ суда не давати, да ихъ же за такое челобитье бити кнутомъ. и отдати ихъ отцу и матери“. А тутъ еще и семинарское начальство не одобрило склонностей своего расходчика, аттестовавъ его человѣкомъ дерзкимъ и упорнымъ. Въ силу такихъ обстоятельствъ Петра Феодорова за его челобитье наказали въ консисторіи плетью и обязали подпискою быть въ послушаніи у родителей (Сувлестръ Кулябка, архіеп. с.-петербургскій. Спб. 1875 г., стр. 57—58).

Такихъ фактовъ можно бы найти и привести многое множество. Но и то, что здѣсь изложено нами, съ положительностію доказываетъ, что Уложеніе Алексѣя Михайловича долгое время служило въ церковныхъ административно-судебныхъ учрежденіяхъ законодательною основою для рѣшенія дѣлъ.

2.

О ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ПРИКАЗАХЪ ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ЦЕРКОВНЫМЪ ДѢЛАМЪ И ЛИЦАМЪ ПО УЛОЖЕНІЮ.

Всѣ, существовавшіе въ періодъ Уложенія, государственные приказы могли имѣть отношеніе къ дѣламъ церковнымъ, или правильнѣе—касающимся церкви. Такъ наприимѣръ помѣстный приказъ дѣйствовалъ, если монастырямъ давались какія нибудь земли, или происходилъ обмѣнъ земель между монастырями и вотчинниками. Но изъ всѣхъ царскихъ приказовъ—*монастырскій* имѣлъ наибольшее и непосредственное отношеніе къ церкви.

А) о монастырскомъ приказѣ

(Учрежденіе приказа и его государственное значеніе. Личный составъ приказа. Предметъ и пространство его суда. Законы, которыми онъ руководился. Заявленіе дѣлами ему неподлежащими. Низшія инстанція приказа. Закрытіе его).

Монастырскій приказъ впервые учрежденъ Уложеніемъ 1649 года, будучи выдѣленъ изъ особаго отдѣленія приказа большого двorca. Въ Уложенной книгѣ сказано, что государь указалъ быти сему приказу „по челобитью стольниковъ и стряпчихъ, и дворянъ московскихъ, и городовыхъ дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и гостей, и гостиницы и сукоянныя и иныхъ разныхъ сотенъ и слободъ и городовыхъ торговыхъ и посадскихъ людей“ (гл. XIII, ст. 1). Бывъ устроенъ по требованію земскаго собора царскою властію, монастырскій приказъ не былъ церковнымъ учрежденіемъ, а учрежденіемъ вполне государственнымъ, какъ и другіе царскіе приказы.

Судьями монастырскаго приказа, кромѣ недолгаго времени (*Горчакова*, Монастыр. прик. стр. 78), были исключительно свѣт-

скіе бояре и чиновники. Такъ въ первое время послѣ открытія приказа въ немъ засѣдалъ главный творецъ Уложенія князь Шикота Ивановичъ Одоевскій съ товарищами. Въ 1667 году въ немъ засѣдали окольнічій князь Диматрій Алексѣевичъ Долгоруковъ и дьяки Филиппъ Артемьевъ и Тимошей Антипинъ (П. С. З. т. I, ук. 29 март. 1667 г. № 405, стр. 675). Судьи назначались, получали содержаніе, были отвѣтственны и увольнялись отъ должности самимъ царемъ безъ сношенія съ церковною властію.

Предметомъ занятій приказа былъ судъ „во всякихъ истцовыхъ истцѣхъ“ (Улож. XIII, 1), то есть гражданскій судъ во всякихъ гражданскихъ искахъ на всѣхъ духовныхъ учрежденіяхъ и лицахъ. Приказъ разбиралъ всякіе гражданскіе иски одинаково и въ томъ случаѣ, если тяжущіяся стороны принадлежали одна къ духовному, а другая къ мірскимъ чинамъ, и въ томъ, если обѣ стороны были духовнаго чина. Такимъ образомъ существо монастырскаго приказа заключалось въ томъ собственно, что онъ былъ судебно-государственнымъ мѣстомъ для духовенства и подвѣдомыхъ ему людей въ гражданскихъ искахъ, то есть по вещнымъ и вотчиннымъ правамъ. Учрежденіемъ и дѣйствіями сего приказа уничтожалось старинное право, по которому духовенство и въ истцовыхъ искахъ считалось подсуднымъ церковному суду.

Пространство монастырскаго приказа было весьма широкое. Въ Уложеніи сказано: приказъ учреждается для суда „на митрополитовъ, и на архіепископовъ, и на епископовъ, и на ихъ приказныхъ и на дворовыхъ людей и на дѣтей боярскихъ и на ихъ крестьянъ, и на монастыри, и на архимандритовъ, и на игуменовъ, и на строителей, и на келарей, и на казначеевъ, и на рядовую братію, и на монастырскихъ слугъ, и на крестьянъ, и на поповъ, и на церковный причетъ“ (гл. XIII, ст. 1). Одинъ лишь святѣйшій патріархъ и его область по всякимъ исковымъ дѣламъ изъяты были изъ вѣдомства монастырскаго приказа (Улож. XII, ст. 1—2), но по городамъ, кромѣ Москвы, въ малыхъ искахъ прикащики и крестьяне патріарха были подвѣдомы низшимъ инстанціямъ приказа (*ibid.* гл. XIII, ст. 3).

Кромѣ дѣлъ собственно исковыхъ, монастырскій приказъ входилъ въ разсмотрѣніе и другихъ предметовъ, касавшихся духовенства. Такъ въ 1652 году изъ монастырскаго приказа выдана была калязвскаго Макарьева монастыря игумену Сергію съ братією царская жалованная грамота на безпшплиную покунку разныхъ запасовъ для монастырскаго обихода, какъ то: церковнаго вина, ладону, рыбы, соли и тому подобное, на сумму не свыше 2,000 рублей въ Нижнемъ Новгородѣ и другихъ торговыхъ мѣстахъ (П. С. З. т. I, ук. 20 авг. № 81, стр. 268—271). Вообще разсматриваемый теперь приказъ дѣлалъ многія дѣла внѣ круга его судебныхъ обязанностей (*Горчакова, Монастыр. приказъ, стр. 85*).

Въ производствѣ и рѣшеніи дѣлъ судьи монастырскаго приказа всецѣло руководствовались законами Уложенной книги какъ общими, такъ и тѣми, которыя постановлены собственно для приказа (гл. XIII, ст. 1—7).

Для прикащиковъ и крестьянъ, живущихъ, кромѣ Москвы, въ городахъ и разныхъ вотчинахъ, по искамъ до 20 рублей и выше, монастырскимъ приказомъ, по Уложенію, допущенъ былъ судъ, въ качествѣ нижней инстанціи приказа, у мѣстныхъ городскихъ властей, то есть у воеводъ. Статья по сему предмету изложена въ слѣдующей редакціи: „а которые патриарши, и митрополичьи, и архіепископли, и епископли, и монастырскіе, и боярѣ, и окольничихъ, и думныхъ и всякихъ чиновъ московскихъ людей прикащики и крестьяне живутъ въ городѣхъ во властелинскихъ и въ боярскихъ вотчинахъ и въ помѣстьяхъ: и на тѣхъ патриаршихъ, и митрополичьихъ, и на архіепископлихъ, и на епископлихъ, и на монастырскихъ, и на боярскихъ и всякихъ чиновъ людей, на прикащикеовъ, и на людей ихъ, и на крестьянъ въ городѣхъ всякихъ чиновъ городовыхъ людей, и на городовыхъ людей патриаршимъ и иныхъ властелинскимъ, и монастырскимъ, и боярскимъ, и окольничихъ, и думныхъ, и всякихъ чиновъ московскихъ людей прикащикомъ и крестьяномъ давать судъ по двадцать рублевъ, а больше двадцати рублевъ я въ вотчинныхъ и въ помѣстныхъ и въ холопнихъ дѣлѣхъ на нихъ въ городѣхъ

суда не давать, опричь тѣхъ городовъ, въ которыхъ городѣхъ по государеву указу бываютъ съ воеводами дьяки, и опричь понизовыхъ городовъ, которые города вѣдаютъ въ казанскомъ дворцѣ“ (Улож. гл. XIII, ст. 3).

Статья эта сама по себѣ ясна и не требуетъ толкованія. Иски прикащиковъ и крестьянъ духовнаго вѣдомства до двадцати рублей принимали и разрѣшали городскіе воеводы, а свыше сей суммы и по дѣламъ вотчиннымъ, помѣстнымъ и о холопѣхъ только у воеводъ съ дьяками, то есть въ приказныхъ воеводскихъ избахъ (П. С. З. т. I, ук. 23 авг. 1657 г. № 213, стр. 441—442).

Но тутъ есть одно обстоятельство, котораго никакъ нельзя упустить изъ виду. Какъ мы сказали выше, всякихъ чиновъ люди патриаршаго вѣдомства во всякихъ искахъ были изъяты отъ суда монастырскаго приказа. Приведенная статья показываетъ, что изъятіе не было полнымъ: патриаршіе прикащики и крестьяне въ Москвѣ по городамъ и вотчинамъ въ малыхъ искахъ до двадцати рублей и болѣе, а также по дѣламъ вотчиннымъ, помѣстнымъ и холопьямъ, по смыслу приведенной статьи, не подлежали суду патриаршихъ органовъ, а наравнѣ съ прочими людьми духовнаго вѣдомства обязаны были вѣдаться у городскихъ воеводъ. Такимъ образомъ судъ патриарха надъ своими людьми съ этой стороны былъ ограниченъ.

Сдѣлавъ важныя перемѣны относительно подсудности духовенства, монастырскаго приказа въ дѣятельности своей вышелъ изъ предѣловъ назначенной ему чисто гражданской юрисдикціи. Такъ на примѣръ онъ отбиралъ церковныя животы и помѣстья, занимался припискою однихъ монастырей къ другимъ, по своему усмотрѣнію смѣнялъ и назначалъ по монастырямъ архимандритовъ, игуменовъ и другихъ властей (Соловьева Ист. XI, 318), предписывалъ священникамъ исполнять ихъ обязанности, вступался во всякія церковныя дѣла и въ святительскіе суды (Горчакова, Монастыр. приказъ, стр. 91) и вообще простеръ свою власть на всю русскую церковь, избирая по своей волѣ и поставляя даже епископовъ.

Монастырскимъ приказомъ поэтому были недовольны оди назово какъ духовные, такъ и мірскіе люди. Недовольство духовенства съ особенною силою и мужествомъ было много разъ выражаемо изустно и на письмѣ тогдашнимъ знаменитымъ представителемъ всей православной русской церкви, патриархомъ Никеономъ. Но царь Алексѣй Михайловичъ, пока былъ живъ, не смотря на какіе протесты, поддерживалъ и хранилъ существованіе своего учрежденія. Такъ соборомъ 1667 года запрещено монастырскому и прочимъ приказамъ и воеводамъ производить судъ надъ духовенствомъ. Алексѣй Михайловичъ утвердилъ статьи собора. Были посланы повсюду, куда надлежало, и въ монастырскій приказъ памяти о неподсудности духовенства. Но монастырскій приказъ продолжалъ свое существованіе еще цѣлыя десять лѣтъ (ibid. стр. 95, 99—101).

Преемникъ же Алексѣя Михайловича, государь, царь и великій князь Феодоръ Алексѣевичъ, имяннымъ указомъ отъ 19-го декабря 1677 года (И. С. З. т. II, № 711, стр. 148) постановилъ: „монастырскому приказу не быть, а дѣла его вѣдать и доимочныя деньги выбирать въ приказѣ большого дворца боярину Матвѣеву съ товарищи“. Такимъ образомъ монастырскій приказъ послѣ двадцати восьми лѣтъ своего существованія былъ закрытъ и дѣла возвратились опять къ *statu quo ante* его учрежденія.

Объ изыятіи изъ вѣдомства монастырскаго приказа патриарха и его области :

(Откуда видно это изыятіе? Историческія причины его. Время, мѣста и дѣла суда на патриаршемъ дворѣ. О судоустройствѣ, производствѣ дѣлъ и апелляціи на патриаршій дворъ. Условіе, при которомъ патриаршіе люди до 1672 г. вѣдались въ разныхъ государственныхъ приказахъ. Назначеніе для нихъ въ означенномъ году одного приказа. Огьня неподсудности патриаршихъ людей въ малыхъ искахъ низшимъ городскимъ встанціямъ).

Изъ снесенія статей XIII-й главы Уложенія о монастырскомъ приказѣ со статьями XII-й главы его о *судѣ патриаршихъ всякихъ людей* открывается, что званіе святѣйшаго патриарха и



его область въ полномъ ея составѣ были изъяты изъ вѣдомства и суда монастырскаго приказа. Ибо въ статьяхъ его упомянуты раздѣльно всѣ духовныя чины отъ причетниковъ до митрополитовъ, но о патріархѣ умалчивается. Лица же патріаршей области вмѣсто монастырскаго приказа подчинены были во всякихъ дѣлахъ и искахъ на нихъ суду одного патріарха и подвѣдомыхъ ему судебно-административныхъ органовъ.

Это однакоже не доказываетъ, будто бы патріархъ всея Россіи стоялъ внѣ всякаго суда. Изъ исторіи уложеннаго періода видно, что и надъ патріархами существовалъ судъ. Челобитныя на нихъ могли быть подаваемы царю, какъ и подава была Алексѣю Михайловичу на патріарха Никона челобитная его врагами (*Соловьева* Ист. т. XI, стр. 289—292), и царь или самъ улаживалъ дѣло, если это оказывалось возможно, или же созывалъ соборъ для суда, какъ и было сдѣлано по дѣламъ патріарха Никона. Тѣмъ не менѣе и монастырскій приказъ по многосложности отношеній патріарха къ людямъ и жизни умѣлъ показать свою власть надъ самимъ Никономъ: ибо не напрасно же и не безъ причины патріархъ жаловался: „насъ самихъ и весь пресвященный соборъ мірскіе люди судятъ и называется тотъ судъ—монастырскій приказъ“ (*Горчакова*, Монастыр. приказъ, стр. 91—92).

А почему патріаршіе всякихъ чиновъ люди подчинены были во всякихъ дѣлахъ суду своего владыки, съ изъятіемъ изъ вѣдомства монастырскаго приказа, на это въ самомъ Уложеніи приведена слѣдующая причина: „потому что при прежнихъ государѣхъ, и блаженныя памяти при великомъ государѣ, царѣ и великомъ князѣ Михаилѣ Феодоровичѣ всея Русіи, ни въ которыхъ приказѣхъ на нихъ суда не давали, а судили ихъ на патріаршемъ дворѣ, что судныя дѣла слушаетъ и указываетъ патріархъ“ (гл. XII, ст. 1). Такимъ образомъ причины сего изъятія заключаются въ исторіи прежнихъ порядковъ, а именно въ несудимыхъ грамотахъ, изъ которыхъ одна пожалована была митрополиту всея Россіи Афанасію паремъ Іоанномъ Васильевичемъ и послѣдующими царями подтверждена и переписана на патріарховъ (П. С. З. т. I,

ук. 23 фев. 1657 г. № 200, стр. 417—419), а другая грамота была дана царемъ Михаиломъ Осодоровичемъ патриарху Филарету (ibid. ук. 25 фев. 1657 г. № 201, стр. 419—421). Статьи Уложенія о судѣ патриаршихъ всякихъ людей въ сущности изложены согласно съ этими несудимыми грамотами.

По Уложенію судѣ на патриаршемъ дворѣ происходилъ безсрочно, то есть во всякое время и по всякимъ дѣламъ, кромѣ уголовныхъ, на патриаршихъ приказныхъ, и на дворовыхъ людей, и на дѣтей боярскихъ, и на крестьянъ и на всякихъ чиновъ людей, которые живутъ въ патриаршихъ домовыхъ вотчинахъ (гл. XII, ст. 1). Подъ общимъ и неопредѣленнымъ выраженіемъ: *всякихъ чиновъ люди* разумѣются также и люди духовныхъ чиновъ, жившіе въ патриаршихъ вотчинахъ: архимандриты, игумены, попы, діаконы и прочіе. Ибо съ одной стороны во 2-й статьѣ монастырскаго приказа (Улож. XIII, 2) тщательно и съ подробностію перечислена подсудность монастырскому приказу всѣхъ духовныхъ чиновъ, но о чинахъ патриаршаго вѣдомства умолчано, а съ другой—эти послѣдніе чины со всею раздѣльностію поименованы въ несудимыхъ грамотахъ, на основаніи которыхъ Уложеніемъ организованъ судѣ патриаршихъ всякихъ чиновъ людей.

Судьями въ приказахъ патриаршаго двора были свѣтскіе чиновники, бояре съ дьяками, а послѣ 1667 года по дѣламъ церковнымъ и духовнымъ чины, какъ выше изложено. Но окончательный приговоръ по дѣламъ хотя бы и мирянъ исходилъ отъ лица самого патриарха.

Судныя дѣла производились приказными людьми по Уложенію, и въ случаѣ неправильнаго рѣшенія восходили, по апелляціямъ, въ боярскую думу и къ самому государю.

Свѣтскіе судьи патриаршаго двора въ такихъ случаяхъ судились также по Уложенію на общихъ основаніяхъ съ судьями государственныхъ приказовъ (ibid. ст. 1 и 2). Судныя дѣла слушалъ и указъ о нихъ чинилъ патриархъ (ibid. ст. 1). Но въ случаяхъ неправильнаго рѣшенія дѣла свѣтскому суду боярь и царя подвергались только патриаршіе приказные люди, а не патриархъ, такъ какъ отъ судей зависѣло исполнѣе производство дѣлъ,

ихъ направленіе въ ту или другую сторону и докладъ патріарху съ проэктомъ приговора.

Патріаршіе духовные люди, приказные, дворовые и крестьяне, по дѣламъ между собою и стороннихъ лицъ, судились въ патріаршихъ приказахъ на патріаршемъ дворѣ. Сами же они на всякихъ стороннихъ людей по Уложенію имѣли право вчинать дѣла въ государственныхъ приказахъ, напримѣръ судномъ, помѣстномъ и прочихъ, смотря по подсудности дѣла или лица. Но за то, въ случаѣ встрѣчныхъ исковъ со стороны противниковъ, патріаршіе люди и сами судились уже въ тѣхъ же приказахъ, то есть не имѣли права переносить дѣла на патріаршій дворъ (ibid. ст. 3).

Послѣдняя статья о правѣ патріаршихъ людей вчинать иски на какихъ людяхъ въ государственныхъ приказахъ, въ 1672 г. была замѣнена новымъ постановленіемъ. Къ означенному году число домовыхъ дѣлъ патріарха и его людей въ разныхъ свѣтскихъ приказахъ, особенно въ судебныхъ приказахъ владимірскомъ и московскомъ, было очень велико. Дѣла эти за множествомъ ихъ и „утѣсненіемъ“, лежали безъ рѣшенія, — отчего люди патріарха подвергались многимъ волонитамъ, терпѣли убытки и разоренія. Патріархъ Іоасафъ II за нѣсколько дней до своей смерти ходатайствовалъ у Алексѣя Михайловича, чтобы повелѣно было дѣла сего рода вѣдать не въ разныхъ, а въ какомъ либо одномъ приказѣ, на который государь укажетъ. Имяннымъ указомъ 28 января 1672 года (П. С. З. т. I. № 505, стр. 869—870) Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ все дѣла патріаршихъ людей вѣдать въ одномъ помѣстномъ приказѣ думному дьяку Герасиму Дохтурову съ товарищи, опречь татбы и разбою. Миряне и духовенство патріаршей области съ 1672 года имѣли право уже въ одномъ помѣстномъ приказѣ какъ искать на мірскихъ людей по всякимъ дѣламъ, такъ и отвѣчать по ихъ искамъ. Такое рѣшеніе было отступленіемъ отъ началъ стариннаго, и уложеннаго законодательства и выражало особую милость царя къ патріарху (*Дмитріева*, Ист. судебн. вистац. стр. 349).

Мы видѣли выше, что иски патриаршихъ приващиковъ и крестьянъ на небольшую сумму до 20 рублей и выше, а также въ дѣлахъ вотчинныхъ, помѣстныхъ и холопскихъ подлежали не патриаршему суду, а по 3-й статьѣ монастырскаго приказа суду городскихъ властей. Патриархъ Никонъ отмѣнилъ эту подсудность и возстановилъ свои патриаршія права въ прежнихъ границахъ. Ибо въ 1657 году 25 февраля царь Алексѣй Михайловичъ по его ходатайству подтвердилъ для него старинную патриаршую грамоту о неподсудности лицъ духовнаго вѣдомства и вотчинъ патриаршихъ и монастырскихъ государевымъ намѣстникамъ и волостнымъ начальникамъ (П. С. З. т. I, ук. № 200, стр. 417—419). Въ этой грамотѣ запрещено намѣстникамъ, волостелямъ и ихъ тиунамъ судить патриаршихъ людей гдѣ бы то ни было и въ чемъ бы ни было, опричь душегубства, а судить ихъ, сказано въ ней, самъ патриархъ или его приказыные люди.

Въ заключеніе замѣтимъ, что люди патриаршей области были изъяты отъ суда лишь одного монастырскаго приказа, а суду прочихъ приказовъ, какъ мы видѣли выше, подлежали.

Б) О другихъ государственныхъ приказахъ въ отношеніи къ духовнымъ лицамъ и церковнымъ дѣламъ по Уложенію.

(Подсудность духовенства и людей духовнаго вѣдомства, кромѣ монастырскаго, другимъ приказамъ царскимъ. Статья Уложенія относительно этой подсудности. Выводъ изъ этой статьи).

Мы видѣли, что люди патриаршаго вѣдомства могли вчинать свои иски въ разныхъ государственныхъ приказахъ; а съ 1672 года въ помѣстномъ приказѣ, и въ такомъ случаѣ сами ставились на судъ по встрѣчнымъ искамъ въ тѣхъ же приказахъ. Этотъ порядокъ былъ общимъ началомъ Уложенія, которое унаследовало его отъ законодательства старыхъ временъ. На основаніи этого начала всѣ духовныя чины отъ церковника до митрополита, за исключеніемъ патриарха, и всѣ люди, подвѣдомственные имъ, подлежали, кромѣ монастырскаго приказа, по гражданскимъ искамъ суду другихъ приказовъ государственныхъ, смотря по роду дѣла и по ли-

цамъ, съ которыми тягались, какъ-то: челобитенному приказу, судному, помѣстному и тому подобное.

Условіе, при которомъ возникала подсудность сего рода, выражено въ слѣдующей статьѣ монастырскаго приказа: „А которые митрополичьи, и архіепископли, и епископли, приказные, и дворовые люди, и дѣти боярскіе, и крестьяне, также — и разныхъ монастырей архимандриты, и игумены, и строители, и келари, и казначеи, и соборные и рядовые старцы, и монастырскіе слуги и крестьяне учнутъ въ которомъ приказѣ искати всякихъ чиновъ на людѣхъ, а отвѣтчики послѣ его отвѣту учнутъ по челобитницѣ на тѣхъ истцахъ искати своихъ исковыхъ дѣлъ; и тѣмъ отвѣтчикомъ на митрополитовъ, и архіепископовъ, и на епископовъ, и на архимандритовъ, и на игуменовъ, и на строителей, и на келарей, и на казначеевъ, и на соборныхъ и на рядовыхъ старцевъ, и на митрополичьихъ, и на архіепископлихъ, и на епископлихъ, приказныхъ и на дворовыхъ людей, и на дѣтей боярскихъ, и на монастырскихъ слугъ и на крестьянъ, по ихъ исковымъ челобитнымъ судъ давати въ тѣхъ же приказѣхъ противъ ихъ отвѣтчиковыхъ челобитенъ“ (Улож. XIII, 2).

Изъ этого видно, что Уложеніе строго преслѣдовало и поддерживало свое начало о подчиненіи всѣхъ чиновъ, кромѣ патріарха, духовнаго вѣдомства и всѣхъ мірянъ имъ подвѣдомыхъ по искамъ гражданскимъ разбору и суду приказовъ государственнаго устройства.

Само собою разумѣется, что царскіе указы разбирали дѣла духовныхъ людей съ мірскими и произносили по дѣламъ приговоры не иначе, какъ на основаніи Уложенія и новоуказныхъ статей его (Улож. гл. X, ст. I), ибо другихъ какихъ либо законовъ, напримѣръ хотя градскихъ, напечатанныхъ во 2-й части Никоновской Коричей книги, имъ, для дѣлъ между мірянами и духовенствомъ, не было дано въ руководство.

Однакоже съ одной стороны не всѣ лица духовнаго чина и вѣдомства, даже и внѣ патріаршей области, подлежали суду царскихъ учрежденій, а съ другой — были такія преступленія, по которымъ и духовные чины, по Уложенію, судились только въ цар-

скихъ судахъ. Эти двѣ неподсудности: гражданская и церковная, одна другой противоположныя, обуславливались: первая—существованіемъ такъ называемыхъ несудимыхъ грамотъ, а вторая—особеннымъ свойствомъ преступленій, а именно—ихъ уголовнымъ характеромъ. Такимъ образомъ необходимо сказать теперь: 1) о несудимыхъ грамотахъ и 2) о подсудности духовенства по уголовнымъ дѣламъ.

## 1.

Изъятіе изъ государственной подсудности лицъ духовнаго званія и вѣдомства по не удимымъ грамотамъ.

(Появіе о несудимыхъ грамотахъ. Текстъ уложенной статьи о нихъ. Статья эта касалась по городамъ и несудимыхъ грамотъ духовенства. Изображеніе особаго суда по содержанію несудимыхъ грамотъ. На какія преступленія не простиралось дѣйствіе сихъ грамотъ).

Несудимыя грамоты получили на Руси свое начало въ очень древнія времена. Великіе князья и цари жаловали ихъ духовнымъ властямъ и учрежденіямъ, а именно: патріархамъ, митрополитамъ и знатнѣйшимъ монастырямъ.

Сущность грамотъ состояла въ томъ, что люди, подчиненные извѣстному лицу или учрежденію, владѣющему несудимою грамотою, освобождались отъ государственнаго суда, а вѣдались судомъ и расправою за преступленія у своего патрона.

Очень нерѣдко несудимыя грамоты соединялись въ одномъ государственномъ актѣ съ другими, такъ называемыми *тарханскими* грамотами, о которыхъ сказано будетъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ. Такова наприимѣръ собственно тарханная грамота, данная патріарху Никону въ февралѣ 1653 года царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ при пожалованіи ему въ Астрахани учуга Камызякъ. Въ концѣ этой грамоты сказано: „въ Астрахани и по городамъ боярамъ и воеводамъ и всякимъ приказнымъ людямъ, его, патріаршихъ приказныхъ людей, и дѣтей боярскихъ, и промышленниковъ и прикащиковъ и всякихъ работныхъ людей ни въ какихъ дѣлахъ не судить“ (П. С. З. т. I, № 93, стр. 286). Изъ приписки видно, что область неподсудности патріаршихъ людей орга-

вашъ государственнаго суда находилась только въ Астрахани и по городамъ: это—неподеудность такъ связать собственно только городская.

Въ X-й главѣ Уложенія о судѣ, статья 153 относительно несудимыхъ грамотъ гласить слѣдующее: „а несудимыхъ грамотъ въ города никому не давать для того, что отъ несудимыхъ грамотъ въ городѣхъ всякимъ людямъ чинятся предажи и обиды и убытки великіе. А будетъ кому такіе несудимые грамоты въ города даны въ прошлыхъ годѣхъ: и такіе несудимые грамоты отетавить, а у кого такіе грамоты объявятѣд, и у тѣхъ людей тѣ грамоты взять и присылать къ государю къ Москвѣ въ тѣ приказы, изъ которыхъ приказовъ тѣ грамоты тѣмъ людямъ даваны“.

Трактуютъ обыкновенно, яко бы эта уложенная статья по смыслу и по существу своему совсѣмъ не затрогиваетъ несудимыхъ грамотъ духовенства и учрежденій церковныхъ (*Горчакова, Монастыр. приказъ, стр. 76 — 77*). Мы думаемъ напротивъ, что статья отмѣняла и эти послѣднія грамоты, дѣйствовавшія въ городахъ, оставляя лишь такія изъ нихъ, которыя даны для духовныхъ вотчинъ и помѣстій. Ибо, понятное дѣло, что работные люди и прикащики, напримѣръ патриарха Никона, прибывши въ какой-либо городъ для продажи и покупки, могли причинять въ немъ всякимъ людямъ обиды и убытки. А управы на нихъ тамъ не было, и неизвѣстно, гдѣ было искать ея. Въ вотчинахъ же и помѣстьяхъ такого неудобства не существовало. Тамъ на мѣстѣ организованъ былъ судъ, въ которому потерпѣвшая сторона во всякое время могла имѣть свободный доступъ. Какъ бы то ни было, 153 статья X-й главы и другія статьи Уложенія безъ сомнѣнія поколебали твердость церковныхъ несудимыхъ грамотъ и дѣйствіе ихъ въ городахъ и ввели въ принципъ уложеннаго законодательства ограниченіе и отмѣну ихъ, которая и состоялась, не дождавшись Петровскихъ реформъ. Царь Θεодоръ Алексѣевичъ, подтверждая старинную, времямъ Іоанна Васильевича, несудимую грамоту Глушицкому монастырю на Вологдѣ, сдѣлалъ слѣдующую ограничительную приписку: „а о нашихъ великаго государя доходѣхъ и о всякихъ поборѣхъ и о пошлинахъ и о городскихъ дѣлѣхъ и о суд-

ныхъ статьяхъ быть, какъ о томъ въ указѣ отца нашего государева, блаженныя памяти великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея великія, малыя и бѣлыя Россіи самодержца и въ соборномъ Уложеніи напечатано, и послѣ соборнаго Уложенія въ уставныхъ грамотахъ и въ боярскихъ приговорахъ написано“ (П. С. З. т. II, стр. 94). Впрочемъ такая приписка не во всѣхъ грамотахъ времени Θεодора Алексѣевича встрѣчается (*ibid.* стр. 422—435).

Такимъ образомъ отъзна несудимыхъ грамотъ сдѣлана была Уложеніемъ неполная и нерѣшительная. Вотъ почему мы видимъ, что послѣ Уложенія и старинныя несудимыя грамоты подтверждались и новыя жаловались царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и его преемникомъ. Не дальше какъ черезъ два года послѣ обнародованія Уложенія, а именно въ 1651 году царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ дана была несудимая грамота Никону, бывшему тогда новгородскимъ митрополитомъ. Въ 1657 году были имъ же подтверждены двѣ грамоты тарханныя на вотчины Троицко-Сергіеву монастырю (*ibid.* указы 20 мая 1657 г. № 205, стр. 422—429 и № 206, стр. 429—435), въ которыхъ говорится о неподсудности ихъ царскому суду.

Преемникъ Алексѣя Михайловича, царь Θεодоръ Алексѣевичъ, также подтвердилъ многія старинныя несудимыя и тарханныя грамоты съ несудимыми статьями (*ibid.* т. II, стр. 240—255). Такъ напримѣръ 10 марта 1677 года подтверждена имъ пожалованная Михаиломъ Феодоровичемъ грамота Глушицкому Покровскому монастырю на Вологдѣ объ освобожденіи монастыря и его вотчинъ отъ суда царскихъ намѣстниковъ (*ibid.* № 681, стр. 92—94).

По соображенію содержанія несудимыхъ статей, содержащихся въ несудимыхъ и тарханыхъ грамотахъ, судоустройство является въ слѣдующемъ видѣ.

1) Ни царскіе приказы, ни намѣстники, ни воеводы, ни приказные люди не имѣли права вступаться въ судныя дѣла людей и крестьянъ духовныхъ властей и монастырей, которые владѣли несудимыми грамотами. „А намѣстники наши вологодскіе и вологостели бохтоужскіе и ихъ тиуны, сказано въ грамотѣ Глушицкому монастырю, игумена Памву съ братією и ихъ людей и крестьянъ



монастырскихъ не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства, и разбоа и татьбы съ поличнымъ“ (ibid. стр. 93).

2) Если дѣло касалось архимандрита или монастырскихъ старцевъ, то его разбиралъ самъ царь или бояре, кому онъ приказеть, и царь же полагалъ рѣшеніе. Въ 1652 году Саввина монастыря казначей Никита, пришедши въ пьяномъ видѣ къ стрѣльцамъ, по распоряженію архимандрита стоявшимъ на монастырскомъ коюшенномъ дворѣ, ударилъ десятника посохомъ въ голову, а оружіе, сѣдла и зипуны стрѣлцкіе велѣлъ выбросить вонъ за дворъ. Царь Алексѣй Михайловичъ судилъ Никиту самъ и приказалъ галожить цѣпь на шею его и желѣзо на ноги (*Соловьѣва*, Ист. т. XII, стр. 340—342. См. еще: П. С. З. т. I, уѣ. 29 марта 1667 г. № 405 стр. 674 — 675).

3) Судныя дѣла всякаго рода между крестьянами своей вотчины разбиралъ, чинилъ по нимъ указъ и расправу самъ духовный владѣлецъ вотчины, наприхѣръ патриархъ или митрополитъ, или архимандритъ вотчиннаго монастыря, или игумень, или кому они приважуть, наприхѣръ посельскій старецъ, прикащикъ, приказные люди и т. п. (П. С. З. т. I, стр. 426. Также т. II, стр. 93).

4) Если судное дѣло завязалось между крестьянами духовнаго вѣдомства и лицомъ стороннимъ, наприхѣръ посадскимъ человѣкомъ, то временно, именно на сей случай, устраялся судъ *смѣстный* (совмѣстный) изъ судей той и другой стороны. Наприхѣръ царскій намѣстникъ и архимандритъ монастыря или, по ихъ полномочію, ихъ приказные люди разбирали дѣло и постановляли рѣшеніе (*locis citatis*).

5) Приговоръ смѣстнаго суда приводили въ исполненіе надъ монастырскимъ человѣкомъ его духовная власть, а надъ стороннимъ человѣкомъ городскіе начальники или вообще — кому онъ подчиненъ былъ (ibid.).

Но дѣйствиіе несудимыхъ грамотъ никогда не простиралось на уголовныя дѣла, по которымъ даже лица духовнаго чина, по Уложенію, подлежали государственному суду, о чемъ вамъ теперь и слѣдуетъ сказать подробнѣе.

## 2.

О подсудности духовныхъ лицъ по уголовнымъ дѣламъ.

(Перечень уголовныхъ дѣланій уложеннаго періода. Подсудность духовенства по семи преступленіямъ до собора 1667 г. Постановленіе о семи собора. Повныя судныя статьи о томъ же предметѣ 1669 года. Заключеніе).

До сихъ поръ мы вели рѣчь о подсудности людей духовнаго чина и вѣдомства разнымъ приказамъ, церковнымъ и государственнымъ, по преступленіямъ духовнаго свойства и по искамъ судебно-гражданскимъ. Обзорѣніе наше не будетъ удовлетворительнымъ и полнымъ, если мы не скажемъ ничего объ уголовной подсудности духовенства.

Въ уложенный періодъ кругъ уголовныхъ преступленій составляли слѣдующія противозаконныя дѣванія: 1) татьбы церковныя и мірскія, 2) денежныя дѣла, т. е. дѣланіе фальшивыхъ денегъ, 3) разбой, 4) убійство, и 5) вѣдовство или колдовства равнаго рода (П. С. З. т. I, статьи 22 янв. 1669 г. № 442, стр. 800, ст. 1).

Лица освященнаго и монашескаго чина, тѣмъ болѣе конечно мірскіе люди духовнаго вѣдомства, даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ дѣйствовали несудимыя грамоты, по означеннымъ пяти уголовнымъ дѣламъ судились, по Уложенію, въ государственныхъ приказахъ, напримѣръ разбойники и убійцы — въ специальномъ разбойномъ приказѣ, въ Москвѣ, а въ провинціяхъ у воеводъ. Такъ въ Черчинскѣ, воевода Власовъ въ 1688 году вѣдалъ волшебныя дѣла вмѣстѣ съ дѣлами тативными, разбойными и убійственными (*Дмитріева*, Ист. судебн. инстанц., 1859 г., стр. 309).

Въ отношеніи къ лицамъ священническаго и иноческаго чина эта уголовная подсудность государственнымъ судамъ всѣхъ инстанцій продолжалась до московскаго собора 1667 года. Производство дѣлъ совершалось неизмѣнно такимъ же порядкомъ, какъ судились и мірскіе уголовники, безъ всякаго участія духовной власти въ судебномъ процессѣ и рѣшеніи дѣла.

Соборъ 1667 года отмѣнилъ эту подсудность, подчинивъ духовныхъ лицъ и по уголовнымъ дѣламъ церковному суду. „Архиреевъ, архимандритовъ и игуменовъ, священниковъ и діаконовъ и

монаховъ и инокинь и весь церковный чинъ и ихъ людей, постановилъ соборъ, мірскимъ людямъ ни въ чемъ не судити, а судити ихъ во всякихъ дѣлѣхъ архіереомъ, коемуждо во своихъ епархіяхъ, или кому повелятъ отъ духовнаго чина, а не отъ мірскихъ“ (П. С. З. т. I, выписка изъ дѣяній собора 17 іюня 1667 г. № 412, стр. 704).

Вопросъ о подсудности не остановился однакоже на этомъ слышемъ общемъ рѣшеніи, но развивался дальше и получилъ болѣе точныя опредѣленія. Тотъ же соборъ, обсуждая въ подробностяхъ уголовную подсудность лицъ священническаго и монашескаго чина, постановилъ правиломъ, чтобы эти лица, по означенной категоріи уголовныхъ дѣлъ, если они совершали какое-либо изъ нихъ *въ первый* разъ, подлежали одному суду церковному отъ мѣстнаго архіерея и, въ случаѣ доказанности преступленія, наказывались также только *церковно* по священнымъ правиламъ. Градскому суду и наказаніямъ по его законамъ за первое преступленіе духовныя лица не подвергались. Разумѣется, церковный судъ, дѣйствуя по своимъ законамъ, волшебниковъ, денежныхъ мастеровъ, татей, разбойниковъ и убійцъ извергалъ изъ духовнаго и монашескаго чина, и такимъ образомъ они становились для общества, наравнѣ съ прочими его членами, обыкновенными мірскими людьми простонароднаго чина.

Если же кто изъ лишенныхъ сана *вторично* впадалъ въ то же и въ другое изъ пяти уголовныхъ преступленій, то его, какъ состоящаго уже въ мірскомъ чину, надлежало, по опредѣленію собора, судить въ градскихъ судилищахъ и наказывать по градскимъ законамъ Уложенія съ новоуказными статьями.

Но дѣти духовенства и, разумѣется, всѣ мірскія лица духовнаго вѣдомства, по означеннымъ преступленіямъ, по рѣшенію того же собора, судились и наказывались отъ мірскихъ судилищъ (*ibid.* стр. 702 и 703).

Уголовная подсудность духовенства, установленная соборомъ 1667 года, дѣйствовала очень недолго. Въ 1669 году изданы были особыя церковно-гражданскія *статьи о слѣдствіи, судѣ и наказаніи людей духовнаго чина, которые обяжутся въ татъ-*

*бахъ, разбояхъ, дѣланіи фальшивой монеты и убійствахъ.* Въ этомъ оглавленіи статей не упомянуто волшебство, но въ самыхъ статьяхъ о немъ говорится также какъ объ уголовномъ преступленіи. Изъ церковной подсудности по этимъ преступленіямъ, кромя поповыхъ и діаконовыхъ дѣтей, изъяты еще поножари *неосвященные*, которыхъ судили какъ мірянъ, въ мірскихъ судилищахъ и по градскимъ законамъ. Что же касается до людей освященнаго и монашескаго чина, включительно до такихъ церковниковъ, которые, по тогдашнему выраженію, имѣли архіерейское обѣненіе, то для производства о нихъ дѣлъ по преступленіямъ уголовного характера постановлены были слѣдующія правила, которыя мы выписываемъ буквально, по невозможности передать нынѣшнюю рѣчью всѣ отѣнеи судопроизводства того времени.

1. Которые освященнаго, или монашескаго чину объявятся въ церковныхъ, или мірскихъ татьбахъ, или въ денежныхъ дѣлѣхъ, или въ разбояхъ, или въ убійствахъ, или въ вѣдствахъ, и пойманы и приведены будутъ въ города къ сыщикомъ, или сыщикомъ учинится вѣдомо отъ оговорныхъ людей, или по извѣту, и сыщикомъ тотчасъ посылать и безъ заказчиковъ, и велѣть имать; а для испытанія, дать вѣсть того города, въ которомъ будетъ сыщикъ, заказчику священнаго чину, которой учиненъ для тѣхъ дѣлъ отъ своего архіерея, а безъ заказчика духовнаго чину, не спрашивать.

2. А какъ заказчикъ въ съѣзжую избу придетъ, и ему велѣть сѣсть выше себя для того, что онъ духовнаго и освященнаго чину, и велѣть ему того освященнаго или монашескаго чину, которой приведетъ, ропрашивать подлинно съ великимъ испытаніемъ, и приводить ихъ къ покаянію отъ Божественнаго писанія и сказывать бы въ правду, не укрывая никого, а сыщикъ, тѣхъ освященнаго и монашескаго чину, не ропрашивать.

3. А будетъ воры на кого стануть говорить духовнаго жъ, или монашескаго чину, а они отъ тѣхъ мѣсть, гдѣ сыщики будутъ, въ дальнихъ мѣстѣхъ, и сыщикомъ, по той язычной молкѣ по нихъ посылать, и велѣть ихъ имать и приводить къ себѣ, а дорогою вести съ великимъ береженьемъ, и никакой налоги имъ не чинить; а какъ приведены будутъ, и ихъ велѣть ставить предъ заказчика, и ропрашивать ихъ заказчику жъ, и за пристава отдавать ему же кому онъ отдасть, или велѣть посадить въ тюрьму, и для береженья давать стрѣльцовъ.

4. А будетъ они заказчику не повинятся: и сыщикомъ велѣть приво-

дять въ сѣзжую избѹ для очныхъ ставокъ товарищевъ ихъ, которые были съ ними на татьбахъ, или на разбоихъ, или въ денежныхъ, или въ убивственныхъ дѣлѣхъ, или которые на нихъ учнутъ говорить, и ему тѣхъ воровъ роспрашивать при заказчикѣ, и заказчику говорить, чтобъ тѣмъ освященнаго, или монашескаго чину, съ тѣми ворами давать очныя ставки.

5. И будетъ они предъ заказчиками и съ очныхъ ставокъ виниться не учнутъ, и товарищи ихъ, которые приведены съ ними, или которые на нихъ говорятъ въ роспросѣ, и съ трехъ, или съ четырехъ пытокъ не сговорятъ: и тѣхъ освященнаго или монашескаго чину заказникомъ, скывавъ, отсылать ко архіереомъ, кто подъ чьею областью имѣется, ꙗ писать заказникомъ въ отпискахъ своихъ именно, да и сыщикомъ о томъ ко архіереомъ писать же, а для провожанія давать стрѣльцовъ.

6. И будетъ отъ архіереевъ къ сыщикомъ тѣ освященнаго или монашескаго чину присланы будутъ, а въ грамотахъ своихъ архіерея напишуть, что они за ихъ вины отъ священства отлучили, и прислали ихъ къ градскому суду: и сыщикомъ тѣхъ присланныхъ принимать, и чинить имъ указъ, по указу великаго государя и по Уложенью и по боярскому приговору, какъ и мірскимъ людемъ; кто чего доведется, безъ заказниковъ.

7. А будетъ на такихъ же воровствахъ пойманы и приведены будутъ поддьяконы, и поддьяки, и шѣвчіе: и ихъ велѣтъ роспрашивать, и въ чемъ съ ворами учинится споръ, очныя ставки давать заказчику же.

8. А будетъ на которыхъ учнутъ языки говорить, а они будутъ при архіереяхъ: и заказникомъ и сыщикомъ о томъ писать ко архіереомъ, а безъ ихъ архіерейскаго вѣдома, я не описався съ ними, сыщикомъ не имать.

9. А священническія и дьяконовскія дѣти и пономари неосвященные, если въ такихъ же воровствахъ объявятся, и тѣмъ по сыску чинити казни также, какъ и мірскимъ людемъ, кто чего доведется, не описываясь со архіереи и безъ заказчика.

10. Будетъ кто на кого изъ священнаго, или монашескаго чину какое воровство затѣють, а послѣ про то сыщется подлинно, что онъ то затѣялъ: и тѣмъ, которые затѣяли, учинитъ ту жъ казнь, чего было священникъ, или монахъ довелся; а того священника, или монаха обоганнаго, отпустить съ честію.

11. Также если съ другой, или съ третіей пытки воры, священнаго или монашескаго чину, воровство сговорятъ, и тотъ священникъ, или монахъ отъ сыщика да свободится со всякою честію (П. С. З. т. I, ук. 22 генв. 1669 г. № 442, стр. 800—801).

Такимъ образомъ одинъ церковный судъ съ наложеніемъ одного церковнаго наказанія дѣйствовалъ въ отношеніи къ духовнымъ лицамъ, впадшимъ въ уголовное преступленіе въ первый разъ, недолгое время, всего полтора года. Съ изданіемъ статей 1669 года порядокъ измѣнился. Уголовника изъ духовнаго чина сперва судилъ и наказывалъ отлученіемъ отъ священства или монашества церковный судъ, а потомъ онъ предавался другому градскому суду, который, по рассмотрѣніи дѣла, вновь приговаривалъ преступника и подвергалъ наказанію уже по градскимъ законамъ, то есть по Уложенію и новоуказнымъ статьямъ.

Судный порядокъ, установленный по уголовнымъ дѣламъ статьями 1669 года, дѣйствовалъ во всѣхъ епархіяхъ русской церкви. Патріархъ Іоакимъ въ 1688 году писалъ къ повгородскому митрополиту Корнилию, чтобы онъ своей епархіи „въ уѣзды на мѣста послалъ отъ себя духовнымъ закахникамъ указы“ такого содержанія: „буде по татинымъ и разбойнымъ дѣламъ прилучатся священническаго и монашескаго чина люди и церковные причетники, и ихъ къ градскому суду къ мірскимъ судьямъ для распросу и очныхъ ставокъ и съ языкомъ отсылать не велѣлъ, а велѣлъ тѣхъ языковъ для очныхъ ставокъ присылать въ свои митрополюи приказы къ закахникамъ, а буде по очнымъ ставкамъ и по розыску священническаго и монашескаго чину люди и церковные причетники прилучатся къ татинымъ и разбойнымъ дѣламъ, и языки съ пытокъ съ нихъ не стоворятъ, и таковыхъ обножа священства или монашества, отсылать къ градскому суду“ (О церкви. судоустройствѣ въ древней Россіи, стр. 94).

Въ такомъ видѣ оставалась уголовная подсудность духовенства до изданія „Духовнаго регламента“, который между прочимъ сократилъ предѣлы ея, отнесши напримѣръ волшебныя дѣла исключительно къ церковному суду.

О ДУХОВНЫХЪ ВЛАСТИТЕЛЬСКИХЪ ЧИНАХЪ И МОНАСТЫРЯХЪ — ПО  
УЛОЖЕНІЮ.

(Неблагопріятность статей Уложения для духовныхъ властей и монастырей. При-  
чины сего. Исчисленіе предметовъ подлежащихъ разбору въ этомъ отдѣлѣ).

Уложение коснулось духовныхъ властей и монастырей лишь съ одной, а именно — имущественной стороны. Но законы его въ этомъ направленіи были весьма чувствительны для монастырей и чиновъ всѣхъ степеней іерархіи. Существенныя причины неблагопріятныхъ для церкви имущественныхъ статей уложеннаго законодательства коренятся въ историческомъ развитіи вопроса о церковныхъ имуществвахъ и въ новыхъ, сравнительно со старинною, отношеніяхъ русскаго общества къ своей церкви, созрѣвшихъ и опредѣлившихся въ половинѣ XVII вѣка. Причины эти отчасти будутъ видны при самомъ изложеніи и разборѣ статей. Статьи же, подлежащія теперь разбору нашему, касаются разныхъ предметовъ, каковы: 1) отобраніе отъ духовныхъ властей и монастырей нѣкоторыхъ владѣній, 2) бѣглыхъ крестьянъ; 3) споры о границахъ и межахъ, 4) мѣна монастырскихъ имѣній, 5) запрещеніе пріобрѣтать вотчины, 6) тарханныя грамоты, 7) мыты, перевозки и мосты во владѣніяхъ духовнаго вѣдомства, 8) разныя жалованныя грамоты монастырямъ и 9) о монастырскихъ слугахъ и крестьянахъ.

1) Отобраніе отъ духовныхъ властей и отъ монастырей разныхъ  
владѣній.

(Челобитная выборныхъ людей по сему предмету. Ея вліяніе на Уложение. Статьи Уложения объ отобраніи отъ духовныхъ властей и монастырей въ казну слободъ, вотчинъ, вотчинныхъ сель и деревень и т. п. Трудность исполненія ихъ. Сужденіе относительно справедливости этой мѣры).

Выборные мірскіе люди, принимавшіе участіе на земскомъ соборѣ 1648 года въ составленіи Уложения, подали царю Алексѣю Михайловичу челобитную слѣдующаго содержанія. „На Москвѣ и около Москвы и въ городѣхъ, гдѣ прежде бывали выгоны для сѣота, устроены патріаршія, монастырскія, боярскія и другихъ чиновъ людей слободы и палины на государевой ископи вѣчно выгон-

ной землѣ. Въ посадахъ и въ слободахъ живутъ закладчики и ихъ дворовые люди; покупали себѣ и въ закладъ побрали тяглые дворы, и лавки и погреба каменные, торгуютъ всякими товарами, своею мочью и заступленіемъ тѣхъ, за кого заложились, откупаютъ таможи, кабаки и всякіе откупы, и отъ того они, служилые и тяглые люди, обнищали и одолжали, и промышленовъ своихъ многие отбыли. Искони при прежнихъ государяхъ на Москвѣ и въ городѣхъ всего Московскаго государства ничего такого не бывало, а вездѣ были государевы люди. Такъ государь пожаловалъ бы, велѣлъ сдѣлать по прежнему, чтобъ вездѣ было все государево“ (Ист. Соловьева, т. X, стр. 159—160). Государь принялъ во вниманіе эту челобитную земскихъ людей и содержаніе ея послужило основаніемъ многихъ статей XIX главы Уложенія: *о посадскихъ людяхъ*.

Такъ 1) всѣ слободы на Москвѣ и около Москвы, принадлежавшія іерархамъ епископскаго сана и монастырямъ, со всѣми торговыми и ремесленными людьми, кромѣ кабальныхъ, Уложеніемъ постановлено отписать за государя въ тягло и въ службы безлѣтно и безповоротно. Кабальныхъ же людей, вѣчныхъ, отдать тѣмъ людямъ, кому они принадлежали, и свести на свои дворы, а родившихся отъ посадскихъ людей или отъ государевыхъ крестьянъ, водворить на жительство въ посады. „А у патріарха, продолжаетъ Уложеніе, слободы на Москвѣ взяти советѣмъ, опричь тѣхъ дворовыхъ людей, которые взтари за прежними патріархи живали въ ихъ патріаршихъ чинѣхъ, дѣти боярскіе, пѣвчіе, дьяки, подъячіе, истопники, сторожи, повары и хлѣбники, конюхи и иныхъ чиновъ дворовыхъ его людей, которымъ дается годовое жалованіе и хлѣбъ. Пашенныхъ же крестьянъ, водворенныхъ въ слободахъ, свести въ ихъ прежнія помѣстья и вотчины, а ихъ лавки, погреба и соляныя варницы продать государевымъ тяглымъ людямъ, а имъ впредь тавихъ заведеній не держать“ (Улож. гл. XIX, ст. 1 и 5).

2) Слободы патріаршія, властелинскія и монастырскія, построенныя опричь Москвы, въ другихъ городахъ на государевыхъ посадскихъ и другихъ земляхъ, но безъ государева указа, со всѣми



людьми и землями взять въ посадъ безъ лѣтъ и безповоротно, за то, какъ приговариваетъ Уложеніе, что „не строй на государевѣ земляхъ слободъ и не покупай посадской земли“ (ibid. ст. 7).

3) Вотчины означенныхъ властей и учреждений, существующія на посадахъ и около посадовъ, взять за государя и устроить къ посадамъ податями и службами, а владѣльцамъ сихъ вотчинъ дать взаимнъ ихъ земли въ яномъ мѣстѣ изъ государевыхъ сель (ibid. ст. 8).

4) Вотчинныя и помѣстныя села и деревни тѣхъ же властей и учреждений, стоявшія рядомъ и около посадовъ, взять за государя и устроить ихъ съ посадами всякими податями и службами. Пашенныхъ крестьянъ описать государю статьею. Слободы, села и деревни, стоявшія близко отъ посадовъ, но населенныя такими торговыми людьми, которые изстари бывали посадскими жильцами, имѣвшими въ городахъ торговые промыслы, оставить за владѣльцами, а людей взять въ города, въ посадъ, на старыя ихъ тяглыя мѣста и устроить съ тяглыми посадскими людьми. А торговыхъ крестьянъ, которые объявятся по сыску, оставить на своихъ мѣстахъ, но отдать ихъ на брѣвкія поруки, чтобы впредь они не торговали, а заведенія свои — лавки, погреба и варницы продали бы тяглымъ людямъ (ibid. ст. 9).

5) Бывшихъ тяглыхъ людей, и жившихъ у нихъ сидѣльцевъ и наймитовъ, но потомъ оказавшихся въ закладчинахъ за патриархомъ, митрополитами, епископами, монастырями и на церковныхъ земляхъ, по сыску свести на старыя ихъ мѣста безлѣтно и безповоротно, впредь въ закладчики имъ самимъ не записываться, подъ опасеніемъ торговой казни и ссылки въ Сибирь, да и означеннымъ владѣльцамъ за себя ихъ въ закладчики не принимать, подъ опасеніемъ великой опалы отъ государя и отобранія въ казну земель, въ которыхъ такіе закладчики будутъ жить (ibid. ст. 13).

Приведеніе этихъ статей въ исполненіе отъ государства требовало напряженнаго труда, и вызвало въ разныхъ мѣстахъ Россіи громадный переполохъ въ хозяйствѣ властей, учреждений и частныхъ лицъ. Повсюду отъ приказа сыскныхъ дѣлъ посланы были

государевы чиновники, которые на основаніи межевыхъ, писцовыхъ и другихъ актовъ, отписывали церковныя владѣнія къ городамъ и посадамъ, торговыя и промышленныя заведенія у крестьянъ отбирали, дѣлали поручныя записи, чтобы имъ впредь лавою не держать и не торговать. съ подробностію съскивали и описывали дворы и людей, ихъ прежнія мѣста и теперешнія занятія, разрушали осѣдлости, кого слѣдовало, выводили на старыя жеребья и т. п. (И. С. З. т. I, ук. 8 мая 1650 г. № 35, стр. 229—235). Работа была кропотливая и тяжелая. Причиною же всего этого были не одинъ отводъ выгоновъ для скота, хотя и эта причина довольно уважительная, и выгоны дѣйствительно были отведены (Улож. XIX, 10), но и удовлетвореніе самой справедливости. Многія государственныя земли заняты были не по праву, безъ государева указа. Уложеніе восстанавливало нарушенное право государства, поворотивъ ихъ въ казну. Жители владычныхъ и монастырскихъ слободъ занимались торговлею, откупами и промыслами, а служебъ и государственнаго тягла не тянули, подрывая торги и промыслы городскихъ и посадскихъ людей, которые и подати платили и службы государю отбывали. Между тѣмъ въ качествѣ крестьянъ они не имѣли и права заниматься торговлею, промыслами и откупами. Право это принадлежало тогда городскимъ и посадскимъ людямъ.

Такимъ образомъ отобраніе слободъ и крестьянъ, совершенное Уложеніемъ по челобитью земства, въ основѣ своей опиралось на нужды государства и на требованіе самой справедливости. Законная справедливость настолько соблюдена была въ данномъ вопросѣ, что за вотчины, отобраніемъ которыхъ нарушалось право собственности духовныхъ властей и учреждений, уложено было давать имъ земли въ другихъ мѣстахъ изъ государственныхъ владѣній (Улож. XIX, 8).

Слободы и люди отобранны были въ казну, по приведеннымъ статьямъ Уложенія, также и отъ мірскихъ владѣльцевъ, какъ-то: бояръ, окольниковыхъ, думныхъ и ближнихъ, и всякихъ чиновъ людей. Крестьяне ихъ точно также лишены права на торговлю, откупа и ремесла, наравнѣ съ крестьянами духовнаго вѣдомства.

Бывъ общегосударственными, эти мѣры уравнивали одинаково всѣхъ владѣльцевъ, духовныхъ и мірскихъ, въ лишеніяхъ и потеряхъ. Какъ видится, одинъ патріархъ, неизвѣстно — почему, принесъ наибольшую жертву на пользу государства, такъ какъ въ Уложеніи постановлено: „а у патріарха слободы (собственно па Москвѣ) взяти совсѣмъ, oprичъ старинныхъ его дворовыхъ людей“ (Улож. гл. XIX, ст. 1).

2) Отвращеніе отъ духовныхъ властей и монастырей чужихъ бѣглыхъ крестьянъ и бобылей, жившихъ за ними.

(Повятіе о бѣглыхъ отъ свѣтскихъ вотчинниковъ. Закономъ Уложенія о возвращеніи ихъ. Трудность исполненія и справедливость этой мѣры. Отсутствіе въ Уложеніи обратныхъ законовъ о возвращеніи отъ свѣтскихъ владѣльцевъ бѣглецовъ духовнаго вѣдомства. Сужденіе о семъ).

Во время составленія Уложенія, земскому собору 1648 года было извѣстно, что многіе крестьяне и бобыли, бѣжавъ изъ государевыхъ дворцовыхъ сель, также отъ разныхъ мірскихъ вотчинниковъ и помѣщиковъ, жили за патріархомъ, митрополитами, архіепископами, епископами и за монастырями. Государственные и разныхъ вотчинниковъ крестьяне бѣгали отъ своихъ владѣльцевъ до и послѣ Уложенія долгое время. Духовныя же власти и монастыри такихъ бѣженцевъ гостепріимно брали къ себѣ на свои земли въ крестьяне, бобыли и половники (П. С. З. т. II, стр. 175).

Уложениемъ постановлено было такихъ бѣглецовъ сыскивать и по писковымъ книгамъ, хранившимся въ помѣстномъ и другихъ приказахъ, напримѣръ холопьемъ, они возвращаемы были на старыя ихъ жеребьи безъ урочныхъ дѣтъ съ женами и дѣтьми и со всѣми ихъ животы, и съ хлѣбомъ стоячимъ и молоченнымъ (гл. XI, ст. 1—3).

Приведеніе этой мѣры въ исполненіе также требовало отъ государства большихъ, сложныхъ и продолжительныхъ работъ. Нужно было подать челобитную о бѣглыхъ. Назначался сыжъ и судъ. Сыщики спрашивали людей всякаго чина „поразнь подлинно, кто изъ нихъ имени, въ которомъ городѣ или уѣздѣ или

за кѣмъ именемъ напредъ сего жили, и въ которомъ году съ посада, или изъ деревни, и изъ-за кого именемъ вышли, и въ которомъ году кто пришелъ и поселенъ на пашню въ домовыхъ и въ монастырскихъ вотчинахъ за архіепископа или за митрополита или за монастыри,—то все переписчики подъ всякимъ именемъ описывали въ книгахъ подлинно“ (П. С. З. ч. II, стр. 177). Книги эти поступали въ помѣстный и другіе приказы, которые повѣряли сказанія съ писцовыми книгами (Улож. XI, 1—2).

Но замѣчательно, что въ Уложеніи умолчано о возвращеніи отъ свѣтскихъ вотчинниковъ бѣглыхъ крестьянъ и бобылей, принадлежавшихъ духовнымъ чинамъ и учрежденіямъ. Умолчаніе это допущено не спроста: ибо о бѣглыхъ отъ свѣтскихъ вотчинниковъ и помѣщиковъ постановлена особая и притомъ обстоятельная статья (*ibidem*, ст. 2). Чѣмъ же объяснить это умолчаніе?

Если отъ монастырей и изъ вотчинъ, принадлежавшихъ духовнымъ властямъ, крестьяне и бобыли не перебѣгали къ мірскимъ владѣльцамъ, или перебѣжчики составляли весьма малое и рѣдкое явленіе, то конечно Уложеніе нельзя было бы упрекать въ несправедливости. Но перебѣжчики этого рода существовали и ихъ было много. Такъ въ 1667 году крестьяне Спасскаго Горнецкаго монастыря, новгородскаго уѣзда, отъ разоренья монастырскаго строителя Савватія, всѣ разбрелись въ разныя стороны, монастырскія вотчины опустѣли, такъ что некому было платить государственныхъ податей и монастырскаго тягла. Оказалось необходимымъ для поправленія дѣлъ приписать этотъ монастырь, и его приписали къ Юрьеву монастырю подъ вѣдомство архимандрита Θεодосія (П. С. З. т. I, ук. 29 марта 1667 г. № 405, стр. 674—675). Очевидно Уложеніе оказало несправедливость духовнымъ властямъ и учрежденіямъ, не постановивъ ничего о возвратѣ къ нимъ ихъ бѣглыхъ людей. Оправданіемъ такой несправедливости нельзя принять тенденцію Уложенія ограничить духовныя власти и учрежденія въ правахъ вотчинныхъ и имущественныхъ. А допустить, что составители Уложенія ненамѣренно потеряли изъ виду это обстоятельство, нѣтъ ни малѣйшаго основанія: ибо въ числѣ составителей были лица духовныя, которыя зорко

слѣдили за интересами церкви, да и вообще Уложеніе въ статьяхъ о взаимности правъ и обязанностей строго выполняло въ другихъ случаяхъ требованія правды и справедливости (гл. XIX, 8).

3) Законы Уложенія на случай споровъ о границахъ земельныхъ владѣній между собственниками духовными и мірскими

(Статья о семъ съ исчисленіемъ доказательствъ, на основаніи которыхъ разрѣшались споры о граняхъ и межахъ. При недостаткѣ доказательствъ употребленіе «образнаго хожденія». «Хожденіе» совершалось или по приговору суда или по жребію. Приказы, завѣдывавшіе производствомъ этихъ дѣлъ).

На случай споровъ о землѣ между крестьянами дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей съ крестьянами патриаршими, митрополличьими, архіепископскими, епископскими, монастырскими и другими вотчинными и помѣстными, въ Уложеніи установленъ особый судный порядокъ. „А будетъ государевыхъ дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей у крестьявъ земля будетъ смежна съ патриаршими, или съ митрополичьи, и со архіепископли, и епископли, и съ монастырскими, или съ помѣстными, и съ вотчинными землями, и въ такихъ смежныхъ земляхъ учинится споръ: и про такія спорныя земли сыскивати писцовыми и дозорными и отдѣльными книгами, и всякими крѣпостями и старожильцы и окольными всякими людьми, на которыхъ учнутъ слатися дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей крестьяне и вотчинники и помѣщики: и по сыску въ такихъ спорныхъ земляхъ указъ чинити, разводити тѣ спорныя земли съ старожильцы по старымъ межамъ и гранямъ“ (гл. X, ст. 235).

Если по недостаточности указанныхъ основаній разрѣшить споръ было невозможно, то дѣло рѣшалось *второй*, посредствомъ описаннаго нами выше «образнаго хожденія», а съ образомъ шелъ тотъ истецъ или отвѣтчикъ, кому въ судѣ дано было на душу (*ibid.* ст. 236). А если при производствѣ дѣла о спорной землѣ между самыми старожильцами этой земли обнаруживалось разногласіе, такъ что одни изъ старожильцевъ будутъ держать сторону истца, а другіе станутъ защищать права отвѣтчика: то истцу съ отвѣтчикомъ дати жеребей о томъ, кому изъ нихъ и противъ

которой старожильцовой скаски спорную землю съ образомъ отвести, и тому ту спорную землю съ образомъ и отвести (ibid. ст. 237).

Конечно кромѣ сихъ статей, въ спорахъ о межахъ и границахъ между духовными и мірскими владѣльцами, судьи руководствовались также дополнительными статьями по тому же предмету, положенными въ XVII главѣ Уложенія, подъ названіемъ о *вотчинахъ*. Тамъ призываются къ участию въ рѣшеніи споровъ межевщики, указывается какъ дѣлать межи и грани, узаконяется порядокъ, какъ и при комъ ихъ ставить, и межевщикамъ за неправду при разводѣ земель для своей корысти полагается торговая казнь (Улож. XVII, 50—53).

Судопроизводствомъ и рѣшеніемъ споровъ о межахъ и границахъ, по Уложенію, могли завѣдывать разные приказы съ подчиненными имъ инстанціями и административно-судебными органами (Улож. XVII, 52), какъ то: помѣстный приказъ, въ распоряженіи котораго находились источники доказательствъ по спорамъ, то есть писцовыя, межевыя и другія книги, монастырскій приказъ (Улож. XIII, 3), судившій вещественные всякіе иски между духовными и мірскими чинами, и судный приказъ, такъ какъ порядокъ судопроизводства по означеннымъ спорамъ установленъ въ статьяхъ X главы Уложенія о судѣ, написанныхъ по преимуществу для суднаго приказа. Вчинаніе иска въ томъ или другомъ приказѣ зависѣло и отъ выбора истца и отъ подсудности отвѣтчика (ibidem ст. 2 и 1). По спорамъ о землѣ Ивана Сытина и Романа Бобарыкина съ патриархомъ Никономъ дѣла производились по челобитью истцовъ въ монастырскомъ приказѣ, вслѣдствіе подсудности ему духовенства по гражданскимъ искамъ (*Михайловскаго*, Патр. Никонъ, стр. 219—225).

4) О мѣнѣ монастырскихъ имѣній по Уложенію

(Усвоеніе общаго права мѣны монастырямъ. Статья Уложенія о семъ. Властительскимъ чинамъ право сіе не было усвоено. Гдѣ и по какимъ статьямъ производилась мѣна помѣстій? Новоуказныя статьи 1677 г. относительно сего предмета. Выводъ о монастырскихъ заручныхъ).

Уложеніе дозволяло собственникамъ свободно мѣняться другъ съ другомъ своими помѣстьями и вотчинами по взаимному согласію. Это право было усвоено и монастырямъ.

„А будетъ которые помѣщики и вотчинники помѣстныя или вотчинныя свои земли учнутъ мѣнати которыхъ монастырей архимандритомъ, и игуменомъ, и строителемъ съ братією на монастырскія вотчинныя земли и учнутъ тѣ помѣщики, и вотчинники, и архимандриты, и игумены, и строители съ братією бити челомъ государю тѣхъ мѣновныхъ земель объ роспискѣ: и по ихъ полюбовному челобитію и по заручнымъ ихъ челобитнымъ такія земли за ними по тому же росписывати“ (Улож. XVI, ст. 2 и 4). Изъ этого видно, что правомъ мѣны пользовались только монастыри, а духовныя власти—патріархъ, митрополиты, архіепископы и епископы этого права не имѣли: ни въ Уложеніи, ни новоуказными статьями оно не было имъ усвоено.

Мѣна земель, въ томъ числѣ и монастырскихъ, производилась по заручнымъ челобитнымъ, подаваемымъ государю заинтересованными сторонами, и производилась въ помѣстномъ приказѣ на основаніи статей, подробно изложенныхъ въ XVI главѣ Уложенія, подъ названіемъ: *о помѣстныхъ земляхъ*.

Послѣ Уложенія не мало издано было въ дополненіе въ нему новоуказныхъ статей о помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ; статьи эти касались и мѣны ихъ между монастырями и свѣтскими вотчинниками. Такъ наприимѣръ въ Уложеніи не сказано, росписывать ли „перехожія чети за монастыри“? Боярскимъ приговоромъ по указу царя Ѳеодора Алексѣевича 25 іюля 1677 года вопросъ разрѣшенъ утвердительно.

„Которыхъ монастырей, сказано въ указѣ, архимандриты и игумены и строители изъ монастырскихъ земель учнутъ мѣнати

помѣщиковъ и вотчинниковъ переходя четверти, или помѣщики и вотчинники изъ помѣстныхъ и вотчинныхъ своихъ земель учнутъ мѣнять въ монастыри хотя небольшія переходя четверти, и тѣ переходя чети за монастыри и за помѣщики и за вотчинники, по заручнымъ челобитнымъ и по допросу, росписывать, въ челобитныхъ писаться тѣхъ монастырей архимандритомъ, и игуменомъ, и келаремъ, и казначесемъ и соборнымъ старцемъ; а въ которомъ монастырѣ соборныхъ старцевъ не будетъ, и къ тѣмъ мѣновымъ челобитнымъ велѣтъ руки прикладывать чернымъ священникамъ, чтобы впредь въ мѣновыхъ земляхъ спору не было“ (П. С. З. т. II, № 697, стр. 107—108).

Замѣчательно, что и въ Уложеніи и въ указѣ 1677 года законъ настойчиво требуетъ, чтобы монастырскія заручныя о мѣнѣ земель подписывались настоятелемъ съ соборною братією или по меньшей мѣрѣ съ іеромонахами, если нѣтъ при монастырѣ собора. То есть распоряженіе имуществомъ монастыря не довѣрялось и въ то время одному настоятелю, но коллегіально съ братією, для предупрежденія споровъ, для вѣрности и крѣпости сдѣлки.

5) О запрещеніи духовнымъ властямъ и монастырямъ приобретать вотчины

(Разсужденіе собора 1648 г. объ этомъ предметѣ. Текстъ запретительной статьи Уложенія о приобрѣтеніи вотчинъ. Разборъ и значеніе сей статьи. Другія статьи о томъ же предметѣ. О дачѣ духовнымъ властямъ и монастырямъ пустыхъ, дѣвкихъ полей).

На земскомъ соборѣ 1648 года, составлявшемъ Уложеніе, поднятъ былъ и весьма серьезно обсуждался вопросъ о правѣ духовныхъ властей и учрежденій, то есть монастырей и церквей, приобрѣтать земельныя имущества. Мірскіе члены собора высказались по этому вопросу отрицательно. Патріархъ и духовенство съ своей стороны согласились отказаться отъ этого стариннаго права, основы котораго были поколеблены гораздо ранѣе, и между прочимъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ съ согласія самаго патріарха Филарета Никитича (Улож. XVII, 10).

Запретительная статья о семъ изложена Уложеніемъ не безъ



особеннаго смысла и наміренія въ слѣдующей пространной и замѣчательной редакціи:

«Государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Русіи, совѣтовавъ со отцемъ своимъ и богомольцемъ святѣйшимъ Іосифомъ патриархомъ московскимъ и всея Русіи, и съ митрополиты, и со архіепископы, и съ епископы, и со архимандриты и игумены, и со всемъ освещеннымъ соборомъ, и говоря съ своими государевыми бояре, и съ окольничими и съ думными людьми, и съ стольниками, и съ стряпчими и съ дворяны московскими и съ городовыми дворяны и дѣтьми боярскими, указалъ и соборомъ уложили: впредь съ нынѣшняго уложенья патриарху, и митрополитомъ, и архіепископомъ, и епископомъ, и въ монастыри ни у кого родовыхъ и выслуженныхъ и купленныхъ вотчинъ не покупать, и въ закладъ не имати, и за собою не держати я по душамъ въ вѣчной поминокъ не имати ни которыми дѣлы; и въ помѣстномъ приказѣ за патриархомъ, и за митрополиты, и за архіепископы, и епископы, и за монастыри такихъ вотчинъ не записывать; а вотчинникомъ никому вотчинъ въ монастыри не давати. А кто и напишетъ вотчину въ монастырь въ духовной, и тѣхъ вотчинъ въ монастыри по духовнымъ не давати; а дати въ монастырь родителямъ (родственникамъ) ихъ деньги. чего та вотчина стоитъ, или что умершій вотчинѣ цѣну напишетъ въ духовной. А будетъ родители тоѣ вотчины себе взяти не похотятъ, и денегъ въ монастырь не заплатятъ: и ту вотчину прикащикомъ продать стороннимъ людямъ, а деньги дати въ монастырь по умершаго душѣ по духовной. А будетъ кто съ сего уложенья вотчину свою родовую, или выслуженную, или купленную продасть, или заложить, или по душѣ отдасть патриарху, или митрополиту, или архіепископу, или епископу, или въ которой монастырь: и та вотчина взяти на государя безденежно, и отдать въ роздачу челобитчиковъ, кто о той вотчинѣ учнетъ государю бити челомъ» (Улож. гл. XVII, ст. 42).

Во всемъ Уложеніи эта статья единственнѣйшая по своему особому изложенію, обстоятельности, полнотѣ и подробности. Въ ней выставляется единодушное согласіе царя, всего духовенства на соборѣ съ патриархомъ во главѣ и всѣхъ выборныхъ людей земства на уложеніе статьи, перечисляются всѣ духовныя власти и учрежденія, которымъ статья запрещаетъ приобрѣтать вотчины, о церквахъ же не упомянуто, потому что онѣ въ то время уже не имѣли правъ на приобрѣтеніе ихъ, указываются всѣ роды вотчинъ, на которыя наложено запрещеніе, а именно: родовыя, выслуженныя и купленныя, другихъ не было, помѣстныя же давались во вре-

менное лишь владѣніе, запрещены почти все дѣйствовавшія тогда между частными лицами способы передачи и пріобрѣтенія имущества, то есть покупка, закладъ, дареніе и завѣщаніе; говорится категорически, чтобы духовныя власти и учрежденія ни отъ кого вотчинъ не пріобрѣтали и чтобы никто изъ мірянъ вотчинъ своихъ въ духовное вѣдомство не передавалъ. Помѣстному приказу ставится въ обязанность не переводить вотчинъ отъ мірскихъ людей во владѣніе духовныхъ чиновъ и монастырей. Наконецъ утапавливается и наказаніе за неисполненіе закона, а именно: вотчины, отчужденныя въ духовное вѣдомство, отбирать на государя безденежно для раздачи челобитчикамъ. Такая редакція показываетъ, что законодатель Уложенія опасался неблагопріятнаго вліянія этой статьи на общество, что онъ много поработалъ своею головою надъ ней, чтобы предотвратить такое вліяніе, и что у него было непреклонное намѣреніе положить конецъ дальнѣйшему пріобрѣтенію вотчинъ духовными властями и учрежденіями.

За этимъ намѣреніемъ скрывалась въ зародкѣ другая мысль, осуществившаяся при императрицѣ Екатеринѣ II-й, лишить церковныя власти и учрежденія права собственности на имущества, которыми они уже владѣли фактически, поворотивъ ихъ въ казну. Но при Алексѣѣ Михайловичѣ эта мысль еще не созрѣла, и законодатель Уложенія еще не имѣлъ столько силы и мужества, чтобы обнародовать и исполнить такой законъ. Самая статья его о запрещеніи пріобрѣтати имущества при видимой полнотѣ и рѣшительности оказывается все еще и неполною и нерѣшительною. Ею не отмѣненъ способъ пріобрѣтенія вотчинъ посредствомъ пожалованія отъ царя, не потому конечно что Уложеніе такъ сказать запямятовало о немъ, а потому, вѣрнѣе, что запрещеніе такого рода не гармонировало съ правами царской власти, которая при Алексѣѣ Михайловичѣ впервые стала именоваться самодержавною. Наконецъ въ духовныхъ завѣщаніяхъ не воспрещалось отказывать вотчины въ монастыри, но только именно въ монастыри, а не влестительскимъ чинамъ, напримѣръ патриарху, митрополиту и другимъ. Только эти вотчины не поступали, если можно такъ выразиться, натурою во владѣніе монастырей, а за нихъ вносились

деньги, по стоимости вотчинъ, или наслѣдниками, или родными (Улож. XVII, 8) и сторонними людьми, купившими вотчину, а въ выморочныхъ вотчинахъ и казною (Улож. XVII, 45). Такое постановленіе почти равносильно поступленію вотчинъ во владѣніе монастыря, но подъ условіемъ обязательнаго ихъ выкупа въ собственность казны или мірскихъ людей. Такимъ образомъ запретительная статья Уложенія не отнимала права собственности у духовныхъ властей и монастырей на владѣнныя вотчины, а только прекращала расширеніе этого права на послѣдующее время.

Такъ какъ разсматриваемая статья не предусматривала пѣкоторыхъ частныхъ случаевъ, то на эти случаи—установлены Уложениемъ слѣдующія отдѣльныя правила:

а) матери и жены, по смерти своихъ дѣтей и мужей, могли пользоваться сами выслуженными ихъ вотчинами въ извѣстной долѣ пожизненно, но не имѣли права отдавать ихъ по душѣ, то есть на поминъ души духовенству (Улож. XVII, 2).

б) вотчинникъ или вдова, вступивши въ монашество, сами теряли право на владѣніе своими вотчинами, родовыми или выслуженными, или купленными, но также не имѣли права отдавать (т. е. дарить) ихъ и въ монастыри (Улож. XVII, 43).

в) незаконное владѣніе вотчинами, напримѣръ безъ купчей или закладной и тому подобное, каковыя случаи могли быть въ то время въ духовномъ вѣдомствѣ, наказывалось взятіемъ такихъ вотчинъ за государя (*ibid.* ст. 39).

Относительно Сибири существовалъ еще ранѣе Уложенія указъ царя Михаила Феодоровича, чтобы тамъ духовныя чины и монастыри безъ указа великаго государя ни которыми дѣлы не принимали въ свое владѣніе ни отъ кого ни угодій, ни земель, ни покосовъ, ни рыбныхъ ловель и тому подобное, подъ угрозою взятія ихъ за государя безденежно и безповоротно. Такъ какъ указъ этотъ съ теченіемъ времени утратилъ свою силу, то внукъ царя Михаила, государь царь Феодоръ Алексѣевичъ, подтвердилъ его въ 1678 году особою грамотою (И. С. З. т. II, № 731, стр. 175—178).

Постановивъ строгую запретительную статью для духовенства относительно вотчинъ, уложенное законодательство оказалось без-

сильнѣе выполнить ее въ точномъ смыслѣ слова. Въ Россіи тогда было множество порожнихъ и дикихъ земель. Въ интересахъ государства было населять ихъ и культивировать или обрабатывать. Въ центральныхъ мѣстахъ, напримѣръ недалеко отъ Москвы, въ новгородскомъ уѣздѣ и другихъ, такіа земли Уложеніемъ положено было продавать (гл. XVII, ст. 45, 46 и 47), а въ дальнихъ мѣстахъ ихъ отводили въ помѣстья и даже жаловали по челобитьямъ. Само собою разумѣется, что съ теченіемъ времени такіа пустыя и дикія земли неизбежно превращались въ вотчины. Не смотря на продажи и раздачи, сдѣланныя мірскимъ чинамъ, земель пустыхъ и дикихъ все-таки было многое множество. Почти самая необходимость требовала, чтобы пригласить и духовенство къ участию въ заселеніи и обработкѣ ихъ.

И вотъ въ 1672 году Алексѣй Михайловичъ имяннымъ указомъ 21 іюня разрѣшилъ давать патріарху, митрополитамъ, архіепископамъ, епископамъ и монастырямъ, по писцовымъ наказамъ, указныя статьи изъ дикихъ полъ въ двадцати-деяти городахъ: на Рязани, на Тулѣ, въ Калугѣ, въ Бѣлевѣ, въ Брянскѣ и другихъ (П. С. З. т. I. ук. № 521, стр. 899).

Въ указѣ не было выяснено, сколько кому давать дикихъ полъ. Въ 1673 году по этому предмету государю представленъ былъ особый докладъ. Составъ этого доклада по своей тонкости заслуживаетъ вниманія. Въ докладѣ написано, что де государь повелѣлъ давать духовнымъ чинамъ и монастырямъ дикія поля, а по сколько кому четвертей давать, того не изображено. Между тѣмъ въ Уложеніи, въ XVII главѣ въ статьѣ 42-й, запрещено духовнымъ чинамъ и монастырямъ пріобрѣтать имѣнія. И затѣмъ вопросъ поставленъ въ слѣдующей формѣ: „и буде великій государь укажетъ патріарху и митрополитамъ и архіепископамъ и епископамъ и монастырямъ дать дикаго поля, и по сколько кому четьи?“ При семъ монастыри поименованы лишь тѣ, которые показаны въ Уложеніи (гл. X, ст. 32—80), какъ древнѣйшіе и знатнѣйшіе. По этому докладу, не измѣняя прежняго указа, государь указалъ и бояре приговорили: „дать для хлѣбнаго пополненія въ украйныхъ городахъ изъ дикихъ полъ, въ которыхъ да-

вать указано: патриарху 2000 четвертей, прочим чинамъ епископскаго сана по 1200 четвертей, архимандритамъ: Троицы-Сергіева монастыря 900 четвертей, Рождественскаго монастыря, что во Владимірѣ, да Чудова монастыря по 800 четвертей, а остальнымъ по 500 четвертей (П. С. З. т. 1, ук. 2 мая 1673 г. № 549, стр. 932 и 933). Для практическаго осуществленія раздачи были изданы дополнителныя статьи и указы, въ которыхъ приняты во вниманіе наравнѣ съ мірскими также духовныя власти и монастыри (*ibid.* ук. №№ 552 и 554).

На пустоши, принадлежавшія фактически монастырямъ, которыя однакоже не значились въ монастырскихъ владѣнныхъ актахъ, являлись челобитчики и, опираясь на Уложеніе, просили имъ отдать ихъ во владѣніе. Такого рода дѣло производилось въ 1675 году относительно пустошей Саввина монастыря, которыми онъ владѣлъ въ звенигородскомъ и рузскомъ уѣздахъ (Улож. XVII, 45). Однакоже Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ написать пустоши за монастыремъ, а челобитчикамъ не отдавать (П. С. З. т. I, ук. 31 декабря 1675 г. № 592, стр. 997).

Въ приведенныхъ памятникахъ не объяснено, по какимъ причинамъ и для какихъ цѣлей правительство, очевидно вопреки своимъ принципамъ, стало едмо раздавать духовнымъ властямъ и монастырямъ поля, хотя пустыя и дикія. Полагаемъ, что это сдѣлаво по ходатайству одного изъ патриарховъ, при содѣйствіи боярской думы, для безобиднаго уравненія духовныхъ чиновъ и учреждений съ чинами свѣтскими, получавшими такого же рода земельныя надѣлы, въ видахъ государственной пользы, чтобы заселить и культивировать пустыя и дикія мѣста и, какъ замѣчено въ царскомъ указѣ 1673 года, для хлѣбнаго пополненія духовныхъ властей и учреждений.

6) О ТАРХАННЫХЪ ГРАМОТАХЪ ДУХОВНЫХЪ ВЛАСТЕЙ И МОНАСТЫРЕЙ ПО УЛОЖЕНІЮ И НОВОУКАЗНЫМЪ СТАТЬЯМЪ

(Понятіе о тарханыхъ грамотахъ. Молчаніе о нихъ Уложенія. Выдача и подтвержденіе тархановъ. Взглядъ на нихъ уложеннаго правительства. Мѣстная отгѣна тархановъ. Полная отгѣна тарханнаго права. Заключеніе).

Въ періодъ Уложенія существовали отъ прежнихъ временъ и выдавались вновь такъ называемыя *тарханы* или тарханныя грамоты, но въ тотъ же періодъ они были и отгѣнены окончательно. Тарханы выдавались царскою милостію духовнымъ властямъ: патриарху, митрополитамъ и знатнѣйшимъ монастырямъ.

Суть же ихъ заключалась въ томъ, что торговые промыслы, производившіеся въ пользу духовныхъ властей и учреждений лицами ихъ вѣдомства, освобождались на сушѣ и водѣ отъ таможенныхъ пошлинъ въ казну государя. Привиллегія очень важная и доходная.

Къ тарханнымъ грамотамъ, какъ и раньше было сказано, очень нерѣдко приписывались и несудимыя грамоты или статьи, то-есть дѣлалось изъятіе изъ подсудности государственнымъ учреждениямъ мірскихъ людей духовнаго вѣдомства. Такова напримѣръ старинная тарханная и вмѣстѣ несудимая грамота Троицко-Сергіева монастыря, въ 1657 году подтвержденная царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ (П. С. З. т. I, ур. 20 мая 1657 г. № 205, стр. 422—429) и многія другія.

Уложеніе не сказало ни слова о тарханахъ, ни pro ни contra, слѣдовательно оставило существованіе тархановъ и тарханнаго права въ прежнемъ ихъ состояніи.

Послѣ изданія Уложенія тарханы вновь выданы были патриарху Никою, напримѣръ въ 1653 году о пожалованіи ему въ Астрахани учуга Камизьякъ, о невятін сѣ промысловъ пошлинъ и о томъ, чтобы его приказные люди, боярскіе дѣти и рабочіе не подлежали общимъ гражданскимъ судамъ (П. С. З. т. I, февральскій указъ 1653 г. № 93, стр. 286). 26 октября 1668 года дана тарханная грамота Иверскому монастырю, вновь построенному Никою, и дана уже послѣ злополучной судьбы сего патриарха

(П. С. З. т. I, ук. № 438, стр. 752—761). Изъ данныхъ до Уложенія были подтверждены царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ тарханья и несудимыя грамоты Троицко-Сергіева монастыря (ibid. ук. 20 мая 1657 г. № 205, стр. 422—429 и ук. 20 мая 1657 г. № 206, стр. 429—435).

Считаемъ необходимымъ сдѣлать здѣсь по поводу тархановъ два замѣчанія: 1) тарханы не были исключительною привилегією духовенства. Правительство выдавало ихъ и свѣтскимъ людямъ русскаго происхожденія, также русскимъ инородцамъ, напримѣръ мурзамъ и татарамъ, и наконецъ иностранцамъ. Это дѣлалось очевидно съ благою общегосударственною цѣлю облегчить развитіе промысловъ и торговли. 2) Тарханы, выданные даже духовнымъ чинамъ и учрежденіямъ, не были патентами даровыми, безденежными. Тарханщики обязывались ежегодно вносить за свои промыслы и торгъ опредѣленный оброкъ въ казну. За тарханную грамоту учуга Камызякъ изъ патриаршей казны ежегодно поступало въ казну великаго государя на Москвѣ въ приказъ казанскаго дворца по 427 рублей 24 алтына съ деньгою,—сумма по тогдашнему времени весьма значительная (П. С. З. т. I, ук. № 507, стр. 874—875).

Правительство уложеннаго періода, стремясь къ уничтоженію всякихъ старинныхъ привилегій, къ сосредоточенію въ себѣ своихъ правъ и къ увеличенію доходовъ казны, хотя и терпѣло еще тарханы, но уже смотрѣло на нихъ очень неблагоклонно, такъ какъ тарханы лишали казну увеличенія доходовъ пропорціонально развитію промысловъ и торговли. Тарханщики же съ своей стороны содѣйствовали отчасти такому взгляду правительства, употребляя во зло свои привилегіи. Вслѣдствіе сего государство сперва начало по мѣстамъ отиѣнять тарханы, а потомъ, улучивъ удобную минуту, окончательно уничтожило повсюду тарханное право.

Первая отиѣнка тарханскихъ грамотъ послѣдовала въ 1672 году при слѣдующихъ обстоятельствахъ, которыхъ нельзя обойти молчаніемъ. Въ февралѣ мѣсяцъ этого года скончался святѣйшій патриархъ Іоасафъ. Въ періодъ междупатріаршества, когда еще шла рѣчь о выборѣ преемника Іоасафу, а именно: 1-го марта 1672 года

обнародованъ былъ именной указъ съ боярскимъ приговоромъ слѣдующаго содержанія: „тарханския грамоты, которыя даны патриархомъ и митрополитомъ и въ Троицкой Сергіевъ и въ иные монастыри на низовые насадные промыслы отставить (отмѣнить) и впредь никому въ тѣхъ мѣстѣхъ тарханамъ не быть“ (П. С. З. т. I, ук. № 507, стр. 874).

Такъ первая отмѣна тархановъ послѣдовала въ отношеніи къ промысламъ на низовыхъ городахъ, напримѣръ въ Астрахани и другихъ по Волгѣ и ея притокамъ. Слѣдовательно отмѣна была мѣстная. Въ отмѣнительномъ указѣ приведена и причина этой мѣры, а именно, что „тарханщики многіе товары провозятъ сверхъ жалованныхъ грамотъ лишніе и на насадѣхъ и на судахъ и въ паузкахъ кладутъ изъ разныхъ чиновъ торговыхъ людей всякіе товары и называютъ свои, провозятъ безъ пошлины, и отъ того въ городѣхъ въ таможенныхъ пошлинахъ чинятся недоборы“ (ibi-dem). Такимъ образомъ побужденіемъ къ отмѣнѣ тархановъ указаны двѣ причины: злоупотребленіе и недоборъ казны.

Сила же отмѣны грамотъ заключалась въ томъ, что послѣ указа о семъ, головами и пѣловальниками въ низовыхъ городахъ товары всякихъ промысловъ и людей досматривались и съ нихъ въ таможенныхъ избахъ по общегосударственному порядку собирались пошлины въ казну великаго государя. Но за то ежегодные оброки, вносимые тарханщиками, отмѣнялись.

Настоящимъ распоряженіемъ отмѣнены многіе тарханы, а именно: патриарха, двухъ митрополитовъ—казанскаго и астраханскаго, и монастырей: Троицко-Сергіева, Чудова, Свіяжскаго Богородицкаго, Казанскаго Преображенскаго и другихъ, а также—тарханы русскихъ людей, мурзь, татаръ и иноземцевъ.

Когда умеръ царь Алексѣй Михайловичъ, то тарханщики, духовные и мірскіе, обращались, по тогдашнему порядку, къ сыну и преемнику его—царю Θεодору Алексѣевичу съ челобитными о подпискѣ и перепискѣ на его великаго государя амя тарханскихъ грамотъ, данныхъ въ прежнее время. Въ началѣ царствованія своего онъ подтверждалъ своею подписью нѣкоторые тарханы. Но въ 1677 году государю доложены были о тарханахъ подробныя вы-



писки, и онъ, принявъ въ основаніе предыдущее распоряженіе 1-го марта 1672 года, имяннымъ указомъ 9-го августа 1677 года съ боярскимъ приговоромъ объявилъ слѣдующее рѣшеніе: „которыя жалованныя тарханныя грамоты прежнихъ государей царей и великихъ князей даваны въ монастыри и иныхъ чиновъ людямъ на соляные и на иные ихъ всякіе торговые промыслы, а на его великаго государя имя тѣ жалованныя тарханныя грамоты не подписаны и вновь не переписываны, а которыя на его великаго государя имя подписаны и вновь переписаны, оставить же, и впредь тарханомъ никому не быть, и съ патриарха и митрополитовъ и съ Троицкаго Сергіева и иныхъ монастырей, со всякихъ ихъ торговыхъ промысловъ такоженныхъ пошлины имать въ казну великаго государя на Москвѣ и въ городѣхъ такъ же, какъ и съ торговыхъ людей собирають“ (П. С. З. т. II, ук. № 699, стр. 109). Такъ окончило свое существованіе старинное тарханное право, которымъ долгое время пользовались духовные чины и монастыри православной русской церкви.

Вмѣстѣ съ тарханами потеряли право на существованіе и несудимыя грамоты, тѣсно связанныя съ ними. Мы полагаемъ, что не 153 статья X-й главы Уложенія о запрещеніи давать несудимыя грамоты городамъ, а указъ 9 августа 1677 года объ отмѣнѣ тарханнаго права послужилъ главнымъ основаніемъ къ отмѣнѣ несудимыхъ грамотъ духовенства и самаго права на ихъ существованіе.

Исторія Россіи отмѣну тарханнаго права ставитъ въ особую заслугу царствованія Феодора Алексѣевича.

#### 7) О мытахъ, перевозахъ и мостахъ по Уложенію

(Статьи Уложенія о семъ касались духовныхъ чиновъ и монастырей. Они обязаны были содержать въ исправности мыты и проч. Служилые люди пользовались безденежно мытами, перевозами и проч., торговые же платили деньги. Отлагательность и вредное вліяніе этихъ сборовъ. Указъ 1654 г., запретившій отдавать эти сборы на откупъ и установившій новыя облегчительныя правила для уплаты ихъ. Заключение).

Въ Уложеніи есть цѣлая глава, именно IX, состоящая изъ 20-ти статей, подъ названіемъ: *о мытѣхъ и о перевозѣхъ и о*

*мостахъ.* Статьи этой главы касаются духовныхъ чиновъ и монастырей наравнѣ съ другими государственными чинами и учреждениями. На основаніи ихъ патріархъ, митрополиты, архіепископы, епископы и монастыри обязаны были на своихъ вотчинныхъ земляхъ содержать въ исправности на свой счетъ дороги, гати, перевозки, мосты, постоянные дворы и т. п. (гл. IX, 12). Служилые люди и товары ихъ пропускались по мытамъ, мостамъ и перевозамъ и стояли на дворахъ духовнаго вѣдомства безплатно (гл. IX, ст. 1 и 8). А съ торговыхъ людей и съ товаровъ, которые провозились для продажи, въ пользу духовныхъ владѣльцевъ собирались деньги за мыто, перевозки, мосты и за постоялово (*ibid.* ст. 4, 8 и 12).

Сборы эти отягощали народъ, вредили развитію народной промышленности и торговли, и бывали причиною государственныхъ недоимокъ, особенно у тѣхъ земельныхъ владѣльцевъ, которые эти доходныя статьи отдавали на откупъ. Духовныя власти и учреждения, подобно прочимъ вотчинникамъ, и сами отъ себя держали мыто, перевозки и мосты, и также отдавали на откупъ. Откупщики же, по тогдашнему выраженію (II. С. З. т. I, стр. 330), подобно мытарямъ, сидя по дорогамъ у мытовъ и мостовъ, брали лишнее противъ указовъ, придирались безъ причины къ торговымъ людямъ, задерживали товары и причиняли торговцамъ не только великіе убытки, но и полное разоренье. По вліянію патріарха Никона, царь Алексѣй Михайловичъ уставною грамотою 30 апрѣля 1654 года, написанною въ духѣ и краснорѣчіежъ церковной литературы того времени, отъбилъ всякія проѣзжія пошлины, запретилъ отдавать мыто, перевозки и мосты на откупъ, а вмѣсто всего этого установилъ брать въ казну торговую рублевую пошлину, а для частныхъ людей на ихъ рѣкахъ и перевозахъ назначилъ умѣренную таксу, напримѣръ съ безтоварной телѣги 4 деньги, съ шѣшаго человѣка по деньгѣ и т. п., а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и безденежно. Правила сей грамоты, составляя дополнителныя статьи къ IX главѣ Уложенія, обязательны были одинаково какъ для мірскихъ, такъ и для духовныхъ чиновъ и учреждений (II. С. З. т. I, ук. № 122, стр. 329—332). Имяннымъ указомъ 1661

года по челобитью властей Симонова монастыря повелѣно было въ ихъ вотчинѣ въ селѣ Васьегономъ углицкаго уѣзда съ проѣзжихъ людей со всякихъ товаровъ, по грамотѣ 1654 года, брать рублевую пошлину на церковный обиходъ, а всякіе другіе сборы: мытовое, полозовое, поголовщину, съ телѣгъ и т. п. оставить (П. С. З. т. I, ук. № 318, стр. 565). Означенная уставная грамота 30 апрѣля 1654 года написана была въ двухъ *изображеніяхъ* (спискахъ): одно изъ нихъ за царскою рукою и златою печатью положено въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, а другое такое же въ казнѣ (приказѣ большой казны) царскаго величества (*ibidem*, стр. 332).

На счетъ перваго изъ сихъ изображеній, о причинѣ положенія его въ Успенскомъ соборѣ, сказано, „яко да будетъ сама небесная Царица Богородица и россійстїи чудотворцы сіе наше царское повелѣніе соблюдающе, и хранящїимъ е невредимо, во благихъ поспособствующе, дерзающїимъ же еще и мало сіе наше государское законоположеніе разрушити, нежилостивъ судъ наносяще“ (П. С. З. т. I, стр. 332).

8) О РАЗНЫХЪ ЖАЛОВАННЫХЪ ГРАМОТАХЪ УЛОЖЕННАГО ПЕРІОДА, ВЫДАВАННЫХЪ МОНАСТЫРЯМЪ ПО ПРЕДМЕТАМЪ ИХЪ СОДЕРЖАНІЯ

(Государственный характеръ этихъ грамотъ. Примѣры ихъ. Какъ смотрѣть на выдачу ихъ. О платѣ монастырями разныхъ пошлинъ за грамоты и вообще—по искамъ).

По челобитнымъ монастырей правительство уложеннаго періода оказывало имъ разныя милости и пособія въ ихъ нуждахъ не лично и простымъ подаваніемъ, а въ законодательномъ порядкѣ и на счетъ государственныхъ способовъ. Въ 1657 году Алексѣй Михайловичъ далъ жалованную грамоту Печерскому монастырю во Псковѣ на сборъ подѣ монастыремъ и на Желазкомъ острогѣ таможенной пошлины въ монастырь на церковное строеніе. 28 февраля 1678 года царь Феодоръ Алексѣевичъ подтвердилъ эту грамоту своимъ имяннымъ указомъ (П. С. З. т. II, ук. № 720, стр. 153).

Въ 1666 и 1669 годахъ Алексѣй Михайловичъ далъ жалованную грамоту Корниліеву Комельскому монастырю на Вологдѣ

на сборъ таможенной конской пошлыны, прежде поступавшей въ казну государя, во время торжковъ въ монастырѣ и въ селѣ Грязлевицкѣ съ назначеніемъ собранныя деньги употреблять на свѣчи, лѣтошь и всякую утварь. Царь Феодоръ Алексѣевичъ указомъ 20 февраля 1677 года подтвердилъ эту грамоту (П. С. З. т. II, ук. № 676, стр. 88—89).

Въ 1686 году государи Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи, имяныиъ указомъ 29 января, подтвердили прежнія грамоты, данныя Тихвинскому и Макарьевскому монастырямъ о сборѣ въ пользу ихъ таможенныхъ и помѣрныхъ <sup>1)</sup> пошлынь, на годовыхъ ярмаркахъ, бывающихъ при этихъ монастыряхъ (ibid. т. II, ук. № 1160, стр. 735—737).

Такого рода грамоты въ теченіе уложеннаго періода много и подтверждено было и вновь выдано. На выдачу ихъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на способы восполненія тѣхъ лишеній, которыя понесли монастыри съ сокращеніемъ ихъ правъ на пріобрѣтеніе земельныхъ владѣній и съ уменьшеніемъ доходовъ отъ разныхъ статей экономическихъ, въ родѣ тархановъ, мыта, мостовщины и т. п. Эти именно мотивы приводились въ челобитныхъ монастырей о выдачѣ грамотъ, напримѣръ въ упомянутой выше челобитной Симонова монастыря (П. С. З. т. I, ук. № 318, стр. 565). Но въ основѣ ихъ лежалъ исконный обычай жаловать монастыри милостивыми грамотами.

Но по грамотамъ и по челобитьямъ монастыри обязаны были Уложеніемъ платить разныя пошлыны, напримѣръ судныя (Улож. X, 124), печатныя (за приложеніе печати) по двадцати пяти алтынъ (Улож. XVIII, 42 и 62), подписныя и т. п. Нѣкоторыя же изъ монастырей, напримѣръ Троицы-Сергіевъ, освобождались отъ всякихъ пошлынь, печатныхъ и подписныхъ (ibid. ст. 59). Монастырь Спаса Новаго изъять былъ отъ пошлынь за грамоты „для государскихъ родителей“ (ibid. ст. 60).

<sup>1)</sup> Помѣрною называлась такая пошлыня, которая взималась за помѣръ продаваемыхъ товаровъ, напримѣръ за четверникъ ржи, за мѣрку овса и т. п.

9) О СЛУГАХЪ И КРЕСТЬЯНАХЪ ДУХОВНЫХЪ ВЛАСТЕЙ И МОНАСТЫРЕЙ ПО  
УЛОЖЕНІЮ

(Различіе слугъ отъ крестьянъ. Изстаринные слуги не отбирались отъ духовныхъ властей и монастырей. Запрещеніе ихъ слугамъ и крестьянамъ владѣть вотчинами, торговыми и промышленными заведеніями въ городахъ, заниматься откупными. Гдѣ и какой торгъ Уложеніемъ былъ разрѣшенъ имъ? О платежѣ ими пошлынъ и вытей. Отбываніе слугами и крестьянами духовныхъ властей и монастырей ратной службы. Сборъ съ нихъ на ратныхъ людей. Общее заключеніе и примѣръ изыатія означенныхъ людей отъ повинностей по тарханымъ грамотамъ).

Для окончанія настоящаго отдѣла о влестительскихъ чинахъ и монастыряхъ, намъ остается еще сказать объ ихъ слугахъ и крестьянахъ, такъ какъ Уложеніе посвятило имъ нѣсколько статей.

Слугами Уложеніе называетъ дворовыхъ людей чиновъ влестительскихъ и монастырскихъ, которые, не имѣя земли, жили на жалованьи у архіереевъ и при монастыряхъ. Это боярскія дѣти, пѣвчіе, дьяки, подъячіе, истопники, сторожа, повара, хлѣбники, конюхи и т. п. Мы видѣли, что крестьянъ Уложеніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ отбирало отъ духовныхъ властей, но слугъ, по крайней мѣрѣ изстаринныхъ, то есть природныхъ, оставляло за ними (Улож. XIX, 1).

Слугамъ и крестьянамъ влестительскихъ чиновъ и монастырей Уложеніемъ строго было запрещено вотчины покупать и въ залогѣ за собою держать. Съ изданія Уложенія такія вотчины отбирались на государя и раздавались въ помѣстье челобитчикамъ, кто за ними ту вотчину сыщетъ (Улож. XVII, 41). Запрещеніе это простиралось одинаково и на боярскихъ людей или слугъ.

Монастырскимъ слугамъ и крестьянамъ обще съ крестьянами мірскихъ чиновъ Уложеніемъ запрещено было также пріобрѣтать въ городахъ тяглые дворы, лавки, погреба, анбары и солянныя варницы и владѣть ими, подъ угрозою имъ за неисполненіе сего закона наказанія торговою казнію и отобранія означенныхъ владѣній на государя безденежно (гл. XIX, 15).

На счетъ откуповъ Уложеніемъ постановленъ слѣдующій общій законъ: „а отдавати таможни, кабаки и иные всякіе откупы, на откупъ государевымъ посадскимъ людямъ и дворцовыхъ сель и

волоостнымъ крестьянамъ, а инымъ ничьимъ людямъ и крестьяномъ **ниязкихъ** откуповъ на откупъ не отдавати (гл. XVIII, ст. 23. **Свеси:** гл. IX, ст. 6), то есть слуги и крестьяне духовныхъ властей и монастырей не имѣли права брать на откупъ никакихъ доходныхъ статей ни отъ государства, ни отъ частныхъ лицъ.

Точно также на мытахъ, перевозахъ и мостахъ, въ городахъ и уѣздахъ, въ государевыхъ дворцовыхъ селахъ и черныхъ волостяхъ, головами и цѣловальниками не имѣли права быть монастырскіе, духовныхъ властей и иныхъ чиновъ люди и крестьяне, а пользовались этимъ правомъ только посадскіе люди и крестьяне дворцовыхъ сель (гл. IX, ст. 6).

Но крестьянамъ духовныхъ властей и монастырей, обще съ крестьянами мірскихъ владѣльцовъ, Уложеніе разрѣшало торговать въ Москвѣ и въ городахъ всякими товарами изъ сельскаго хозяйства и промышленности, такъ однакоже, чтобы имъ тѣ товары продавати по вольнымъ торгомъ безопасно, на гостинѣ дворѣ съ возовъ и струговъ, а въ рядахъ лавокъ не покупати и не наймывати (гл. XIX, ст. 17. Св. тамъ же, ст. 15).

Слуги и крестьяне всѣхъ монастырей, за исключеніемъ Троицко-Сергіева и Новоспаскаго, обязаны были Уложеніемъ во всякихъ дѣлахъ съ грамотъ платити пошрины въ казну государя по указу (Улож. XVIII, 62).

За людей, оговоренныхъ въ уголовныхъ преступленіяхъ, но послѣ оговора убѣжавшихъ изъ вотчинъ властелинскихъ и монастырскихъ, съ слугъ и крестьянъ ихъ взымались выти съ порукою снскивати бѣглецовъ (*ibid.* гл. XXI, ст. 77).

Въ VII главѣ Уложенія постановлены правила о службѣ всякихъ ратныхъ людей Московскаго государства, но въ нихъ ничего не сказано особо о слугахъ и крестьянахъ духовныхъ властей и учреждений. Изъ исторіи же извѣстно, что эти слуги и крестьяне, на основаніи правилъ означенной главы, подлежали ратной службѣ и по указамъ государя отбывали еѣ на общемъ положеніи. Такъ имяннымъ указомъ 15 іюля 1657 года собрано было въ новгородскомъ и старорусскомъ уѣздахъ, съ вотчинъ **патріарха Никона**, новгородскаго митрополита **Макарія**, также съ вотчинъ **московскихъ**

и новгородскихъ монастырей и съ церковныхъ вотчинъ значительное количество „добрыхъ мужиковъ“ на государеву службу въ пѣшемъ строѣ на время, для обереганья русскихъ границъ отъ прихода нѣмецкихъ людей и латышей (П. С. З. т. I, ук. № 208, стр. 435—436).

Ратнымъ людямъ давалось изъ казны государево жалованье (Улож. VII, 1) съ разными принадлежностями ихъ службы. Но деньги на сей расходъ одинаково собирались со всего Московскаго государства, и въ томъ числѣ съ патриаршихъ, властелинскихъ и монастырскихъ вотчинъ (П. С. З. т. I, ук. 15 іюня 1661 г. № 322, стр. 567).

Вообще слуги и крестьяне духовнаго вѣдомства, по Уложенію, были привлечены къ исполненію всякихъ государственныхъ повинностей, и только жалованныя тарханныя грамоты освобождали ихъ иногда отъ многихъ изъ повинностей. Такъ напримѣръ, по Уложенію, слуги и крестьяне духовнаго вѣдомства были обязаны съ прочими земскими людьми принимать участіе въ постройкѣ тюремъ, ставить отъ себя по выбору благонадежныхъ стражниковъ и содержать ихъ на свои сборныя деньги (гл. XXI, ст. 97). Но по тарханнымъ грамотамъ, означенные слуги и крестьяне освобождались отъ сей земской повинности (П. С. З. т. I, ук. № 205, стр. 424).

### О ЦЕРКВАХЪ.

(Скудость статей Уложенія о приходскихъ церквахъ. Сведеніе тяглыхъ людей съ церковныхъ земель. Запрещеніе бездѣтнымъ вдовамъ давать вотчины церквамъ по душѣ. Новоуказная статья 1676 г. о церквахъ и положеніе ихъ по сей статьѣ. Статья 1677 г. и заключеніе объ отношеніи уложеннаго законодательства къ церквамъ).

За исключеніемъ утвержденія права частной собственности надъ церковными зданіями, о чемъ нами было сказано въ первой части, Уложеніе только два раза упоминаетъ еще о приходскихъ церквахъ и то—не въ пользу ихъ.

До изданія Уложенія немногіе тяглые люди устроились было въ закладчикахъ на церковныхъ земляхъ и жили на нихъ, избы-

вая отъ тягла. По законамъ Уложенія ихъ свели на старыя ихъ тягла мѣста съ строгимъ запрещеніемъ впредь имъ поступать и духовенству принимать такихъ закладчиковъ (Улож. XIX, 13).

Еще приводится въ Уложеніи историческій указъ царя Михаила Феодоровича, въ которомъ бездѣтнымъ вдовамъ, получившимъ послѣ смерти мужей ихъ выслуженныя ими вотчины, запрещено было вотчины эти отдавать между прочимъ приходскимъ церквамъ *по души*, то есть на молитвенноз поминовеніе послѣ смерти (Улож. XVII, 10). Разумѣется, ятотъ указъ, бывъ внесенъ въ сводъ дѣйствующихъ законовъ Уложенія, служилъ основаніемъ, по которому вотчинныя земли уже не могли быть жертвемы въ пользу приходскихъ церквей. Однакоже отъ прежняго времени, то есть ранѣ воцаренія Михаила Феодоровича, у приходскихъ церквей еще оставались по мѣстамъ вотчины во владѣніи (И. С. З. т. I, ук. № 208, стр. 435), хотя такихъ церквей было весьма немного и вотчины у нихъ были небольшія. Сверхъ того, у большей части церквей имѣлись во владѣніи небольшіе участки ненаселенныхъ земель, которые обрабатывались прятками для своего содержанія. Эти вотчины и земли Уложеніемъ оставлены за церквами. Въ такомъ положеніи уложенное законодательство относительно приходскихъ церквей находилось съ 1649 года, то есть съ изданія Уложенія, до 1676 года, слѣдовательно болѣе четверти вѣка.

Въ 1676 году, при составленіи *новоуказныхъ статей о помѣстьяхъ*, царь Феодоръ Алексѣевичъ и боярская дума вспомнили о приходскихъ церквахъ. На рѣшеніе ихъ доложена была слѣдующая новая статья, какой въ Уложеніи не было: „буде кто помѣщикъ и вотчинникъ построитъ церковь на своей землѣ, а по писцовымъ книгамъ церковныя земли не написано, а помѣщики и вотчинники къ тѣмъ церквамъ поступаютъ изъ своихъ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель чети по 20 и по 30 и по 50, а иные поны бьютъ челомъ къ церкви о старыхъ прописныхъ церковныхъ земляхъ, а въ писцовыхъ книгахъ тѣхъ земель къ церквамъ не написано, а крѣпостей на тѣ земли не кладутъ, а иные бьютъ челомъ вновь къ церквамъ изъ порозжихъ земель.



А въ писцовыхъ наказѣхъ написано: велѣно къ церквамъ давать земель по 10, по 15 и по 20 чети. Такожъ которые поны учнутъ церковныя земли мѣняти разныхъ чиновъ съ помѣщики и вотчинники на помѣстныя и на вотчинныя: и къ церквамъ земли по поступкамъ изъ помѣстей и изъ порожнихъ земель давать ли, и помѣстныя и вотчинныя земли съ попами на церковныя земли мѣнять ли? Изъ доклада видно, что духовенство, старалось обезпечить церкви и себя ненаселенными землями, въ тоже время докучало правительству объ усвоеніи приходамъ тѣхъ правъ, которыя Уложеніемъ и указами даны были монастырямъ, а именно: о мѣнѣ земель, о дачѣ ихъ изъ пустыхъ и дикихъ полей.

Но по докладу сей статьи, *государь указалъ и бояре приговорили*: „къ церквамъ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель вновь не давать и въ помѣстномъ приказѣ не справливать ни по какимъ крѣпостямъ“ (П. С. З. т. II. ук. 10 марта 1676 г. № 633, ст. 14, стр. 21).

Печальный отказъ законодательной власти Уложенія давать приходскимъ церквамъ земли—совершенно повятепъ. Это есть логическій выводъ, но выводъ, доведенный до самой послѣдней крайности, изъ началъ, принятыхъ Уложеніемъ относительно аграрныхъ владѣній церкви.

Въ какомъ же положеніи очутились приходскія церкви и духовенство послѣ означенаго отказа? Въ положеніи худшемъ, чѣмъ до этого отказа. Старинныя церкви еще владѣли ничтожнымъ количествомъ (10—20 четей) земли, если она значилась у нихъ по писцовымъ книгамъ. Но тѣ изъ нихъ теряли и эту землю, которая не могли доказать на нее своего права ни по писцовымъ книгамъ, ни по крѣпостямъ. Къ стариннымъ же и къ новопостроеннымъ церквамъ запрещено было давать землю и изъ государственныхъ порожнихъ земель и даже—отъ частныхъ землевладѣльцевъ (хотя послѣдніе и желали бы сдѣлать для церкви пожертвованіе изъ своей собственности) даже въ количествѣ тѣхъ 10—20 четей, которыя назначены по писцовымъ наказамъ. Чинить мѣну неудобныхъ по чему либо церковно-приходскихъ земель на удобныя помѣщичьи и вотчинныя, при добромъ желаніи обеихъ сторонъ,

также не разрѣшено. Такимъ образомъ, приходскія церкви и служашее въ нихъ духовенство оставались безо всякаго обезпеченія, а существовали по милости и на счетъ, разумѣется, весьма скудныхъ добродѣтельныхъ даяній.

Въ 1677 году опять составлялись *новоуказныя статьи о помѣстьяхъ и вотчинахъ*. Опять доложена была въ числѣ прочихъ вышеприведенная статья съ указомъ на нее государя и приговоромъ боярской думы. Но видно опытъ, хотя и кратковременный, до очевидности показалъ жалкое положеніе приходскихъ церквей и духовенства, оставленныхъ безъ земли. А потому, какъ говорится въ законодательномъ актѣ, „въ нынѣшнемъ (т. е. 1677) году, бояре, сей статьи слушавъ, приговорили: отставить (отмѣнить) и помѣстныхъ и вотчинныхъ земель на церковныя земли не мѣнять, и изъ порозжихъ земель къ церквамъ земли не давать; а буде помѣщики или вотчинники учнутъ бить челомъ, чтобъ и изъ ихъ помѣстей, или изъ вотчинъ къ церквамъ дать земли, и по челобитью помѣщиковъ и вотчинниковъ, къ церквамъ земли давать изъ ихъ помѣстей, или вотчинныхъ земель, противъ писцовыхъ наказовъ по 20 и по 15 и по 10 четвертей“ (П. С. З. т. II, ук. 10 августа 1677 г. № 700, ст. 18, стр. 120).

Невольно рождается мысль, что уложенное законодательство относилось къ приходскимъ церквамъ и духовенству крайне неблагоприятно. Оставаясь вѣрнымъ прежнимъ своимъ установленіямъ, государственныхъ пустошей имъ не давало (П. С. З. т. I, ук. № 521, стр. 899), мѣняться землями, въ противорѣчіе своимъ же началамъ (Улож. XVI, 2 и 4), не позволяло, да и добрую волю помѣщиковъ съ вотчинниками въ поступкахъ землею на пользу церквей ограничивало лишь своею указною мѣрою 20—10 четвертями, тогда какъ вотчинники, сознавая скудость такой дачи, сами били челомъ о дачѣ 20—50 четвертей. Какъ бы то ни было, боярскій приговоръ 20 августа 1677 года оставался правомъ неизмѣнно дѣйствующимъ до церковныхъ реформъ, произведенныхъ Петромъ Великимъ.

На этомъ мы оканчиваемъ наше изслѣдованіе, такъ какъ въ уложенномъ законодательствѣ не имѣется болѣе никакихъ поста-

новленій относительно церкви. Конечно были и еще церковныя постановленія, даже очень важныя. Напримѣръ 27 ноября 1681 года издавъ былъ имянный указъ съ патріаршимъ приговоромъ: о именованіи архіереевъ по степенямъ и о придачѣ патріарху и въ каждую епархію подвластныхъ епископовъ, съ показаніемъ монастырей и количества дворовъ, назначенныхъ для ихъ содержанія (П. С. З. т. II, ук. № 898, стр. 362—366). Но такого рода постановленія стоятъ внѣ всякой связи съ Уложеніемъ 1649 года, а потому они никакъ не должны имѣть мѣста въ нашемъ сочиненіи.

### ЗАКЛЮЧЕНІЕ

(Общіе выводы: а) относительно источниковъ церковныхъ статей Уложенія, б) пространства ихъ примѣнимости къ русской церкви, в) предметовъ ихъ, г) отношенія къ Уложенію церковныхъ соборовъ, д) духа и формы Уложенія и наконецъ е) относительно вліянія Уложенія на церковный бытъ и законодательство послѣдующаго времени).

Мы разобрали по возможности всѣ статьи Уложенія 1649 года и вообще уложеннаго законодательства относительно православной русской церкви.\* Остается теперь подвести заключительные итоги нашему анализу.

1) Церковныя статьи уложеннаго законодательства составлены на основаніи разныхъ источниковъ гражданскихъ и церковныхъ, русскихъ и греческихъ. Однакоже главнымъ и самымъ обильнымъ источникомъ послужили для нихъ — старинное русское право (Улож. XIX, 1), старые судебники, указы прежнихъ царей (Улож. гл. XXII, 1) и приговоры боярской думы (предисл. къ Улож.). Изъ русскихъ источниковъ церковнаго авторитета взяты были въ основу Уложенія постановленія прежнихъ соборовъ, напримѣръ Стоглаваго и патріарховъ, особенно Филарета Никитича (Улож. XVII, ст. 1—2 и въ другихъ мѣстахъ). Изъ византійскихъ церковно-гражданскихъ памятниковъ законодательства есть указаніе на 72 новеллу императора Льва Премудраго (ibid. XIV, 10) и безъ указаній по мѣстамъ чувствуется вліяніе византійскаго права. Но Уложение не слѣдовало рабски ему, сохраняя самобытность своего взгляда и независимость своей законодательной дѣятельности. Въ

числѣ источниковъ Уложеніемъ на первомъ планѣ провозглашаются въ предисловіи правила святыхъ апостоловъ и святыхъ отецъ, то есть каноническое право церкви. Но въ текстѣ уложенныхъ законовъ имѣется изъ этого права только одна ссылка на Василія Великаго (*ibidem*), въ прочихъ же мѣстахъ ссылка дѣлается глухо въ такой формѣ: *по правиламъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отецъ*, и часто къ такимъ предметамъ, о которыхъ у святыхъ апостоловъ и отецъ нѣтъ никакихъ правилъ, напримѣръ относительно вотчинъ родовыхъ и выслуженныхъ (Улож. XVII, 1). Вообще же Уложеніе весьма мало руководилось византійскимъ и каноническимъ правомъ. Патріархъ Пяковъ совершенно справедливо говорилъ объ Уложеніи: „изъ правилъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отецъ и благочестивыхъ царей градскихъ законовъ ничего Одоевскій съ товарищи не выписывалъ въ Уложеніе, якоже и самая уложенная беззаконная книга свидѣтельствуеть беззаконіе ихъ. А гдѣ и написалъ, будто изъ правилъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отецъ, таковыхъ правилъ нѣтъ и во всей книгѣ, и ни единого апостольскаго правила, ниже святыхъ отецъ седми вселенскихъ соборовъ и прочихъ нѣтъ, ни благочестивыхъ греческихъ царей градскихъ законовъ что либо“ (*Горчакова, Монастырскій приказъ*, стр. 85 — 86). Источное же начало статей 1-й главы Уложенія о богохульникахъ и церковныхъ мятежникахъ неизвѣстно. Конечно, они принадлежатъ къ статьямъ, по выраженію предисловія, вновь написаннымъ, по требованію жизненныхъ явленій.

2) Въ свѣтской и церковно-юридической наукѣ и литературѣ преобладаетъ мысль, будто бы Уложеніе Алексѣя Михайловича имѣло незначительное примѣненіе къ церкви. Это примѣненіе видѣли только въ статьяхъ о богохульникахъ и церковныхъ мятежникахъ (Улож. гл. I), о судѣ патріаршихъ всякихъ людей (гл. XII), о монастырскомъ приказѣ (гл. XIII) и въ статьяхъ о земельныхъ владѣніяхъ церкви (гл. XVII, XIX и друг.). Анализъ уложеннаго законодательства, сдѣланный нами, значительно расширяетъ и увеличиваетъ предѣлы доселѣ господствовавшего взгляда. Оказывается, что, сверхъ указанныхъ статей, уложенное законодательство имѣло большое примѣненіе къ разнымъ другимъ предме-

тамъ, лицамъ и дѣйствіямъ церкви, служило закономъ для судоустройства, судопроизводства и рѣшенія дѣлъ въ церковныхъ приказахъ и оставило подвѣдомственность и подсудность лицъ духовнаго чина и вѣдомства приказамъ государственнымъ.

3) Какъ памятникъ вѣшняго законодательства, Уложение не касалось внутреннего содержанія церкви. Оно не предписывало законовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, не узаконяло никакихъ порядковъ относительно вѣшняго служенія Богу и т. п. Но какъ сводъ законовъ православно-христіанскаго государства, Уложение охраняло православную вѣру отъ измѣны ей, сочувственно относилось къ ея распространенію, содѣйствовало христіанамъ въ исполненіи ими религіозныхъ обязанностей, наблюдало тишину и порядокъ во время молитвенныхъ собраній и дѣйствій и свои церковныя статьи узаконяло не иначе, какъ въ согласіи съ канонами церкви, напримѣръ относительно брака, его неразрывности и тому подобное. хотя не всегда достигало этой цѣли по малому знакомству своему съ правилами церкви.

4) По гдѣ интересы церкви, соприкасаясь съ интересами государства, не сходились между собою, тамъ Уложение стояло на сторонѣ государственныхъ интересовъ и охраняло ихъ, жертвуя интересами церкви въ пользу государства. Это направленіе уложеннаго законодательства ясно выражается въ ограниченіи подсудности духовныхъ и мірянъ церковному суду, въ устройствѣ монастырскаго приказа, въ сокращеніи правъ духовныхъ лицъ и учреждений на земельныя владѣнія, въ расширеніи судебной власти государственныхъ приказовъ надъ духовенствомъ. Вообще въ Уложеніи проглядываетъ тенденція взять верхъ и преобладаніе надъ церковію. быть самостоятельнымъ въ церковныхъ дѣлахъ, держать ихъ въ своихъ рукахъ, и распорядиться по своему.

5) Полагая начала гражданской юридической науки въ рѣшеніе вопросовъ, касавшихся церкви, Уложение иной разъ затруднялось разрѣшить ихъ съ точностію и окончательно, а иногда рѣшало неправильно. Церковные соборы, бывшіе въ теченіи уложеннаго періода, пришли на помощь Уложенію и оказали ему большую услугу въ разрѣшеніи церковно-гражданскихъ законовъ. Такъ

на обсужденіе отцевъ московскаго собора 1667 года была предложена 67 и 68 статьи о бѣглыхъ холодахъ, поставленныхъ въ попы, діаконы и монахи, или самозванно выдавшихъ себя за поповъ и монаховъ. Въ своемъ мѣстѣ мы замѣтили неудовлетворительность этихъ статей въ практическомъ примѣненіи ихъ. Соборъ же по предмету сихъ статей постановилъ слѣдующее полезное правило: „которые люди боярскіе или крестьяне бѣглые посвящены въ попы или во діаконы въ патріаршу или иныя епархіи или во иноки пострижены нынѣшняго 175 года (т. е. 1667 г.) іюня до 17 числа, а будетъ кому ихъ по сыску доведется отдать въ рабы или во крестьяны, о отдаваніи таковыхъ въ работу или во крестьяны указъ чинити по святымъ правиламъ. А съ сего числа такихъ бѣглыхъ боярскихъ и всякихъ чиновъ рабовъ, которые бѣжать отъ господъ своихъ, обоглавъ, посвящены будутъ въ попы или во діаконы, или во иноки пострижены, таковыхъ отдавати, обнажа священства и иночества: понеже умножится бѣглыхъ изъ рабства и изъ крестьянства ставитися въ попы и во діаконы не священства ради, и постригаются не душевнаго ради спасенія, но не хотя въ рабѣхъ, а крестьяне во крестьянствѣ быти. И того ради отъ сего времени безъ отпусковыхъ и безъ свидѣтельства рабовъ и крестьянъ отнюдь въ попы и во діаконы не поставятъ и въ черцы не постригати. Аще ли же кто архіерей поставитъ таковыхъ въ попы и во діаконы или повелитъ постригати безъ отпусковыхъ и безъ свидѣтельства отъ большаго архіерея, соборнѣ да запретится. А который архимандритъ или игумень, или попъ, такого пострижетъ, да извержется, или поне да запретится“ (П. С. З. т. I, ук. 17 іюня 1667 г. № 412, гл. VIII, вопросъ 1-й, стр. 704). Такимъ образомъ соборъ сдѣлалъ больше, чѣмъ Уложеніе, постановивъ такое правило, которымъ предотвращалась самая возможность поступленія бѣглыхъ въ священническій или иноческій чинъ. Известенъ случай, что и патріархи наши исправляли церковныя ошибки Уложенія. Мы замѣтили въ своемъ мѣстѣ, что оно допускало допросъ духовныхъ отцевъ, въ качествѣ свидѣтелей, относительно безнравственной жизни духовныхъ дѣтей ихъ (Улож. XX, 80). Патріаршимъ указомъ 1680 года

объявлено было не спрашивать духовныхъ отцовъ о томъ, что въ покаяніи имъ сказываютъ, хотя бы дѣло касалось не самой жизни, а завѣщанія духовныхъ дѣтей относительно ихъ имущества (П. С. З. т. II, ук. № 827, стр. 270).

6) Что касается духа и формы Уложенія и въ связи съ нимъ всего уложеннаго законодательства, то для насъ вполне непонятно, почему и гдѣ—въ какихъ главахъ и въ какихъ статьяхъ изслѣдователи исторіи русскаго государственнаго права находятъ въ Уложеніи духъ евангельскій и форму церковную, то есть свойственную церковнымъ законамъ. Такъ они укоряютъ Уложеніе за то, будто бы оно отличается духомъ евангельской кротости, на примѣръ въ назначеніи наказаній, будто облечено въ монашескую рясу и принимало на себя обязанности пастырей духовныхъ, заботясь о духовной чистотѣ и религіозно-нравственномъ единеніи людей (Учебникъ уголовного права — *Бернера*, изданіе *Н. Неклюдова*. Спб. 1865 г., стр. 213, 215 и 216). Даже церковныя статьи, изъ которыхъ дѣлаютъ такой выводъ, совершенно не оправдываютъ его. Уложеніе постановило всё эти статьи не съ прямою цѣлію содѣйствовать духовнымъ интересамъ церкви, а въ видахъ чисто государственныхъ, какъ это дѣлаютъ и нынѣшнія законодательства всѣхъ странъ, народовъ и всѣхъ религій. Но если брать Уложеніе, какъ и слѣдуетъ, въ полномъ его составѣ, то есть со стороны не однихъ церковныхъ, но и гражданскихъ законовъ, то мы увидимъ, что духъ Уложенія есть духъ его времени, духъ безпощадно суровый и строгій. Оно употребляетъ надъ мірскими и духовными людьми страшныя пытки, преступникамъ заливаетъ горло металломъ, рубить имъ головы, безъ милосердія увѣчать, зарываетъ живыми въ землю. Таковъ ли же духъ святаго Евангелія и евангельской кротости? Вообще усиленіе наказаній Уложеніе считаетъ исключительнымъ средствомъ для предупрежденія и пресѣченія преступленій. Каковъ духъ Уложенія, такова и его форма. Въсто монашеской рясы оно одѣто въ форму нещаднаго карателя правонарушеній, а къ священническому и иноческому чину отнеслось съ такою строгостію, что соборы, особенно 1667 года, признали справедливымъ умѣрить эту строгость, на что согласилась и сама за-

конодательная власть Уложения, напимѣрь, чтобы вдовымъ клирикамъ, вступившимъ въ бракъ, и потому потерявшимъ свой санъ, давались вакантія „въ царскихъ и гражданскихъ дѣлѣхъ, кромѣ воинскаго чина“, а не ставити ихъ въ простолюдинскомъ чинѣ (И. С. З. т. 1, стр. 705) и т. п.

Наконецъ 7) Уложенное законодательство, сдѣлавши большую переимѣну въ церковно-гражданскомъ быту духовенства, имѣло большое вліяніе на церковно-юридическія формы и на развитіе церковно-гражданскихъ постановленій послѣдующаго времени. Относительно вліянія на статьи законодательства мы много разъ замѣчали раньше, когда разбирали напимѣрь статьи о богохульствѣ, святотатствѣ и другія, и новыхъ доказательствъ приводить нѣтъ надобности. Замѣтимъ только, что самый духъ Уложения, духъ нещадной суровости въ наказаніяхъ, очень долго жилъ въ нашемъ церковномъ законодательствѣ и судѣ и со всею строгостію дѣйствовала почти до изданія Свода законовъ Россійской имперіи, давая себя чувствовать въ употребленіи жестокихъ тѣлесныхъ наказаній надъ духовными и мірскими людьми за церковныя и гражданскія вины. Но наконецъ и юридическія формы уложеннаго законодательства нерѣдко принимались и усваивались въ церковной сферѣ. Уложеніе напимѣрь допускало выборы низшихъ административныхъ лицъ по городамъ, напимѣрь губныхъ старостъ съ отвѣтственностію выборщиковъ за нихъ (гл. XXI, ст. 101). По этому примѣру, въ прошломъ столѣтіи духовенство само выбирало себѣ духовныхъ управителей, поповскихъ старостъ, закащиковъ и благоточинныхъ, но въ выборномъ листѣ прописывало, что въ случаѣ неблагонадежности избраннаго администратора или въ случаѣ затраты имъ на себя какихъ-либо сборныхъ суммъ, вѣчныхъ, лазаретныхъ и тому подобное, выборные люди обязуются сами отвѣчать за него и сдѣлать пополнку недочетовъ (Сильвестръ Кулябка, архіеп. с.-петербургскій. Спб. 1875 г. стр. 10).

М. Архангельскій.





# САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

## *Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»*

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

**На сайте академии**  
**[www.spbda.ru](http://www.spbda.ru)**

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки